

Росс Томас

Выборы

Глава 1

Погоня за Клинтоном Шартеллем завершилась в Денвере, где я нашел его играющим в бейсбол за «Шоферов Квиквея» на песчаной площадке, что на углу 29-й улицы и Чэмпя. Шартелль играл босиком.

«Шоферы» выигрывали 6:5 у «Кузнецов Пуэбло». На скамейках вдоль поля сидели семь игроков, их друзья и те, кто решил, что в теплый июльский вечер нет лучшего занятия, чем бесплатно посмотреть бейсбол.

Я устроился рядом с толстым мексиканцем, уплетавшим тамали¹ из газетного кулька и успевающим при этом еще давать указания игрокам.

— Дави! — орал мексиканец, приложив свободную руку ко рту.

То ли из-за аденоидов, то ли по какой-то другой причине, его голос как громом разрывал вечерний воздух.

— Где вы взяли тамали? — спросил я.

— Там вон лоток, — мексиканец показал вниз и направо.

Я подошел к старику с тележкой на велосипедном ходу и купил у него три тамали. Кулек был свернут из «Денвер пост», а каждый тамаль лежал в нем в обертке из кукурузного початка.

Я вернулся на трибуну.

— Почему тот парень без формы? — спросил я мексиканца.

— Одну минуту, — вопль мексиканца вновь подбодрил играющих. — Тот парень сидел и наблюдал за игрой. А когда Коннорс подвернул ногу, он подошел к тренеру, переговорил с ним, ему дали перчатку Коннора и он вышел на поле. Игры он не портит.

— А обычно играет Коннорс?

— Да, но он подвернул ногу.

— И этот высокий парень заменил его?

Мексиканец дожевал последний тамаль, облизал пальцы и кивнул.

— Совершенно верно.

Игра шла с переменным успехом, и Шартелль ничуть не уступал своим куда более молодым партнерам и соперникам.

— Для старика он играет отлично, — заметил мексиканец после финального свистка.

— Это точно, — согласился я.

— Ему, должно быть, под сорок?

— Может и больше, — я встал и пошел к скамейке «Шоферов Квиквея».

Я никогда не встречался с Клинтоном Шартеллем, но видел его многочисленные фотографии в подробном досье, заведенном на него в агентстве. В основном это были газетные вырезки. Почти на всех фотографиях Шартелль держался на заднем плане, стоя справа от главных действующих лиц. Выражение озабоченности не покидало его лица, словно он постоянно вспоминал, выключена ли плита. На остальных снимках Шартелль стоял рядом с ликующими мужчинами, молодыми, старыми, средних лет, которые широко улыбались и знаками сообщали о своей победе, то ли сложив большой и указательный пальцы буквой "о", то ли сцепив руки над головой в боксерском приветствии.

¹ Тамаль — толченая кукуруза с мясом и красным перцем (мексиканское блюдо).

На фотографиях лицо Шартелля напоминало разбитое сердце. Подбородок сходил в одну точку, над ним изгибался широкий рот. Нос в нижней части чуть отклонялся влево. Нос Шартелля мне нравился, мощный, хороший нос. Глаза смотрели прямо в объектив, левая бровь изгибалась аркой, придавая лицу вопросительное выражение. Никаких чувств не отражалось на этом лице, за исключением разве что рассеянного веселья, сильно смахивающего на цинизм.

Когда я подошел, Шартелль вытирал полотенцем коротко стриженные волосы. Треугольный выступ, которым они вдавались в лоб, поседел, когда Шартеллю было еще девятнадцать лет.

— Отличная игра, мистер Шартелль.

Он повернулся ко мне.

— Вы слишком молоды для селекционера «Питтсбургских пиратов»², но в моем возрасте приятно услышать такие слова.

— Я Питер Апшоу.

Он положил полотенце на скамью, и мы обменялись рукопожатием.

— Рад познакомиться, мистер Апшоу.

— Я ищу вас пять дней. Вы постоянно в дороге.

— По собственной инициативе ищите?

— Нет. Я работаю у Падрейка Даффи. В Лондоне.

— Того самого?

— Совершенно верно.

Шартелль кивнул, взглянул на зажегшиеся фонари.

— И как поживает бедный ирландский мальчуган из Чикаго, мечтающий стать знатнейшим английским лордом? — как мне показалось, ответ его вовсе не интересовал.

— Недавно он провел месяц в Нью-Йорке. Мы все надеялись, что его приняли с той же радостью, с какой мы расстались с ним в Англии.

— Как я понимаю, он не изменился?

— Ничуть.

Шартелль одобрительно взглянул на меня и вновь кивнул.

— И название все то же?

— Да, «Даффи, Даунер и Тимз». Де-Де-Те.

— Как я слышал, процветающая организация.

— Грех жаловаться.

— Падрейк Френсис Даффи... или Поросенок, как мы его звали.

— Теперь он выращивает их, если вас это интересует.

— На него это похоже. Он стал бы выращивать поросят, чтобы доказать, что свинарник, естественно, ирландский свинарник, может стать произведением искусства.

Шартелль достал пачку «Пикийунс» и предложил мне закурить.

— Не знал, что их еще производят, — удивился я.

— Их можно купить только в табачных магазинах, где не продается ничего, кроме табака. В других они бывают крайне редко.

— Слишком крепкие.

— Я что-то замерз. Почему бы нам не пойти ко мне в отель? Я приму душ, а потом

² «Питтсбургские пираты» — профессиональная бейсбольная команда.

выслушаю вас, — Шартелль оглядел покинутое всеми бейсбольное поле. — Мне представляется, предложение Поросенка Даффи требует более деловой обстановки.

Шартелль занимал маленький номер в старой части «Браун Пэлис» на углу 16-й улицы и Бродвея. Окна, из которых открывался вид на горы, две дюжины книг на полке, приличный запас спиртного в баре. Создавалось впечатление, что Шартелль обосновался здесь надолго.

— Вы женаты, мистер Апшоу?

— Уже нет.

— Я как раз подумал, что такой образ жизни едва ли покажется привлекательным женатому человеку.

— Все, вероятно, зависит от того, как долго он женат.

Шартелль ухмыльнулся.

— Тут вы правы. Налейте себе что-нибудь, а я — в душ. Ведерко со льдом в холодильнике.

Я налил в бокал «Джентльмена Виргинии», бросил два кубика льда, добавил воды и отошел к окну, чтобы посмотреть, смогу ли разглядеть горы. Кое-где горели огни, но ночью Денвер выглядел точно так же, как Бирмингем, Новый Орлеан и Оклахома Сити, в которых я побывал, прежде чем нашел Клинтон Шартелля.

Он вышел из спальни в белой рубашке, галстук в желто-зелено-черную полоску — цветах «Фузитеров Ланкашира» — темно-серых брюках и черных туфлях.

— В Денвере, как отметил кто-то из первых поселенцев, на каждый квадратный фут больше солнечного света и мерзавцев, чем в любом другом месте Соединенных Штатов. Возможно, он не ошибся. Я думаю, что Поросенок Даффи пришелся бы здесь ко двору, — Шартелль осторожно опустил в бокал ледяной кубик. — Я вижу, у вас уже налито, мистер Апшоу?

— Да, благодарю.

Он сел в кресло, пригубил виски. Издалека он выглядел на шестьдесят, пока не начинал двигаться. В досье указывалось, что ему сорок три. Вблизи, если не принимать во внимание седину, он не тянул больше чем на тридцать два — тридцать три, несмотря на широкий рот и кривой нос. Я решил, что все дело в глазах. О детских взглядах написано много чуши, но Шартелль смотрел на мир серыми глазами десятилетнего подростка, которому только что сказали, что он должен положить в банк десятидолларовую купюру, найденную им под скамейкой в парке. И хотя он знает, что другой ему не найти, он уже твердо уяснил, что больше никому и никогда не скажет о такой же находке.

— А какова ваша роль в шараде Даффи, мистер Апшоу?

— Я — один из ведущих специалистов.

— По какой части?

— Служба информации.

— Обитаете в Лондоне?

— Да.

— Стоя под душем, я думал о вашей фамилии. Вы написали серию статей о Венгрии, — он назвал газету, в которой я когда-то работал.

— Вы правы. Но это было давно.

— А теперь вы строчите для Поросенка Даффи?

— Это точно.

— Как вы меня нашли?

— Связался с национальным комитетом демократической партии в Вашингтоне. Они подсказали, где вы можете быть. Но я никак не поспевал за вами. Мне дано указание поговорить с вами лично, никаких телефонных звонков.

Шартелль поднялся и перешел к окну, из которого открывался вид на ночной Денвер.

— Так что предлагает мне Поросенок?

— Первым делом он велел назвать сумму вознаграждения.

— Естественно.

— Тридцать тысяч.

— О?

— Фунтов, не долларов.

— Я повторяю "о" с чуть большим интересом.

— Не могу винить вас за это.

— Кампания?

— Да.

Шартелль повернулся ко мне.

— Где?

— Африка.

Он улыбнулся, затем улыбка перешла в веселый смех.

— Будь я проклят, — он поперхнулся, засмеялся вновь. — Будь я проклят. Только у этого ирландского сукиного сына могло хватить наглости обратиться ко мне.

— Этого у него предостаточно.

— Да, мистер Апшоу, нахалов на свете много, но едва ли кто сравнится с Падрейком Даффи.

— Он отзывается о вас хорошо, — вступился я за своего работодателя.

Шартелль подтащил стул поближе к моему, наклонился, хлопнул меня по колену.

— Так и должно быть, мистер Апшоу! Так и только так. Вы ничего не знаете обо мне и Поросенке Даффи, а история эта слишком длинная, чтобы пересказывать ее прямо сейчас, но он просто обязан говорить обо мне только хорошее.

— Он упомянул, что вы раз или два работали вместе.

— Он рассказывал о нашей последней встрече?

— Нет.

— Полагаю, об этом знает не так уж много людей, но после того как все закончилось, я предупредил, что сотру его в порошок, если он произнесет мое имя рядом со своим, — Шартелль вновь хлопнул меня по колену. — Так и сказал, как и должен был сказать один южный джентльмен другому.

— Даффи — из Чикаго.

— Появляясь в Новом Орлеане, он становится другим человеком. В Новом Орлеане он уверяет всех, что родился в Брю Бридж. А вы сами откуда, Апшоу?

— Из Фарго. Северная Дакота.

— Ну, окажись Поросенок в Фарго, он представлялся бы уроженцем Мэндена. Или Вэлли Сити.

— Вы знаете Северную Дакоту?

— Юноша, в этой стране чертовски мало мест, которых я не знаю. И если я называю вас «юноша», то лишь с тем, чтобы сознательно перейти на более простой язык, располагающий людей к откровенности и показывающий им, что я не слишком умен, а последнее, возможно, и соответствует действительности.

— Зовите меня Пит.

— Буду стараться.

— Пожалуй, налью себе еще виски.

— Как вам угодно. Так что там насчет Африки?

Я вновь отдал предпочтение «Джентльмену Виргинии».

— Даффи попросили организовать предвыборную кампанию вождя Санди Акомоло, желающего стать премьер-министром Альбертии, которая получит независимость в День труда³.

— Кто такой вождь Акомоло?

— Он возглавляет вторую по численности партию Альбертии — национальную прогрессивную.

— Кто участвует в гонках?

— Четырнадцать партий, но считаться нужно только с двумя.

— Каким образом Поросенок впутался в это дело?

— Какао. «Какао Маркетинг Боард» стала его клиентом, и он провел обычную рекламную кампанию.

Шартелль кивнул.

— Слышал. В результате какао стали покупать больше.

— Это очень полезный продукт, — назидательно заметил я. — Так вот, вождь Акомоло входит в совет директоров «Какао Боард». На каком-то совещании он встретился с Даффи и обратился к нему за помощью.

Шартелль встал и снова подошел к окну.

— Ладно, начнем сначала. Каковы ставки?

— Очень высокие. В стране двадцать миллионов жителей, плюс-минус один или два миллиона. Одна из лучших на Западном побережье Африки. Есть нефть, добыча которой еще не началась, полезные ископаемые, крепкое сельское хозяйство, государственная машина, которая будет крутиться еще сотню лет без доильного завода. Англичане позаботились об этом.

— Кто будет считать голоса?

— Представитель королевы.

— Значит, тот, кто победит на этот раз, будет подсчитывать голоса на следующих выборах?

— Вероятно.

— То есть настоящими будут только первые выборы, потому что потом все будет предопределено.

— Вы, похоже, хорошо знакомы с африканской политикой.

— Нет, я знаком с политикой вообще. Эту науку я изучаю всю жизнь. В определенных кругах меня считают непререкаемым авторитетом, говорю об этом без ложной скромности.

— Я слышал, вы добились впечатляющих результатов.

— Сколько получит Даффи?

— Не так много, как вы думаете. На все отпущено пятьсот тысяч фунтов. Ваша доля, как я уже говорил, тридцать тысяч.

— А если вождь победит?

Я посмотрел в потолок.

³ День труда — первый понедельник сентября, американский праздник.

— Точно я не знаю. Скажем так, имеется молчаливое согласие на то, что ДДТ загребет под себя все: деловые консультации, рекламу, маркетинг, экономическое прогнозирование.

— А результат?

— Я пожал плечами.

— Полагаю, ежегодная прибыль составит двадцать миллионов.

— Долларов?

— Фунтов.

Шартелль хохотнул и покачал головой.

— Ну и ну! Поросенок подобрал себе кандидата-ниггера, который будет приносить ему двадцать миллионов в год, и просит о помощи.

— Он предупреждал, что вы так и скажете.

— Что именно?

— Кандидат-ниггер.

— Вас это нервирует?

— Не слишком, мистер Шартелль.

— Позвольте мне внести ясность.

— В смысле?

— Поросенку на это глубоко наплевать.

Тишина становилась все гуще. Я закурил привычную «Лаки Страйк», но дым пах прелой соломой, а Шартелль разглядывал меня с легкой улыбкой, как смотрят на пятнадцатилетнего подростка. И был прав: я сам не дал бы себе больше тринадцати.

— Послушайте, мы можем сидеть тут всю ночь и вы будете подкалывать Даффи, но я у него на жаловании, так что не обижайтесь, если я не буду вам подпевать.

Шартелль усмехнулся.

— Знаете, Пит, не стоит кипятиться из-за того, что я сказал ниггер.

— Я и не кипячусь.

— Знаете, юноша, я могу показать вам членские билеты Эн-Эй-Эй-Си-Пи и Си-Эр-И. Или благодарственные письма моих цветных друзей, активно участвующих в борьбе за гражданские права. Или, как южный джентльмен, могу сказать, что лучше других понимаю цветных, потому что вырос вместе с ними, как, собственно, оно и было, а свою старую цветную няньку я любил больше, чем кого бы то ни было. Я могу прямо сейчас представить вам доказательства, реальные доказательства того, что моя любовь к неграм безгранична, а закончить рассказом о том, как чуть было не женился на стройной азиатке, которую обхаживал в Чикаго, но она убежала с коммивояжером фирмы, продающей пожарные машины. Наверное, он нашел более веские аргументы, раз увел ее от меня. И я говорю «ниггер» только потому, что не могу слышать тех, кто пытается произнести ни-и-гро, а это слово застревает в горле, как рыбья кость. Говоря ниггер, я не вкладываю в это слово ничего обидного, потому что придерживаюсь теории расовых отношений Шартелля, созданной на основе многолетних взаимоотношений черных и белых и долгих часов учебы и раздумий. Как вы заметили, я по натуре человек общительный.

— Заметил.

— Так вот, теория Шартелля о гармоничных расовых отношениях простая и честная. Или мы должны дать ниггерам их права, причем не на словах, а действительное право на все, от голосования до прелюбодеяния, должны заставить их иметь эти права, подкрепить и поддержать их законом, суровым законом, следить за

исполнением которого ФБР будет до тех пор, пока самый последний из ниггеров не станет равным протестанту англо-саксонского происхождения. Я не зря сказал «или». Или мы даем им право жениться на наших дочерях, если они у нас есть, и заботимся не только о том, чтобы они могли занять равное с нами положение в обществе и получить такое же образование, но и об их экономических правах, то есть предоставить им те же возможности и средства, которыми обладают белые в погоне за счастьем, дать возможность жить не в лачугах, а на уважаемых городских окраинах. Вот тогда они будут такими же, как вы, белокожие, с вашими крепкими моральными устоями, вашей христианской добродетелью и вашим драгоценным единством. Разумеется, они, пройдя этот путь, могут что-то потерять. К примеру, свою самобытную культуру, а это не пустяк. И я говорю: или мы делаем все это для них и они становятся такими же, как все, или, клянусь богом, мы должны загнать их в свинарники! — и кулак Шартелля с силой опустил на стол.

— Что значит «ваша» христианская добродетель, Шартелль? Вы такой же, как я.

— Нет, юноша, отнюдь. Моя пра-пра-пра-прабабушка была очень милой негритянкой из Нового Орлеана. Так, во всяком случае, говорил мне отец. То есть я на одну шестьдесят четвертую — цветной, а в большинстве южных штатов это уже очень много. Так кто имеет больше прав сказать ниггер, чем мы, ниггеры?

— Вы смеетесь надо мной, Шартелль.

— Возможно, юноша, но как знать наверняка? — он усмехнулся. — Но вы не собираетесь убеждать меня, что это имеет какое-то значение?

Глава 2

Следующим утром мы завтракали вместе. Поздним вечером накануне Шартелль взял тайм-аут, сказав, что ночью хорошенько обдумает предложение Даффи. «Я хочу уделить вашему предложению самое серьезное внимание, — как писал один конгрессмен своему избирателю, пожелавшему построить мост над Большим Каньоном».

На завтрак он пришел в темном костюме, синей рубашке и галстуке в сине-черную полоску, который, должно быть, позаимствовал у другой английской военной части.

— Ночью я кое-кому позвоню, Пит, — он намазал гренки маслом.

— Кому же?

— Двум приятелям в Нью-Йорк. Поросенок хвастался там своими успехами. Этого, впрочем, следовало ожидать. Но более интересно другое — у вас объявился соперник.

— Кто же?

— Другое рекламное агентство.

Наверное, такое же выражение, как и у меня, появилось на лице Эйзенхауэра, когда ему сказали, что Макартур уволен.

— Какое?

— «Ренесслейр».

— О. Или лучше: о, о, о.

— Я отреагировал точно также. Одно упоминание «Ренесслейра» действует на нервы. Как скрежет ножа по тарелке.

Я на мгновение задумался.

— Отделения в Лондоне, Стокгольме, Копенгагене, Брюсселе, Париже, Мадриде, Франкфурте, Цюрихе, Риме, в дюжине городов США, Гонконге, Бомбее, Токио и

Маниле. Что я упустил?

— Торонто, Сидней, Сеул и Йоханнесбург.

Существует несколько типов рекламных агентств. Состоящие из одного-двух сотрудников и существующие на подачки таких же крохотных радиостанций и газет. Быстрорастущие, хватаящиеся за все и вся, ракетой рвущиеся к успеху, чтобы затем раствориться в общем рисунке делового мира. Есть агентства вроде «Даффи, Даунер и Тимз», концерны с многомиллионными оборотами, движимые прелестями, гением, излишествами и нравами карнавала денег. И, наконец, есть десяток агентств, размеры, финансовая мощь и безжалостность которых сравнимы разве что с их чудовищной посредственностью. Именно они ответственны перед нацией за нынешний уровень телевидения, радио, значительной доли американской субкультуры, которая столь прибыльно эксплуатируется за рубежом.

В этом десятке «Ренесслейр» по своему могуществу занимал третью или четвертую позицию. Если остальные делали деньги на плохом вкусе американской публики, то «Ренесслейр» решил стать совестью мира.

— Они организовали у себя управление международных дел, — задумчиво заметил Шартелль. — Оно сочетает в себе худшие черты Морального перевооружения, Корпуса мира и Международного общества ротарианцев. У них есть лекторское бюро и они готовы доставить оратора в любое место в течение двенадцати часов, при условии, что слушателей будет не меньше пятисот. И он произнесет речь на языке аудитории. У них есть отделы Океании, Юго-Западной Африки, Италии, Исландии. Насколько я знаю, даже Антарктиды.

— Нам об этом известно, — кивнул я. — Они рассылают тексты речей. Их переводят и дают оратору для выступления. Они наводнили этими речами весь мир.

— Помнится, в прошлом году они проводили предвыборную кампанию в Калифорнии.

— Кого они поддерживали?

— Их клиент играл в кино злодеев. Тот, кто играл героев, отстал на полмиллиона голосов.

— Вы в ней участвовали?

— Собирался, но разузнал, что к чему, и решил, что связываться не стоит. Я не смог рассчитать, каким будет расклад голосов. Но, похоже, под влиянием «Ренесслейра» многие избиратели в последний момент передумали.

Ложкой я выводил на скатерти замысловатые узоры.

— За кем стоит «Ренесслейр»?

Шартелль выудил из кармана полоску бумаги.

— Имя я записал. Как раз хотел спросить вас о нем. Клиент «Ренесслейра» — мусульманин. Что вы о нем знаете?

— Образование получил в Аги, говорит с чистейшим оксфордским акцентом, если таковой существует. Богат, личный самолет, конюшня «роллс-ройсов». Наследный правитель нескольких миллионов альбертийцев, живет во дворце к югу от Сахары, подробное описание которого можно найти на страницах «Тысячи и одной ночи». Англичане его любят, потому что у него не забалуешь.

— И Поросенок Даффи хочет, чтобы я поехал в Альбертию и провел предвыборную кампанию вождя... как его там... вождя Акомоло. Санди Акомоло сэра Алакада Меджара Фулава? О, его имена просто скатывались с языка.

— Насколько я слышал, он их укоротил.

— Вот что я скажу вам, Пити: это и иностранная политика, и Мэдисон Авеню, и Торговая палата, и Африка, связанные воедино голубой ленточкой. А Поросенок Даффи плюхнулся в самую гущу, нахлебался и завопил о помощи. Словно старина Клинт Шартелль, в пробковом шлеме и шортах, только и ждал, когда же придет пора его спасать. Ха-ха-ха!

— Зовите меня Питер, — огрызнулся я. — Или Пит, или мистер Апшоу, но, ради бога, обойдемся без Пити!

— Почему, юноша? Или вам не нравится мое произношение?

— О, черт с вами, обращайтесь ко мне, как вам угодно.

— Из этого следует, что и вы намерены участвовать в кампании вождя Акомоло?

Я кивнул:

— Да, я вытащил короткую соломинку.

— И каковы ваши будущие обязанности?

— Я буду писать. Если найдется хоть один читатель.

— Это прекрасно. И какой из вас писатель, Пит?

— Я пишу быстро. Не очень хорошо, но быстро. В свободное от основного занятия время могу очинивать карандаши и смешивать коктейли.

— Так что конкретно хочет от меня Даффи?

Я взглянул на него и улыбнулся. Впервые за все утро:

— Мистер Даффи хотел бы, чтобы вы, я цитирую, «привнесли в предвыборную кампанию немного американской пошлятины».

Шартелль откинулся на спинку стула, изучая потолок.

— Интересно. И что, по-вашему, я буду делать?

— У вас репутация лучшего организатора политических кампаний в Соединенных Штатах. Шесть мэров крупнейших городов, пять губернаторов, три сенатора и девять членов палаты представителей конгресса США вы можете смело занести на свой счет. Благодаря вам в четырех штатах прокатили закон о налогообложении, в пяти — проголосовали за его принятие. Другими словами, лучше вас никого нет, и Падрейк Даффи просил сказать вам об этом. Вы должны сделать все необходимое, чтобы вождь Акомоло стал премьер-министром.

— Видите ли, Пит, я как раз заканчивал мое, так сказать, сентиментальное путешествие.

— О чем вы?

Шартелль потянулся за чеком, подписал его и встал.

— Давайте-ка пройдемся, — мы вышли из отеля и направились по Бродвею к Колфаксу. Шартелль закурил.

— Я попал на бейсбол после того, как купил дом. Для старика я выглядел совсем неплохо.

— Вам сорок три. Кеннеди в вашем возрасте играл в американский футбол с большой спиной.

— Признаю, я очень подвижен, в детстве не утруждал себя чтением.

— Вы упомянули о сентиментальном путешествии, — напомнил я. — Кварталом раньше.

— Сентиментальное путешествие напрямую связано с моей юностью. Я жил в этом городе, знаете ли.

Мы свернули на Колфакс и направились к золотому куполу Капитолия, рядом с которым имелась географическая отметка, сообщающая, что город Денвер расположен

на высоте 5280 футов над уровнем моря.

— Я жил здесь с отцом и его подругой в 1938 и 1939 годах. Неподалеку от бейсбольного поля. Район и тогда был так себе. Отец и я, шестнадцатилетний подросток, приехали из Оклахома Сити. Остановились в «Браун Пэлис», и отец взял в аренду участок земли близ Уолзенбурга, поставил там вышку, нанял людей и пробурил три самых глубоких сухих скважины.

Шартелль коснулся моей руки, и мы вошли в маленький бар, сели за столик, заказали кофе.

— Отец, естественно, разорился. Он кричал на всех углах, что в Колорадо должна быть нефть, и в конце концов оказался прав. Просто он поставил вышку не на том месте.

Официантка принесла кофе.

— Мы съехали из «Браун Пэлис» и сняли дом, который я вчера купил. Жили мы там втроем: я, отец и его подруга, Голда Мей. Времена настали трудные, но я продолжал заниматься, оставив папаше заботы о деньгах.

— Заниматься чем?

— Атлетической гимнастикой. Так это теперь называется. По самоучителю. Увидел его рекламу в каком-то журнале и заказал. Еще в Оклахома Сити, когда отец был при деньгах. Я следовал разделам самоучителя, как Святому Писанию. Поэтому сегодня я такой подвижный.

— И что вы собираетесь делать с домом?

— Не торопите меня, — притворно рассердился Шартелль. — Вскоре после того, как деньги кончились, Голда Мей исчезла, и мы с отцом остались вдвоем. Я сожалел о ее уходе, с ней было хорошо. А как-то раз папаша зовет меня и говорит: «Сынок, моего заработка не хватает, чтобы прокормить нас обоих, так что какое-то время тебе придется жить одному. Но ты можешь взять нашу машину». Предложение было щедрым, хотя и бесполезным. Стояла зима, а у нас не хватало денег на технический спирт, вода замерзла и разорвала радиатор. Но он мог предложить мне только машину, что и сделал в конце концов, и мы не стали упоминать о том, что она не стоит ни гроша. Я лишь поблагодарил его и отказался, как он меня учил, — Шартелль помешал кофе. — Вчера я купил дом в Денвере, а до этого — три дома в Новом Орлеане, Бирмингеме и Оклахома Сити. В этих домах мы с отцом жили дольше всего. Теперь они мои, и я в любой момент могу войти в них, пройтись по комнатам, вспоминая прошлое... или не вспоминая.

— Вы собираетесь в них жить?

— Нет, я буду их сдавать. Беднякам-неграм за один доллар в год. При условии, что смогу прийти и походить по дому, когда мне этого захочется. Я требую не слишком многого, не так ли?

— Думаю, что нет.

Мы встали. Я расплатился, и мы вернулись на Кол-факс. Пошли обратно к Бродвею. Я оглядывался вокруг, стараясь представить, как все тут было двадцать семь лет назад, когда семнадцатилетнему подростку предложили уехать из дому на машине с лопнувшим радиатором.

— А как ваш отец? — спросил я.

— Не знаю. Наши пути разошлись. Я не видел его лет двадцать пять.

— Не пытались его найти?

Шартелль взглянул на меня и улыбнулся.

— Честно говоря, нет. А как по-вашему, стоило?
— Затрудняюсь ответить.
Полквартала мы отшагали молча.
— Когда Поросенок Даффи ждет меня в Лондоне?
— Как можно раньше.
Шартелль кивнул.
— Значит, вылетаем сегодня.

Глава 3

В десять утра я заехал за Шартеллем. Мы летели всю ночь, с пересадкой в Нью-Йорке. Шартелль вышел в светло-сером костюме, белой рубашке и черном вязаном галстуке. Его брови чуть изогнулись при виде моего котелка и аккуратно сложенного зонтика.

— «Стетсон» у нас носит Даффи, — пояснил я. — Я же стараюсь ассимилироваться.

За завтраком мы говорили о пустяках, затем прошли пешком несколько кварталов до конторы. Джимми, наш швейцар, тепло поздоровался со мной. Я представил Шартелля. «Всегда рад познакомиться с американским джентльменом», — просиял Джимми.

— Мистер Даффи уже здесь? — спросил я.

— Только что пришел. Не больше чем за четверть часа до вас.

Вслед за мной Шартелль поднялся в мой кабинет. Я представил его секретарше. Она обрадовалась моему возвращению. На столе лежали две записки от Даффи. Тот просил немедленно позвонить ему. Шартелль огляделся.

— Или ваше агентство на грани банкротства, или вы зарабатываете слишком много денег.

— Вы еще не видели апартаментов Даффи.

— Единственное, что не соответствует общему стилю, вот эта машинка, — Шартелль указал на мою пишущую машинку фирмы «Эл. Си. Смит», сработавшую тридцать пять лет тому назад.

— Даффи видит в этом особый шик. Агентство выложило десять фунтов, чтобы восстановить эту рухлядь. Показывая клиентам мой кабинет, Даффи говорит им, что я напечатал на ней мой первый заголовок и не могу напечатать ни слова ни на какой другой машинке.

— Вы когда-нибудь пользуетесь ею?

Я сел за свой подковообразный стол и выдвинул портативную электронную «смит-корону».

— Я работаю на этой машинке. Она печатает быстрее. Я же говорил, что пишу быстро.

Шартелль опустился в одно из трех обитых черной кожей кресел, выстроившихся перед моим столом. Рядом с каждым стоял куб полированного тика с яркими керамическими пепельницами.

— У вас ковер на полу и картины на стенах. Не хватает только музыки.

Я нажал кнопку. Мелодия блюза заполнила кабинет. Еще одно нажатие кнопки — и музыка стихла.

Шартелль усмехнулся и закурил.

— Я только что заметил, что в кабинете нет двери.

— Дверей у нас мало, — подтвердил я. — Парадная, запасные выходы, те, что ведут в туалеты, и четыре — в женских кабинках. Все остальные Даффи приказал снять. Он говорит, если кто-то хочет кого-то найти, он или она может заглянуть в любой кабинет. В «Даффи, Даунер и Тимз» секретов нет. Это сумасшедший дом.

А мгновение спустя появился и хозяин сумасшедшего дома.

— Шартелль, черт бы тебя подрал, как поживаешь? — Даффи, похоже, собрался за город. Зеленый твидовый костюм, светло-светло-зеленая, чуть ли не белая рубашка, черный с зеленым галстук. Даже не глянув на ноги, я догадался, что ботинки будут бежевые.

Шартелль не спеша выбрался из кресла, переложил сигарету в левую руку, медленно протянул правую Даффи. Его лицо расплылось в широкой улыбке, голова чуть склонилась набок. Про меня забыли. Для него существовал только Даффи. Шартелль давал показательный урок. Его взгляд светился неподдельной любовью и дружбой, более того, искренним интересом к человеку, руку которого он пожимал в этот момент.

— Поросенок Даффи, — проворковал Шартелль. — Как я рад видеть тебя в полном здравии.

Поросенок Даффи пропустил это мимо ушей. Даже не мигнул.

— Девять лет, Клинт. Сегодня утром, по пути на работу, я вспомнил, где это было. Чикаго, «Стокъярдс Инн».

— Двадцать второго июля.

— В четыре утра.

— В номере 570.

— Клянусь богом, ты прав! — Даффи отцепился от руки Шартелля. — Ты ни на йоту не изменился, Клинт. Долетел хорошо? Мой парень заботился о тебе?

— Мистер Апшоу — сама вежливость. И прирожденный коммивояжер. Так что я здесь.

Синие глаза Даффи зыркнули на меня.

— Как ты, Пит?

— Отлично.

— Ты сообщил Клинту все подробности?

— Только основные моменты.

— Он упомянул тридцать тысяч фунтов, — улыбка не сходила с лица Шартелля. — Самый существенный момент. Как тебя занесло в Африку, Поросенок? Это же не твоя территория.

Даффи расхохотался.

— Ты словно прочитал мои мысли, Клинт. Падрейк, говорил я себе, у тебя же полно дел. И нет времени, чтобы как следует оценить ситуацию. Но потом я подумал, а кто сможет повернуть такую кампанию? — его голос потеплел. — И пришел к выводу, что на это способен только один человек, не в Англии, не в Штатах, но во всем мире. Клинт Шартелль, — он взглянул Шартеллю в глаза. — Поэтому я попросил Клинта Шартелля помочь мне. — Даффи выдержал паузу. — Более того, помочь Африке.

Шартелль покачал головой, словно по достоинству оценивая мастерство виртуоза. Голос его был столь же сладок, как и Даффи.

— В таком случае, Падрейк, я просто не имею права отказаться.

Даффи просиял, схватил Шартелля за руку, увлек к несуществующей двери.

— Я освободил для тебя все утро, Клинт. Сейчас мы обсудим наши дальнейшие действия, потом повидаемся с кандидатом. Он прилетел два дня назад и отбывает сегодня вечером, но вы познакомитесь за ленчем, — Даффи обернулся. — Пошли, Пит, — в последний момент он-таки вспомнил про меня.

По холлу мы прошли мимо двух секретарей Даффи и «Вешалки для шляп», охранявшей вход в его кабинет, естественно, без двери. «Вешалкой для шляп» называлась скульптура из сваренных обрезков металла. Высотой в семь футов, установленная на пьедестале из оникса, она олицетворяла распятие. Так, по крайней мере, полагал ее создатель. Поперечина креста более всего напоминала покореженный автомобильный бампер. Как-то раз, после отменного ленча с изрядной дозой спиртного, я повесил на нее свой котелок. Даффи не разговаривал со мной неделю, но с тех пор скульптуру не называли иначе как «Вешалка для шляп». Шартелль одобрительно кивнул, взглянув на нее, и мы зашли в кабинет Даффи.

Собственно, это была просторная гостиная, пахнувшая кожей, шестигранные куски которой толщиной в четверть дюйма покрывали стены вместо обоев. В камине пылал огонь, удобные кресла стояли вокруг кофейного столика, сделанного, как утверждал Даффи, из дубового дна огромной винной бочки. Тут и там на маленьких, развешанных по стенам палочках, красовалась продукция основных клиентов агентства: банка растворимого чая, пачка бумажных салфеток, бутылка пива, модель реактивного самолета, миниатюрное здание банка, модель автомобиля, пачка какао, сигарет. Каждая такая полочка обходилась клиенту в три миллиона фунтов в год. Письменный стол заменял единственный телефонный аппарат у кресла Даффи, также стоящего у кофейного столика.

Даффи сел и знаком предложил нам последовать его примеру. Шартелль оценивающе оглядел кабинет.

— Похоже, с англичанами у тебя все получается, — повернулся он к Даффи.

— Мы растем, Клинт, понемногу расширяемся с каждым годом.

Нас прервал Уилсон Дэвис, художественный редактор. Он не стучался. Просто вошел и сунул эскиз под нос Даффи.

— Привет, Пит, — кивнул мне Дэвис.

— Как дела, Уилсон? — отозвался я.

— Если он когда-нибудь поймет, что ему нужно, все будет хорошо.

— Прижимает тебя?

— Это четвертый вариант. Представляешь, четвертый!

— Вот это мне нравится, — вмешался в нашу беседу Даффи. — Чувствуется стиль ДДТ.

Уилсон подхватил эскиз и ушел.

— И так весь день, — пояснил я Шартеллю. — Политика открытых дверей.

— Экономится время, — Даффи оседлал любимого конька. — Улучшается моральный климат. Этот молодой человек — талантливый художник, лучший в Лондоне, да и в Нью-Йорке был бы одним из первых. Я ему нужен, поэтому он идет в кабинет. Ему не приходится объясняться с полудюжиной секретарей и помощников. Он не должен ждать у закрытой двери, гадая, а не идет ли речь о нем. Он просто входит, излагает свое дело и через минуту уходит. Его время стоит пять гиней в час. Я считаю, что мой метод экономит полчаса ожидания в приемной плюс полчаса, в течение которых он приходил бы в себя от визита к руководству.

— Разумно, — согласился Шартелль, — и раз уж мы заговорили о деньгах, я думаю, стоит напомнить тебе о моих обычных условиях.

— Треть сейчас, треть по ходу работы и треть за неделю до дня выборов. Так?

— Плюс расходы.

Даффи поднял телефонную трубку и нажал одну кнопку.

— Не могли бы вы выяснить, заверил ли мистер Тимз чек для мистера Шартелля? Отлично, давайте его сюда.

Одна из секретарей принесла чек Даффи. Тот внимательно просмотрел его и передал Шартеллю.

— Десять тысяч фунтов.

Шартелль глянул на цифры и сунул чек во внутренний карман пиджака. Достал пачку сигарет, закурил.

— Поросенок, дружище, и что я должен сделать, чтобы заработать эти деньги?

Даффи чуть подался вперед.

— Это крупнейшая кампания в твоей карьере, Клинт. И самая важная. На нее положил глаз Уайтхолл, да и Штаты не останутся в стороне. Я побывал в Альбертии, Клинт — это фантастика. Нам предоставляется отличная возможность возвести в Африке бастион демократии. А ты, Клинт, приобретешь репутацию ведущего политического стратега. Но самое главное для меня, да и для тебя тоже — мы добьемся избрания достойного человека.

— Твоего клиента? — переспросил Шартелль.

— Вождя Акомоло.

— Полагаю, ты слышал о «Ренесслейре»? — улыбнулся Шартелль. — Они тоже хотят избрать достойного человека. Альхейджи сэра Алакада Меджара Фулаву. О, господи, чуть не сломал язык.

Синие глаза Даффи затуманились.

— «Ренесслейр» поддерживает Фулаву? Кто тебе сказал?

— Нью-Йорские приятели. Неужели ты об этом не слышал?

Даффи повернулся ко мне.

— Ты в курсе?

— Мне сказал Шартелль.

— Даффи поднял трубку.

— Принесите блокнот, — рявкнул он.

Вошла секретарь. Я понятия не имею, где брал их Даффи, но они менялись каждую неделю. На второй день работы в агентстве они уже знали, кто есть кто. А потом исчезали, чтобы уступить место не менее компетентным коллегам.

— Телеграмма Трукейну, Нью-Йорк:

«ГОВОРЯТ ПРОПИСНОЕ Р. УЧАСТВУЕТ В ОПЕРАЦИИ НЕБЕСНЫЙ ДУХ В ПАУ ПАУ. ПОЧЕМУ МЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ? ЧТО ИЗВЕСТНО О ТАТУИРОВАННОМ ЛИЦЕ? ПРИШЛИТЕ ПОЛНЫЙ ОТЧЕТ. КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ. ДАФФИ.»

— А где же «с наилучшими пожеланиями»? — спросил секретарь.

— Обойдутся! — фыркнул Даффи.

— Интересный ребус, — улыбнулся Шартелль. — Прописное Р. — это «Ренесслейр». Небесный дух — Альхейджи и все остальное. Пау-Пау — Альбертия. А кто у нас Татуированное лицо?

— Вождь Акомоло.

Шартелль хохотнул.

— Какая кличка у вас Пити?

— Нам нужен псевдоним для Клинта, — заметил Даффи.

— Как насчет Пирожка? — предложил Шартелль.

— Отлично. Внесите в список, — кивнул Даффи секретарю.

— Как числитесь вы, Пит? — не отставал Шартелль.

— Скарамуш, — я пожал плечами.

— А ты, Поросенок?

— Наемник.

— Нужен ли этот маскарад?

— Да и нет. Профессионалов этим не обманешь, но просто любопытные не узнают ничего лишнего. Обычная мера предосторожности.

— Но уж «Ренесслейр» мы на этом не проведем.

Даффи улыбнулся.

— Надо провести, Клинт. Это твоя работа.

— Раз уж мы утрясаем все детали, Даффи, я надеюсь, ты разъяснил кандидату основные правила игры? Первое, кампанию веду только я, от значков до банкетов. Второе, деньгами я не занимаюсь.

— Я знаю об этом, кандидат — тоже. О деньгах позаботится. Ты лишь должен найти способы их потратить.

— Обычно я неплохо с этим справляюсь.

— Вот о чем я хочу спросить. Конкуренты тебе по силам?

— «Ренесслейр»?

— Хотя бы.

Шартелль поднялся, отошел к окну. Полюбовался открывающимся видом, затем двинулся к полочке с миниатюрной копией банка.

— Ребята там способные. Я не стал бы их недооценивать. Но раз мы играем на чужой территории, у меня есть несколько козырей. У тебя хорошая служба информации?

Даффи кивнул.

— Одна из лучших.

— Можешь не сомневаться, самая лучшая у «Ренесслейра», так что у тебя только вторая из лучших. Но ты можешь привлечь ее, если возникнет такая необходимость?

— Она в полном распоряжении вождя... и в твоём тоже.

— Как я понимаю, в гонке участвуют трое: вождь Акомоло, Альхейджи и так далее и кто-то еще. Кто этот третий и в чем его сила?

— Доктор Кенсингтон Колого. Выходец из восточной части Альбертии. Настоящий доктор — защитил диссертацию в университете Пенсильвании.

— Кто его поддерживает?

— В восточном регионе живет примерно треть населения страны. Там добывается железная руда и олово, так что за ним стоят профсоюзы и радикальные молодежные организации.

— Неплохая база. Как конкурент он опасен для вождя Акомоло?

— Не столь как Фулава.

— Ты проверял, не ведет ли его кампанию еще одно агентство? Мне не хотелось бы приехать в Альбертию и узнать, что, кроме «Ренесслейра», мне противостоит и «Дойл Дейн».

— С рекламным агентством он не связан, — Даффи не сводил глаз с лица Шартелля.

— Тогда с кем же?

— С ЦРУ.

Глава 4

Шартелль вернулся к креслу, положил ногу на ногу, уставился в потолок. Даффи наблюдал за ним. Я — за Даффи.

— Что ж, старина, круг замкнулся. Для тебя и для меня. Прошло не так уж много времени с той поры, как ты, я и Даунер взяли и потеряли ту французскую радиостанцию для дядюшки из этой самой конторы.

— Тогда шла война, Клинт.

Шартелль взглянул на Даффи, нахмурился.

— Знаешь, Поросенок, меня всегда удивляло, как же гладко пошли у тебя здесь дела. Я хочу сказать, что агентство растет с того момента, как ты ступил на английскую землю.

— Во время войны я завязал много контактов. Тебе известно об этом, Клинт.

Шартелль еще раз оглядел кабинет.

— Да, известно. И полагаю, ты не утратил эти связи и сейчас, иначе как ты мог узнать, что ЦРУ желает принять участие в наших забавах.

Даффи бросил на меня короткий взгляд.

— Кроме вас двоих, об этом никто не знает. И разговор этот должен остаться между нами. Информация получена мною от человека, которому я оказал серьезную услугу. Я рассчитывал вернуть этот долг иначе. Куда с большей прибылью. Но теперь он расплатился со мной сполна.

Шартелль подмигнул мне.

— А что скажет по этому поводу вождь Акомоло?

— Черт побери, Клинт, ты прекрасно понимаешь, что не следует посвящать его во все секреты.

— Я просто хотел убедиться, что и ты того же мнения.

— Никто не должен знать об этом. Не можем же мы выпустить пресс-бюллетень, объяснив во всеуслышание, что ЦРУ вмешивается во внутреннюю политику африканской страны? Чушь. А что, по-твоему, делаем мы... или «Ренесслейр»?

— Пока я вижу, что три американских учреждения пытаются получить преимущество в скачках с участием трех лошадей, — ответил Шартелль. — Странно, что ни один из кандидатов не обратился к твоим английским конкурентам. Среди них есть толковые ребята.

Даффи тяжело вздохнул. Посмотрел на дверной проем и впервые, как мне показалось, пожалел о том, что не может закрыть дверь.

— Вождь Акомоло ненавидит англичан. Не спрашивай, почему, это у него в крови. Они колонизаторы. Империалисты. Фулава клюнул на теорию крепкого кулака «Ренесслейра». Хотя и циник, он поверил, что в жизни все пойдет, как они и расписывают. Что же касается доктора Колого, то ЦРУ предложило ему крепкую основу для его предвыборной кампании, и имя ей — деньги. Таким представляется мне расклад сил.

Шартелль наклонился к столику.

— А теперь, Падрейк, поправь меня, если я где-нибудь ошибусь. Допустим, все обстоит так, как ты говоришь, и доктор Колого опирается на профсоюзы и молодых радикалов.

— Молодыми они считаются до сорока пяти лет.

— На кого тогда рассчитывает старина Альхейджи?

— За него мусульмане и эмиры. Ситуация там запутанная, но вожжи он держит крепко. По политическим убеждениям он правый, если только его можно назвать правым.

— Кто же правее его?

— Возможно, социал-демократы Западной Германии. Или здешние лейбористы. Но не намного.

— А вождь Акомоло?

— С ним социалисты и его племя, самое многочисленное в Альбертии, если не считать, что кое-кто из его соплеменников — мусульмане.

Шартелль кивнул.

— С этим мы разобрались. А далеко ли влево зашли профсоюзы, поддерживающие доктора Колого? Догоняют Китай?

— О боже, нет!

— Россию?

— Нет. Профсоюзные деятели и молодежь всего лишь левее остальных. В Альбертии тридцать один коммунист. Тридцать два, если считать миссис Прайс-Смит, переехавшую туда на старости лет. Но она англичанка, так что ее можно не учитывать. Там нет крайне левых и крайне правых. Если кто и левее центра, то на самую малость.

— Что ж, кое-что начинает проясняться, — Шартелль встал, прошелся по кабинету. — Черт побери, Пит, все складывается как нельзя лучше. Африка, племенные вожди, шейхи и агенты секретной службы, шастающие по тропическим лесам. Крушение остатков Империи. Дикие нравы и совсем рядом с Тимбукту! — он повернулся к нам. — Не удивительно, что ЦРУ влезло в это дело, и знаете, почему? Потому что их склоняют на всех углах за поддержку леваков, военных, правых экстремистов. Нет бы им вступить за убежденных либералов, выражающих интересы народа. В докторе Колого они нашли прекрасного кандидата — достойного человека, как только что назвал его Пит. По убеждениям он не правый, не связан с армией, опирается на профсоюзы, и в случае его победы ЦРУ позаботится о том, чтобы все узнали, кто ему помогал. Если он проиграет, то и черт с ним. Они поставили на лучшего из кандидатов, но избиратели рассудили иначе. По крайней мере на этот раз никто не обвинит их в связях со зловещим военно-промышленным комплексом, если таковой в Альбертии имеется.

— Не совсем так, Клинт, — покачал головой Даффи. — Во многом ты прав, но не во всем. Выборы будут проводиться так же, как и в Англии, по округам. Если ни одна из партий не получит простого большинства, будет сформировано коалиционное правительство. Вероятность такого исхода весьма велика. Если это произойдет, вождь Акомоло и Фулава будут обхаживать доктора Колого, потому что не переносят друг друга. И вот тут последнее слово может оказаться за ЦРУ.

Я вполуха слушал дискуссию о будущем крупной африканской страны на ближайшие пятьдесят лет или около того. Возможно, такие же разговоры велись за закрытыми дверями все те годы, которые я провел в коридорах отелей или государственных учреждений, ожидая, пока кто-то выйдет к журналистам и солжет о

происходящем внутри. И никто не знал наверняка, то ли там обсуждаются серьезные проблемы, то ли высокие договаривающиеся стороны зевали, ковыряли в носу или судачили о женщинах, пока пресс-секретарь печатал коммюнике.

Я думал о том, каким образом Даффи удалось узнать, что ЦРУ интересуется Альбертией. И, глядя на Даффи и Шартелля, представлял номер в отеле или кабинете где-то в Париже, Лондоне, Лагосе или Виргинии и двух неслышно беседующих мужчин. «И что ты думаешь насчет Альбертии? — вопрошал первый. — Не послать ли нам туда Джонсона? Хватит ему слоняться по коридорам». «Неплохая мысль, Стенли (или Билл, или Джон, или Рекс, или Брайн), — отвечивал второй. — Изложи все на бумаге, а я протолкну ее через руководство.»

Резкие нотки, появившиеся в голосе Даффи и Шартелля, вернули меня к реальности.

— Но я предлагаю тебе помочь, Клинт. Даунер сейчас там и может задержаться на пару месяцев, чтобы содействовать тебе и Питу.

— Даунер мне не нужен, потому что я знаю Даунера и работал с ним раньше. Вспомни, как ты, я и Даунер оказались в Льеже и хотели добраться до Аахена, а этот бестолковый...

— Можешь не продолжать. Я помню. Хорошо, Даунер отпадает. Скажи, кого бы хотел иметь под рукой?

Секретарь принесла стопку писем, положила их на кофейный столик и сунула Даффи ручку.

— Подпишите их. Прямо сейчас.

Даффи подписывал, продолжая говорить:

— Если хочешь, привезем кого-нибудь из Штатов. У меня есть пара приличных канадцев, для вождя они сойдут за американцев.

Шартелль молча шагнул по комнате. Заговорил он лишь после того, как секретарь собрала письма, вытащила ручку из нагрудного кармана пиджака Даффи и вышла из кабинета.

— Я знал одного человека, который обсуждал важные дела в присутствии секретаря. Однажды он пришел на работу, чтобы увидеть, как выносят мебель и снимают с двери табличку с его фамилией.

— Я же не сказал ничего такого, что могла бы понять.

— Ты просто не замолчал. Слово здесь, два — там, у кого-то из твоих красавиц хватит ума сложить их вместе — и ты оглянуться не успеешь, как перед тобой развернется земля. Что же касается помощи, я думаю, что мы со стариной Питом управимся сами. Он едет со мной?

— Да, на всю кампанию, — кивнул Даффи. — Разумеется, командовать парадом будешь ты, Клинт.

— О, я буду лишь думать, говорить и оценивать обстановку. А Пит может писать и разрешать организационные неувязки.

— Клерков вы подберете на месте.

— Когда нам отправляться?

Даффи взглянул на меня.

— Как насчет завтрашнего дня? Если вы дадите мне паспорта, визы в них проставят еще сегодня. Ты не возражаешь, Пит?

— Отнюдь. Я же проведу здесь целый день. Могу лететь и завтра.

Послушай, Пит, опыт, который ты приобретешь в этой кампании, обеспечен. Ты и

так котируешься у нас очень высоко, а вернешься, — стремительно пойдешь в гору. И Даунер, и Тимз придерживаются того же мнения.

— По части посулов он мастак, не так ли, Пит? — ухмыльнулся Шартелль.

Даффи поднялся, подошел к моему креслу, положил руку мне на плечо.

— Он хороший парень, Клинт. У него врожденный талант. И богатое воображение. В его возрасте я уступал ему, а ведь я был один из лучших.

Шартелль кивнул, на этот раз без улыбки.

— Готов это подтвердить, Поросенок. Ты был один из лучших.

— Да и сейчас стараюсь не отставать, знаешь ли.

— В чем же?

— Если требуется несколько слов, подбираю их обычно я. А теперь, ваши паспорта, — Даффи взял их у меня и Шартелля, вызвал секретаря, отдал ей паспорта, предупредил, что вернуть их нужно до конца дня. — В четыре часа заедем к моему личному доктору, он сделает вам необходимые прививки.

— Какие? — поинтересовался Шартелль.

— От ветряной оспы, желтой лихорадки, тифа и столбняка. Если только тебе их не делали в последнее время.

— Нет, не делали.

Вошла секретарь, наклонилась к Даффи, что-то шепнула ему на ухо. Тот кивнул.

— Он здесь.

— Кто? — спросил Шартелль.

— Вождь Акомоло. Мы же договорились встретиться за ленчем. Тебе понравятся земляные орехи, Клинт? Мы нашли альбертийского повара, который прекрасно разбирается в национальной кухне.

— Что это за земляные орехи, Пит?

— Похожи на арахис.

— Я не предполагал, что мы будем разрабатывать стратегию над тарелкой супа, Поросенок.

— Попробуем, Клинт. Думаю, у нас все получится.

— Хотите, я угадаю, что у нас в меню? — вмешался я.

— Что же?

— Жаркое из кур.

— Ты прав. Лидер его любит.

— Кто? — переспросил Шартелль.

— Лидер. Так мы его зовем. Более точно, чем премьер, и не так фамильярно, как босс.

— Я намерен называть его вождем, — твердо заявил Шартелль. — Впервые мне довелось иметь дело с настоящим вождем, и я не собираюсь обращаться к нему как-то иначе.

Даффи скривился.

— Надо бы повежливее, Клинт. Эти люди очень чувствительны. Англичане так и не поняли, как держать себя с ними. Откровенно говоря, они презирали африканцев.

— Знаешь, Поросенок, не тебе учить меня, как общаться с ниггерами, не так ли, старина? Не ты, а я вырос среди них, — голос Шартелля стал жестким, как наждак. Точно так же говорил он со мной в Денвере, когда я предложил ему ехать в Африку.

— Побойся бога, Клинт, я не собираюсь тебя учить. Я лишь подчеркиваю, что альбертийцы тонко чувствуют, как относятся к ним белые. Особенно англичане. Вот и

все.

Шартелль подошел к картине какого-то модерниста, повешенной Даффи на кожаной стене, холодным синим пятном выделяющейся на светло-коричневом фоне.

— Тебе известно, что у меня нет желания объяснять кому-либо мое отношение к цветным, Поросенок. Если же ты считаешь, что воспитание, полученное мною в южных штатах, и мои деревенские манеры покажутся оскорбительными для твоего клиента, давай разбежимся прямо сейчас. Я поброжу по Лондону пару недель и вернусь в Штаты, не держа на тебя зла.

— Черт побери, Шартелль, прекрати ребячиться. Эти люди очень чувствительны, я не имел в виду ничего другого.

— Отличная картина, — Шартелль повернулся и долго смотрел на Даффи. — Неужели ты никогда не научишься вести себя, Поросенок!

— Ладно, забудем об этом, — лицо Даффи порозовело сильнее, чем обычно, маленькие капельки пота выступили у него на лбу у границы зачесанных назад редяющих черных волос. — Пойдемте в столовую. Нехорошо заставлять его ждать.

Мы прошли сквозь дверной проем, мимо железного чудища, свернули налево, по лестнице спустились на один этаж. Даффи шел первым, мы с Шартеллем следовали за ним.

Вождь ждал нас в небольшом зале. Сидел он на стуле с низкой спинкой и поднялся, едва мы вошли. Раньше мне доводилось видеть его лишь издали.

— Падрейк, — пророкотал вождь, — рад тебя видеть, — говорил он чисто, но с заметным акцентом.

Рядом с ним стоял высокий молодой африканец. Он не улыбался и не хмурился. Его коричневое лицо напоминало маску, но глаза обежали меня и Шартелля, затем вернулись к вождю. Кроме роста, молодой человек выделялся шириной плеч. Одетый в синий в белую полоску костюм и черные туфли, он держался чуть позади вождя. Его цепкий взгляд прошелся по комнате, на мгновение задержался на Даффи, на Шартелле, на мне и окончательно остановился на вожде Акомоло. Очень наблюдательный молодой человек, отметил я.

Вождь прибыл в агентство в национальном наряде своей страны. Развевающаяся *ordana*, верхняя роба, надеваемая через голову, широкими складками спадала к коленям. Из-под нее виднелись брюки из того же материала. В V-образном вырезе на груди блестела золотым шитьем рубашка с воротником под горло. Сдвинутая чуть набок красная феска придавала вождю игривый вид.

Лицо Акомоло расплылось в улыбке, когда он здоровался с Даффи. Они обменялись рукопожатием, и глаза африканца блеснули за стеклами очков в золотой оправе. Шесть глубоких шрамов параллельными линиями рассекли каждую из его пухлых коричневых щек. Ритуальные надрезы, символ принадлежности к его племени, делались мальчикам в возрасте шести лет и оставались на всю жизнь.

Даффи представил меня как бывшего знаменитого иностранного корреспондента из великого штата Северная Дакота. Я пожал руку вождю, но он уже смотрел на Шартелля. Высокому африканцу я представился сам. Тот ответил, что его зовут Декко.

— Я — персональный помощник Лидера, — густым баритоном пояснил он. Я, естественно, выразил радость по поводу нашей встречи.

— А вы, должно быть, мистер Шартелль, — вождь взял инициативу на себя. — Падрейк столько рассказывал мне о вас, — он вытянул руку, и Шартелль крепко пожал ее, глядя вождю прямо в глаза.

— Знакомство с вами для меня большая честь, сэр, — ответил Шартелль, и тут же до меня донесся облегченный выдох Даффи.

Ordana Альбертии более всего напоминала тент. Сквозь дыру просовывалась голова, а чтобы освободить руки, приходилось собрать материал в складки и забросить его на левое или правое плечо. Так как вождь предпочитал левое, я решил, что тем же приемом пользовались и римские сенаторы, облачаясь в тогу.

— У вас солидная репутация в вашей стране, — продолжал вождь. — Мой персональный помощник, вождь Декко, подготовил целое исследование по вашей деятельности. Остается только завидовать некоторым вашим достоинствам.

Шартелль, как заправский придворный, ответил полупоклоном.

— Я рад, что вы предприняли определенные усилия, чтобы удостовериться в моей компетенции, сэр.

Вождь улыбнулся.

— Уверяю вас, не потому что не поверил моему хорошему другу Падрейку. Он высоко отзывался о вас и о ваших способностях. Но, ставя перед собой задачу такой важности, я должен знать как можно больше о моих помощниках. Видите ли, я считаю себя не столько государственным деятелем, сколько политиком. Как государственный деятель я могу допускать ошибки, как политик — нет.

— Тонкое различие, понимание которого приходит только с опытом, — Шартелль перешел к Декко и протянул руку.

— Я Клинт Шартелль, вождь.

Лицо чернокожего гиганта осталось таким же бесстрастным. Он пожал руку Шартеллю и чуть поклонился.

— Рад познакомиться.

— А не выпить ли нам перед ленчем, — подвел итог церемонии представления Даффи.

Вождь Акомоло улыбнулся.

— Вы знаете мой вкус, Падрейк.

— Лимонный сок с газированной водой. Так?

Акомоло кивнул.

— А вам, вождь Декко?

— Шерри «Бристоль крим», если оно у вас есть.

Даффи раздумчиво посмотрел на него.

— «Бристоль крим». Очень хорошо, — ровный голос Даффи никого не обманул. Молодой человек допустил бестактность. Он это понял, и маска бесстрастности едва не слетела с его лица.

— А ты, Шартелль? Мартини?

— Шерри «Бристоль крим», — невозмутимо ответил Шартелль.

Я еще не успел прийти в себя, поэтому попросил двойной мартини со льдом.

Даффи нажал кнопку, и мгновенно появившийся официант принял заказ. Мы стояли кучкой, обсуждая английский дождь и альбертийскую погоду. Даффи рассказал о своих успехах в выращивании поросят. Вождя Акомоло заинтересовала возможность разведения в Альбертии хорошо переносящих жару пород крупного рогатого скота.

— Мы гоняем стада на четыре сотни миль с севера к скотобойням юга. Многие животные умирают в пути. Все теряют в весе.

— Сколько голов в стаде? — спросил Шартелль.

— От пятисот до тысячи.

— Они идут сами?

— Да, вдоль дорог. Нарушается движение транспорта, скот болеет, пастухи надолго оторваны от дома. У нас непродуманный подход к животноводству. Нужны новые идеи.

Они говорили, а я слушал. Вождь посетовал на экономические трудности Альбертии, особенно в сбыте какао. Даффи повеселил всех эксцентричностью клиента одного из конкурирующих агентств. Шартелль ограничивался лишь короткими фразами и ненавязчиво приглядывался к вождю Акомоло.

Получив лимонный сок, шерри и мартини, мы уселись за круглый стол. Даффи — по правую руку от вождя, Шартелль — слева. Акомоло удовлетворенно кивнул, когда перед нами поставили тарелки с супом из земляного ореха.

— Ваша предусмотрительность иногда поражает, Падрик.

Даффи улыбнулся.

— Я думал, что вам надоела английская кухня.

— Не только их кухня, но и они сами, — ответил вождь. — Сердцем я стараюсь не питать к ним ненависти. Я стараюсь жить, как учил нас создатель и мои баптистские наставники. Но они холодные люди, Падрейк, холодные, бесчувственные и мстительные. Три дня я пытался решить вопрос с экспортом какао и три дня я хожу от одного бюрократа к другому.

— Если я могу помочь... — взмах руки вождя прервал Даффи на полуслове.

— Вы и так сделали очень много. Нет, им пора понять, что я не маленький мальчик. Когда мы ведем дело с руководством, никаких проблем нет. Но стоит спуститься на более низкие этажи чиновничьей иерархии, как я упираюсь в стену их скрытого презрения и бюрократической неэффективности. «Разумеется, вождь Акомоло, — передразнил он такого чиновника, — но требуется время, чтобы решить этот вопрос.» Не могут они понять, что времени-то у меня и нет. Время сейчас — самый дорогой для меня товар.

Официант собрал тарелки из-под супа, поставил на стол большую серебряную кастрюлю, снял крышку. Аромат пряностей разнесся по столовой.

— Падрейк! Жаркое из цыплят! — наложив полную тарелку, вождь набросился на жаркое. Капли жира падали на синюю *ordana*. Я положил себе одну ложку и не спешил приступать к еде, отдавая предпочтение мартини. Шартелль отрезал кусочек мяса, пожевал и проглотил. Его рот приоткрылся и он потянулся к бокалу с водой. Я не мог поручиться, что мяса в любимом блюде альбертийцев было больше, чем пряностей и специй. Даффи, однако, поглощал его с той же скоростью, что и вождь Акомоло и Декко. Я решил, что у него отсутствуют вкусовые рецепторы. Шартеллю, как я заметил, с лихвой хватило первого кусочка.

Вождь закончил трапезу и вытер пальцы о скатерть. Чистая салфетка так и осталась лежать у его тарелки. Вождь потянулся, сладко зевнул.

— Чудесно, Падрейк. Кто готовил жаркое?

— Студент лондонского университета. Уроженец Альбертии, естественно.

Вождь кивнул.

— Молодец. И перца он положил как раз в меру. Вам понравилось жаркое, мистер Шартелль?

— Удивительный вкус, — Шартелль улыбнулся.

Даффи предложил сигары, но альбертийцы отказались, а мы с Шартеллем последовали их примеру. Официант принес кофе.

— Скажите мне, мистер Шартелль, вы знали президента Кеннеди?

— Да, конечно.

— Достаточно хорошо?

Шартелль вновь улыбнулся.

— Я обращался к нему: «Джон», когда его избрали в палату представителей конгресса, когда он стал сенатором, и «мистер Президент», когда он вошел в Белый Дом.

— Он уже умер, не так ли?

— Да.

— Я был его горячим поклонником. Он представлял все лучшее, что могла предложить ваша страна. Он принадлежал к тем немногим политикам, кто мог честно сказать, что он — настоящий лидер. Его смерть очень опечалила меня.

— Не только нас. Мы любили нашего президента.

— Так как вы были сторонником Кеннеди и знали его лично, я хотел бы, чтобы вы помогли мне найти ответ на вопрос, который давно мучает меня.

— Могу попытаться.

— Почему не арестовали Джонсона?

Шартелль чуть не поперхнулся. Но ему удалось поставить на стол чашечку кофе, не расплескав ни капли.

— Простите, вождь?

— Я спрашиваю, почему Джонсона не арестовали сразу же после убийства Кеннеди? Ведь от смерти президента более всего выиграл он. Мне казалось, что в такой ситуации следовало ожидать его ареста.

— И кто должен был арестовать его?

— ФБР и ваш мистер Гувер, — ответил вождь Акомоло. — Возможно, объединившись с армией.

— Вы хотите сказать, что смерть Кеннеди являлась результатом заговора Джонсона, не так ли? (Я мог поклясться, что взгляд Шартелля лучился восхищением.)

— Разумеется, нет. Но на месте Гувера я отправил бы кое-кого в тюрьму, Джонсона, вашего мистера Макнамару, Раска, а то и все правительство. Я бы заподозрил существование заговора и определенно не сидел бы сложа руки.

— Но вице-президент автоматически становится главой государства после смерти президента.

— Именно так, и кто поручится, что Джонсон не нанял этого Освальда? В конце концов, Кеннеди убили в Техасе, родном штате Джонсона. Такого совпадения достаточно, чтобы у самого наивного человека зародились подозрения, мистер Шартелль.

Лицо Шартелля расплылось в широкой улыбке.

— Вождь, мы с вами отлично поладим. Да, сэр, — он покивал, продолжая улыбаться. — Отлично поладим.

Глава 5

По форме Альбертия напоминает воронку, носик которой — Барканду, столица страны. Морская столица страны. Морская граница Альбертии — тридцать три мили превосходных песчаных пляжей. Посередине песчаную полосу пересекает глубокая бухта, делящая столицу надвое географически и экономически. На севере, ближе к

материковой части Альбертии, пятьдесят квадратных миль трущоб, где средний доход на душу населения не превосходит ста долларов в год. Южный берег бухты — широкие бульвары, ухоженные лужайки, консульства иностранных государств, административные здания, отели, ночные увеселительные заведения, магазины с богатым выбором товаров и Яхт-клуб.

Последний расположен на месте пристани, с которой в начале девятнадцатого века отваливали корабли с грузом рабов-негров. В 1842 году англичане положили конец работорговле. Пристань потихонечку разрушалась, пока в 1923 году не началось строительство Яхт-клуба. Яхт вначале не было, но чиновники могли выпить там холодного пива и поговорить о делах в непринужденной обстановке. Первого альбертийца, врача, окончившего Эдинбургский университет, приняли в клуб лишь в 1953 году.

Пол Даунер, чья фамилия значилась в названии агентства «Даффи, Даунер и Тимз, лимитед», встречал нас в аэропорту. Несмотря на кондиционированную прохладу здания, его лицо блестело от пота, а под рукавами белого пиджака выступили темные полукружия.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Вы знаете друг друга, не так ли? — я взглянул на Шартелля.

— Конечно, мы с Полом знакомы. Мы вместе воевали, правда, Пол?

— Рад тебя видеть, Клинт, — ответил Даунер.

— Ты остаешься надолго? — спросил Шартелль.

— Возвращаюсь вечерним рейсом. Звонил Падрейк. В Лондоне полно дел. Ему нужна помощь. А здесь от меня немного пользы. Политика — не по моей части. Ты это знаешь, Шартелль.

— Угу.

— Я забронировал вам номера в отеле «Принц Альберт». Сейчас мы поедem туда, за ленчем я введу вас в курс дел, потом заглянем в консульство и я представлю вас Крамеру.

— Кто это?

— Генеральный консул, — ответил я. — Феликс Крамер. Он в Африке еще с тех времен, когда Даллес был государственным секретарем. Его направили сюда в начале пятидесятых годов, потому что он свободно владел китайским, японским и еще несколькими восточными языками.

— Логично. Но я не уверен в том, что хочу встретиться с Крамером, Пол.

Даунер улыбнулся.

— Но он хочет тебя видеть. Не забывай, что Белый Дом и Уайт-холл заинтересованы в исходе выборов.

— Пол, старина, пойми меня правильно. Меня не волнуют заботы администрации. Я приехал проводить предвыборную кампанию и не думаю, что у мистера Крамера много голосов.

Даунер покраснел.

— Черт побери, Клинт, я столько сделал для тебя за эти две недели. Государственному департаменту не нравится вмешательство американцев во внутренние дела других стран, особенно африканских.

Шартелль достал пачку «Пикийунс», выудил из нее последнюю сигарету, с сожалением взглянул на пустую пачку, смял ее и бросил в урну.

— Мне их будет не доставать.

— Перейдите на местные, — посоветовал я. — Рекомендую «Свит ариелз». Говорят, они такие же крепкие.

Шартелль повернулся к Даунеру.

— Так ты летишь вечерним самолетом?

— Совершенно верно.

— Вот что я тебе скажу, Пол. Ты подбрось нас к отелю, я позвоню мистеру Крамеру — и мы с Питом заглянем к нему и засвидетельствуем наше почтение. До отлета у тебя, должно быть, масса дел, так что не беспокойся о ленче и нашем визите к мистеру Крамеру. Я думаю, он тебя поймет, если мы придем одни. А вернувшись в Лондон можешь сказать Поросенку, что своими действиями я не нанесу урона ни агентству, ни ему лично, ни правительству Соединенных Штатов.

— А может, мне лучше поехать с тобой, Клинт? Я знаю Крамера и его привычки.

— Я ценю твое предложение, Пол, но, повторяю, тебе наверняка есть чем заняться и без нас. Думаю, мы сами сможем объясниться с мистером Крамером, чтобы он не очень расстраивался из-за того, что его соотечественники решили повлиять на политическую обстановку в Альбертии.

— Я, пожалуй, позвоню Пардейку и...

— Пардейку звонить не нужно. Если ты ему позвонишь, в Лондон мы полетим на одном самолете.

Даунер пробурчал что-то невразумительное, покраснел еще больше и повел нас к таможене. После досмотра высокий негр отнес наши чемоданы к машине и поставил их в багажник.

— В «Принц Альберт», — приказал Даунер водителю.

Шартелль не отрывался от окна, пока мы петляли по северной части Барканду.

— Шартелль не отрывался от окна, пока мы петляли по северной части Барканду.

— Посмотри, Пит, какие платья у этих женщин, что сидят у своих коробок и торгуют друг с другом. Зеленые, синие, оранжевые, даже лиловые. А шум, словно поутру в свинарнике. И не затихает ни на секунду.

— Эти торговки пользуются значительным политическим влиянием, — вставил Даунер.

— Так ли это? — хмыкнул Шартелль.

Шум накатывался со всех сторон. Визгливые крики спорящих женщин, резкая восточная музыка, обрушивающаяся из висящего на столбе динамика «Радио Альберти», непрерывные гудки автомобилей. Машины шли сплошным потоком. На тротуарах, отделенных от мостовой глубокими канавами, люди сновали меж коз и цыплят. Коричневые, обмазанные глиной дома в один, два, три этажа, стояли один к одному. Нищие тянули руки, которые мало кто замечал. Мальчишки играли в футбол. Какой-то мужчина выскочил на мостовую перед нашим автомобилем. Водитель нажал на гудок, резко затормозил, выругался. Мужчина убежал, смеясь во все горло.

— Он хотел умереть, — водитель обернулся и взглянул на Шартелля. Автомобилем он управлял легко и уверенно.

— Между прочим, машина ваша, — подал голос Даунер. — Вместе с водителем.

— Как тебя зовут? — спросил Шартелль.

— Уильям, са⁴.

— Ты хороший водитель, Уильям.

⁴ са — сэр (иск.).

— Благодарю вас, са.

— Если он ночует вне дома, то получает в день на два шиллинга больше.

Шартелль подтолкнул меня локтем.

— Уильям, так как теперь ты будешь возить меня и мистера Апшоу, мы будем платить на четыре шиллинга больше, если задержим тебя на ночь. Если мы попадем в аварию, ты получишь только два шиллинга. Согласен?

— Аварий не будет, са, — широко улыбнулся Уильям.

— Ты их испортишь, — пробурчал Даунер.

— Если мне это будет стоить два шиллинга в день, я готов.

Бетонный мост с четырьмя полосами движения широкой дугой изгибался над оконечностью вдающейся в материк бухты. Большие сухогрузы спокойно проплывали под ним к пристаням и обратно. Пешеходы и велосипедисты пользовались специальной дорожкой с левой стороны моста. Мы проехали мимо женщины с привязанным на спине ребенком. Она несла на голове три деревянных бруса длиной по десять футов каждый. Ребенок спал. Во всяком случае, не плакал.

— Она может носить их часами, — пояснил Даунер. — На расстояния в десять, а то и пятнадцать миль. Выходит из дома на рассвете. Ее муж рубит лес и обтесывает брусья. Они доставляют их в город и получают несколько шиллингов.

С моста мы съехали на бульвар Королевы — широкую магистраль с двухсторонним движением и разделительной зоной посередине в виде полосы ухоженной зеленой травы. Вдоль бульвара выстроились особняки, отделенные от дороги просторными лужайками с цветочными клумбами и декоративными кустарниками. Двое мужчин подстригали мачете одну из лужаек.

— Что они делают? — спросил Шартелль.

— Подстригают лужок.

— Мачете?

— Косилка стоит десять фунтов. А они работают целый день за четыре шиллинга.

— Лужайка ведь не меньше акра.

Даунер пожал плечами.

— Зато снижается уровень безработицы.

Жилые кварталы уступили место деловому району. Белые кубы из стекла и бетона в десять, двенадцать, а то и в пятнадцать этажей тянулись к африканскому небу. Мелькнула вывеска «Бэнк оф Америка».

— Эти ребята своего не упустят, — пробурчал Шартелль.

— Деньги есть деньги, — философски заметил Даунер.

Уильям свернул на подъездную дорожку к отелю «Принц Альберт». Сложенный из бетонных панелей, он едва ли получил бы приз на архитектурном конкурсе.

Уильям остался в машине. Улыбающийся ливанец записал наши фамилии в книгу и протянул ключи от номера. По его знаку коридорные подхватили наши чемоданы и понесли к лифту. Наличие автоматической системы управления не мешало присутствию лифтера в кабине каждого лифта. Я решил, что эта мера также способствовала снижению безработицы. Агентство сняло для меня и Шартелля по двухкомнатному номеру. Даунер последовал за мной.

Кондиционер работал на полную мощность, и Даунер, похоже, замерз в пропитанном потом костюме.

— Ты присматривай за Шартеллем, Пит, — посоветовал он.

— С какой стати? Парадом командует он. Я у него на побегушках.

— Он не понимает этих людей. Не то, что ты или я.

— Я их тоже не понимаю.

— В консульстве он все испортит.

— Крамер — американец, не так ли?

— Разумеется, американец.

— Шартелль знает, как держать себя с американцами. Возможно, он не понимает альбертийцев, но с американцами у него все в порядке. Я уверен, что с Крамером они поладят.

Я вытащил из чемодана рубашки, белье, носки и положил их в комод. Четыре костюма повесил в шкаф. Восемь галстуков легли в отдельный ящик. Зубную пасту, щетку, кисточку и бритву отнес в ванную. Волосы я стриг коротко, так что расческа или гребень мне не требовались. Пижамой, дезодорантом или лосьоном после бритья я не пользовался.

Даунер сидел на кровати и дрожал.

— Вам холодно или у вас малярия?

— Чертов кондиционер, — пробормотал он. — Я принимаю «Арелан». А ты?

— Нет.

— Напрасно. Заболеешь малярией. Вот, бери, — он кинул мне флакон с таблетками.

— Действует, как «Атаблайн»?

— Нет, от него кожа не желтеет.

Я положил в рот таблетку, проглотил, запил водой.

— По одной в день?

— Лучше по две. Они тебе не повредят.

— Не влияют на потенцию, а?

— Это не должно тебя волновать, во всяком случае здесь.

— Интересная мысль.

— Главное, присматривай за Шартеллем.

— Но кампанию ведет он.

— Я был против. Я говорил Даффи, что я против. В Штатах, возможно, Клинту нет равных, но Африка — не Штаты, — Даунер закурил. — Знаешь, какая опасность подстерегает Шартелля?

— Нет.

— Культурный шок.

— Вы думаете, он может отуземиться?

— Нет-нет. Он не Гоген. Я хочу сказать, что он постоянно жил в Штатах, за исключением того времени, что провел в Европе со мной и Даффи, а тогда мы водили его буквально за руку. Африка — это даже не Европа. Такой человек, как Шартелль, может не приспособиться к местным условиям. Ты и я жили в разных странах, Пит. Мы принимаем их как должное. Жара, грязь, болезни, странные законы — все это не производит на нас того впечатления, какое может произвести на Шартелля.

— Мы в некотором смысле космополиты, — подсказал я.

— Совершенно верно, ты угадал прямо в десятку. Я живу в Лондоне уже двадцать лет. Часто бываю на континенте. Париж для меня, что Нью-Йорк. Лондон не отличается от Чикаго.

— Если не брать во внимание языковой барьер, — заметил я.

— В Париже?

— Нет, в Чикаго.

Даунер хохотнул.

— Неплохо, Пит.

Я не считал его дураком. Он старался докопаться до сути, работал без устали, мог при случае быстро выдать неплохую идею, этому он научился от Херста, у которого он пахал до 1952 года, пока Даффи не перетащил его в ДДТ. Но его педантизм и манера говорить могли вывести из себя святого. Он верил в непогрешимость «Даффи, Даунер и Тимз, лимитед». Он покупал все товары, которые рекламировало агентство, и рекомендовал их друзьям и знакомым. Продукция фирм, счета которых он вел, не могла иметь изъянов. Если б таковые существовали, ДДТ никогда не стало бы сотрудничать с этими фирмами.

— И вот что, Пит, — продолжал Даунер. — Если у тебя возникнут трудности и тебе понадобится помощь, немедленно звони. Я постараюсь быть поближе к телефону.

— Благодарю.

— Далее, дом в Убондо полностью готов к вашему приему. Вот ключи, — он бросил мне связку. — Счет в «Барклей» открыт на твое имя. На нем примерно пятьсот фунтов. Если деньги подойдут к концу, пошли телеграмму, и мы тут же переведем требуемую сумму. Платить слугам будешь ты, в этом списке указано, кто сколько получает, — Даунер положил на стол лист бумаги. — Расплачивайся с ними раз в месяц и, мой тебе совет, не одалживай им денег. Назад ты их не вернешь. Еду покупай в супермаркете в Убондо. За покупками тебе придется ходить самому, слугам доверять нельзя. Счет оплачивай ежемесячно.

— Сколько у вас слуг?

— Пять... плюс ночной сторож. Шесть.

— Зачем двум мужчинам шесть слуг?

Даунер вздохнул.

— Смотри сам, Пит. Вам нужен повар. Стюард. Мальчик, который помогает стюарду и повару. Шофер, это Уильямс. Вы с ним знакомы. Садовник — у вас там участок в полтора акра. И ночной сторож.

— Кто?

— Ночной сторож. Он отпугивает воров. Мне кажется, это налог, который взимают с домовладельцев местные гангстеры. Если кто-то увольняет ночного сторожа, в течение недели дом обкрадывают.

— Ясно. Когда Акомоло возвращается из Лондона?

— Он уже вернулся. Вчера вечером. Но он сейчас занят, и у вас есть возможность осмотреть Барканду, завязать знакомства, а уж потом ехать в Убондо.

— Что-нибудь еще?

Даунер задумался.

— Тебе стоит заглянуть в государственные учреждения. Репутация ДДТ среди англичан довольно высока. Они знают, кто мы такие.

— Какао, — кивнул я.

— Кстати, очень полезный продукт. Я пью его на завтрак каждое утро.

— И я, Пол. А также чашечку на ночь, перед тем как лечь в постель.

В дверь постучали. Открыв ее, я увидел Шартелля. Должно быть, тут я впервые полностью осознал значение слова блистательный. Таким предстал передо мной Шартелль. В костюме из легкой ткани в белую и черную полоску, который сидел на нем как влитой. В жилетке. Я никогда не видел костюма-тройки из такого материала.

В белой рубашке и вязаном галстуке. В шляпе, лихо сдвинутой на ухо. Черной. Черной фетровой шляпе с широкими мягкими опущенными полями. Я не представлял, что такие все еще существуют. Шартель прислонился к дверному косяку и выпустил струю дыма.

— Вы великолепны, — выдохнул я.

Он вошел и повернулся, чтобы мы могли оглядеть его со всех сторон.

— У меня их шесть. На каждый день недели, за исключением воскресенья. По воскресеньям я буду надевать выходной костюм.

— Тоже с жилеткой?

— Так вы никогда не видели костюма-тройки в полоску? Они как раз входят в моду. Как вам шляпа? Клянусь богом, ей добрых сорок лет. Сейчас я выгляжу, как процветающий торговец хлопком из Нового Орлеана, не так ли?

— Истинно так.

— Так уж получилось, но я покупал эти костюмы для Денвера. А жилетку собирался надевать в прохладные вечера. Думаю, что в таком наряде я буду выделяться среди альбертийцев. Как по-твоему, Пол?

Даунер уже устремился к двери.

— Своеобразный костюм, очень своеобразный, Клинт. Я ввел Питера в курс дел. До отлета мне нужно кое-что уладить, так что я пойду. Рад, что мы повидались, — он схватил руку Шартелля и пожал ее.

— Я тоже, Пол.

— Пит, ты не мог бы проводить меня до лифта?

— С удовольствием.

В коридоре Даунер взял меня под руку.

— Теперь ты понимаешь, что я имел в виду. Ты должен приглядывать за Шартеллем.

— Костюм?

— Именно так, костюм.

— Ну, костюм потрясающий.

— Да, да, об этом я тебе уже говорил. Культурный шок неизбежен, — он нажал кнопку, двери кабины раскрылись. Культурный шок, — повторил он, входя в лифт. — Помни об этом, Пит.

— Только чья культура подвергнется этому шоку? — спросил я, но двери сомкнулись, и он не услышал меня.

Глава 6

Я вернулся в номер. Шартель стоял у окна, любуясь открывающимся видом.

— Какая бухта! И сколько кораблей.

— Они много импортируют. К сожалению, больше, чем идет на экспорт, так что торговый баланс у них не блестящий.

Шартель отвернулся от окна и уселся в кресло.

— Быстро вы отделались от Даунера.

— Да, он уехал. Он волнуется из-за нас. Бойтся, как бы мы не свалились от малярии или культурного шока или от обоих напастей сразу.

— Волноваться — это по его части.

— Вы познакомились с ним во время войны?

— Да.

— Вы его не любите?

Шартелль зевнул.

— Дело не в том, Пит, люблю я его или нет. Просто мне от него никакого проку. Забудем о нем. Когда мы должны встретиться с Крамером?

— Мы должны ему позвонить. Доверяете мне?

— Я позвоню сам, — Шартелль снял трубку и попросил соединить его с американским консулом. Он выслушал ответ, оторвал трубку от уха, удивленно посмотрел на нее, вернул к уху. — Тогда попробуйте консульство Соединенных Штатов... Я знаю, что просил американское консульство... А теперь я хочу поговорить с кем-нибудь в консульстве Соединенных Штатов... Нет, не в Соединенных Штатах, а в консульстве Соединенных Штатов, — он уже расхаживал по комнате, насколько позволял телефонный шнур. Затем прикрыл микрофон рукой и повернулся ко мне. — Он хочет, чтобы я поговорил с его начальником.

— По имеющимся у меня сведениям, на соединение с нужным абонентом обычно уходит четверть часа.

Три или четыре минуты объяснений с начальником телефониста — и Шартелля соединили с консульством. Тот назвался, попросил Крамера, ему ответили, что генеральный консул открывает школу в Восточной Альбертии. Брови Шартелля подскочили вверх — вероятно, собеседник чем-то удивил его.

— Конечно, мы с удовольствием встретимся с ним... Да, это удобно. Через полчаса. Отлично. — Шартелль положил трубку, отошел к окну.

— Крамера сегодня не будет.

— Я понял.

— Но нам назначена другая встреча.

— Через полчаса, — я уже надевал самый легкий из моих костюмов.

— С секретарем консульства.

— Кто же он?

— Кларенс Койт.

— Кто такой Кларенс Койт?

— В недалеком прошлом его фамилия гремела в Южной Америке.

— В связи с чем?

— Он крупный специалист по организации переворотов, одобренных ЦРУ.

* * *

Мы спустились в бар и нашли за стойкой бармена-австралийца, заявившего, что умеет смешивать мартини. И надо признать, слова у него не разошлись с делом. Мы осушили по два бокала и через вестибюль, как две капли воды похожий на вестибюль любого нового отеля от Майами до Бейрута, направились к выходу. Клерки-ливанцы по-прежнему восседали за конторками, а альбертийцы таскали чемоданы приезжих.

Уильям отвел наш «хамбер» в тень высокого дерева. Завидев нас, он завел двигатель и подкатил к парадному подъезду. Шартелль открыл переднюю дверцу, чтобы сесть рядом с ним.

— Господа ездят на заднем сиденье, — неожиданно остановил его Уильям.

— Почему?

— Так принято, са. Господа ездят сзади.

Вслед за мной Шартелль сел на заднее сиденье.

— Ты знаешь, где находится консульство Соединенных Штатов?

— Американское консульство? Да, са, недалеко.

— Едем туда.

Мы проехали от силы полмили. Построенное перед второй мировой войной, консульство утопало в цветах и зарослях кустарника, защищенное от альбертийцев высокой чугунной оградой, а от дождей и ливней — красной шиферной крышей. Мы въехали в открытые ворота. Охраны не было: морские пехотинцы могли появиться лишь после обретения Альбертией независимости, когда консульство перешло бы в ранг посольства.

Нас встретила брюнетка с ярко покрашенными губами, не слишком обремененная работой. Она вызвала альбертийца, предложила ему показать нам кабинет министра Койта, а сама вновь занялась маникюром. Альбертиец подвел нас к нужной двери.

— Входите, господа.

Мы вошли и попали в приемную, где царствовала миниатюрная блондинка с зелеными глазами и сухой улыбкой.

— Мистер Шартелль и мистер Апшоу? — спросила она.

Мы подтвердили ее правоту, она сняла телефонную трубку, с кем-то коротко поговорила.

— Мистер Койт примет вас через несколько минут. Присядьте, пожалуйста.

Мы сели, Шартелль достал пачку «Свит Ариелз», закурил. Блондинка сосредоточенно печатала на пишущей машинке. Тихонько жужжал кондиционер. Сидели мы молча. Словно коммивояжер и его ученик, ожидающие приема у опытного покупателя, который ничего не заказывал уже семь месяцев и сегодня не собирался менять установившегося порядка.

Десять минут спустя открылась дверь и из кабинета вышел мужчина. С подозрением оглядел нас и поспешил в коридор.

На столике блондинки зазвенел телефон. Она сняла трубку, сказала «да», положила ее обратно и посмотрела на нас.

— Мистер Койт вас ждет. Пожалуйста, пройдите сюда, — и она указала на дверь.

Мы вошли в просторный кабинет, чтобы увидеть там письменный стол, несколько шкафов-сейфов с наборными замками, пять или шесть стульев, кофейный столик, диван, мужчину и календарь на стене. По английскому обычаю, недели на календаре начинались с воскресенья. Каждый прошлый день аккуратно зачеркивался. Рабочий — красным цветом, праздничный — зеленым.

Сидящий за столом мужчина поднялся нам навстречу. Быстро пожал руки, любезно усадил, пододвинул пепельницы. Кларенс Койт хотел понравиться нам. Возможно, он вообще стремился оставлять хорошее впечатление, поэтому и ублажал гостей.

Мы обменялись улыбками. Ростом Койт не уступал Шартеллю — те же шесть футов и пара дюймов. Гладкие черные волосы он зачесывал назад, открывая широкий лоб. Правильные черты лица, ровные белые зубы, улыбка по любому поводу. Волевой подбородок, темно-синие, не знающие покоя глаза под густыми бровями. Костюм Шартелля, несомненно, понравился хозяину кабинета.

— К сожалению, Крамера нет, но я чертовски рад, что вы смогли заглянуть ко мне, и надеюсь, что не помешал вашим планам, — бархатным баритоном проворковал Койт.

Ответная речь выпала на долю Шартелля. «Раз Койт работает на ЦРУ, — подумал

я, — пусть он и меряется силами с профессионалом предвыборных баталий, и да победит лучший лжец». Лично я отдавал предпочтение Шартеллю.

Одернув элегантную жилетку, тот заверил мистера Койта, что визит в консульство ни в коей мере не нарушил наших планов и, учитывая цель нашего приезда в Альбертию, мы очень рады, что он смог уделить нам несколько минут. Будучи секретарем по политическим делам, он мог дать нам ценные советы, которые освободят нас от лишней черновой работы и бесконечных расспросов, лишённых всякого смысла.

Койт сидел, не сводя глаз с Шартелля и изредка кивал, как бы поощряя говорящего. Он являл собой профессионального слушателя. На месте Шартелля я говорил бы целый день, начав с того времени, когда мне было три года и у меня украли велосипед Синий, со звонком, блестящий никелем.

Но Шартелль даже не рассказал Койту о своем отце и автомобиле с лопнувшим на морозе радиатором. Он вдруг перестал говорить и начал улыбаться.

Наступившая тишина, казалось, подсказывала, что сейчас самое время прокашляться, подвинуть неудобно стоящий стул или обсудить прогноз погоды. Но я не нашел наиболее подходящей реплики и еще раз осмотрел кабинет. На одной из стен я заметил фотографию сияющего президента с его автографом. Должно быть, госдепартамент рассылал их тысячами по всем посольствам и консульствам. По размерам кабинета и по обстановке складывалось впечатление о годовом заработке Койта, но не о нем самом. Я не нашел ни картины, ни статуэтки, ни даже вазы с цветами, ничего личного.

Наконец, Койт встал и прошествовал к окну.

— Я ценю ваше доверие, мистер Шартелль. Должен признать, я не завидую тому, что ждет вас впереди.

— Мистер Койт, если бы я не мог довериться сотруднику посольства или консульства Соединенных Штатов, я подумал бы, что живу в бесчестном мире.

Койт степенно кивнул и занял место за столом.

— Я здесь лишь несколько недель, но работа потребовала детального изучения политической обстановки в Альбертии. Чем дольше я изучаю ее, тем больше убеждаюсь, что среди развивающихся стран, расположенных к югу от Сахары, это единственное государство, готовое и способное взять на себя бремя самоуправления.

Койт достал из внутреннего кармана пиджака серебряный портсигар, открыл его, предложил Шартеллю, затем, когда тот отрицательно покачал головой, — и мне. Я взял сигарету в надежде, что она окажется американской, а также с тем, чтобы доставить ему удовольствие: хотя бы один из гостей доверился вкусу хозяина по части табака. Фильтр я оторвал и бросил в пепельницу. Койт, похоже, не возражал.

Мы закурили, и Койт продолжил лекцию.

— Как политолог, — тут он улыбнулся, — во всяком случае, так написано в моем дипломе, выданном институтом Гопкинса, я интересуюсь моими коллегами. И мне знакома ваша фамилия, мистер Шартелль. Я также помню серию ваших превосходных репортажей из Европы, мистер Апшоу. Я думаю, что между собой мы можем говорить как профессионалы, хотя я считаю себя наблюдателем, если позволите, исследователем, а не активно действующим лицом.

Эту длинную речь Шартелль выслушал, заложив большие пальцы обеих рук за жилетку, чуть склонив голову и не отрывая глаз от той точки в дальнем углу, где потолок сходится со стенами. Он энергично кивнул, когда Койт замолчал, чтобы

перевести дыхание.

— Как вы сами видите, господа, перед вами открывается возможность дать альбертийским изобретателям шанс самим решать будущее своей страны. Вы можете убедительно показать им, какая ответственность выпала на их долю. Если вам это удастся, вы окажете нации неоценимую услугу.

Шартелль не вынимал пальцев из-за жилетки. Стул его опирался лишь на задние ножки, а глаза все еще изучали верхнюю часть дальнего угла.

— Благодарим вас за добрые слова, мистер Койт, и я тронут тем, что вы так высоко оценили нашу обычную работу по сбору необходимого числа голосов. Я горжусь этим, но, надеюсь, не возгоржусь, потому что гордыня — грех, о чем мы всегда помним. А если нам таки удастся достаточно убедительно растолковать альбертийцам важность предстоящего события, я хотел бы разделить заслуги, или, если угодно, вину с тем, кто будет помогать соперникам вождя Акомоло... доктору Колого и сэру Алакада.

Шартелль по-прежнему смотрел в угол и, возможно, не заметил микроскопических трещинок, которыми пошло бесстрастное лицо-маска Койта. А может, и заметил, потому что нанес еще один удар.

— Вы знаете, что в предвыборную кампанию вовлечены и другие внешние силы. Одна из них — могущественная организация, во всяком случае, в политическом смысле. В сферу ее деятельности вовлечены Дальний Восток, Европа, Балканы, Средний Восток... — Шартелль выдержал паузу. — Южная Америка.

Я наблюдал за Койтом. Рот его чуть приоткрылся. Пальцы нервно крутили шариковую ручку.

— Не так-то легко соперничать с такой организацией, — Шартелль качался на задних ножках, еще не закончив осмотра потолка. — Вам известно... — вновь пауза, Койт сжался в комок. — Вам известно... рекламное агентство «Ренесслейр»? — произнося название агентства, Шартелль чуть сместился, и передние ножки стула с металлическими подковками с гулким стуком опустились на покрытый ленолиумом пол. Койт подскочил. Не высоко, но подскочил. Трудно сказать, то ли от удара ножек стула об пол, то ли от упоминания «Ренесслейра». Подскочил и уставился на Шартелля.

— «Ренесслейр»?

— Совершенно верно. Агентство, про которое я говорю. Их знают во всем мире и они намерены вести предвыборную кампанию старины Альхейджи сэра Алакада и так далее.

— Я слышал о них, — проскрипел Койт. Похоже, его уже не волновало, нравится ли он им или нет. — Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Мне сказали, что все бумаги уже подписаны и скреплены печатями. Их мальчики появятся здесь со дня на день и тогда вы сможете напомнить им о высокой ответственности перед нацией. Такие беседы им по нутру.

— Койт промолчал. На его шее вздулись вены. Глаза горели неприязнью. Он понял, что Шартеллю все известно. Более того, он видел, что Шартелль играет с ним, как кошка с мышкой. Я, правда, не мог разгадать смысла этой игры.

Шартелль встал, протянул руку.

— Мистер Койт, позвольте выразить искреннюю благодарность за теплый прием. Мы постараемся оправдать ваши надежды.

— Обязательно постараемся, — любезно добавил я и также пожал руку Койту.

Но тот был профессионалом. Минутное замешательство кануло в небытие. Он

вновь улыбался, проводил нас до двери, открыл ее.

— Господа, надеюсь, мы скоро увидимся. Вы сообщили мне столько интересного. Буду следить за вашими успехами, да и за действиями «Ренесслейра», — мы уже двинулись в приемную, когда Койт задал последний вопрос.

— Между прочим, вы не слышали, какое агентство взялось помогать доктору Колого?

Шартелль остановился, взглянул Койту в глаза. Их лица разделяло не более восьми дюймов.

— Нет, мистер Койт. А вы?

— Я, признаться, тоже.

— Если вы что-нибудь услышите, то дадите нам знать?

— Всенепременно.

Шартелль не сразу оторвал взгляд от лица Койта, затем кивнул.

— Вот и договорились.

Мы вышли из консульства, и приятная прохлада кондиционированного помещения сменилась полуденной африканской жарой. Мы торопливо надели солнцезащитные очки. Шартелль закурил.

— Вы его поддели, — заметил я.

— Чуть-чуть. Хладнокровия ему не занимать.

— Это точно.

— Мы его согреем. К Дню труда он у нас закипит.

Глава 7

Возвращаясь в отель, мы попали в полуденный «час пик» и ползли по бульвару Бейли со скоростью четыре мили в час. Густой горячий воздух, без единого дуновения ветерка, с трудом проникал в легкие. Шартелль даже расстегнул жилетку и начал обмахиваться широкополой шляпой.

— Веера, — неожиданно произнес он.

— Что? — переспросил я.

— Веера, они нам пригодятся. Возьмите на заметку, Пит.

Я достал записную книжку и написал «веера».

— Сколько?

— Пару миллионов. Лучше три.

Я написал «3000000» после вееров.

— Думаете, они дадут нам голоса, а?

— Во всяком случае не отнимут. Три миллиона вееров не причинят нам вреда.

— А может, выпустить еще рекламный ролик?

— Вы же у нас писатель, Пит. Давайте сценарий.

— Сегодня же займусь этим.

— Господину я нужен? — спросил Уильям, искусно объехав козу.

— Когда? — спросил я.

— Сейчас, господин.

— Нет.

— Тогда я поеду в дом моего брата, — объявил Уильям.

— У тебя есть брат в Барканду? — поинтересовался Шартелль.

— Много братьев, господин, — Уильям улыбнулся всеми тридцатью двумя зубами.

Они дают мне приработок.

— Ладно, поезжай к своему брату, — кивнул Шартелль. — Вернешся к отелю в шесть часов. Ясно?

— Да, са.

— Какие у вас планы на сегодня, сахиб? — спросил Шартелль, через окно автомобиля оглядывая бухту.

— Ну, я намерен раздобыть орешки гикари, вымазать лицо, надеть бурнус и махнуть на базар, пособирать местных сплетен. Затем я собираюсь составить план дальнейших действий, а самые лучшие планы получаются у меня, когда я составляю их в одиночестве.

— Вы хотите вежливо пояснить, не обижая меня, что не придерживаетесь восхваляемого ДДТ метода мозгового штурма, когда каждый предлагает все, что только взбредет ему в голову, в надежде, что среди шелухи заблестит жемчужина.

Шартелль уставился на меня.

— Не можете же вы этим заниматься, вы и Поросенок... и другие взрослые дяди? — с ужасом воскликнул он.

— Клянусь богом!

— И получается?

— У меня — нет. Я из тех, кто крадетсЯ сквозь тропический лес и швыряет камни в уютно устроившихся у костра.

— Вы хотите, чтобы я пригласил вас с собой, а?

— Тогда я смог бы сказать нет.

— У вас серьезные трудности, юноша.

— Пожалуй, я поплаваю.

— Очень полезно для здоровья. Давай-ка встретимся перед обедом, около семи.

— В баре?

— Отлично.

В отеле Шартелль поднялся в свой номер, а я узнал у клерка-ливанца, что микроавтобус возит гостей отеля на пляж и обратно. Душа на пляже не было, из удобств предлагалась лишь кабинка для переодевания. В номере я взял плавки, надел белую шляпу с мягкими полями, самое большое полотенце из висящих в ванной и успел к отходу микроавтобуса. И оказался единственным пассажиром.

На пляже в полуразвалившемся киоске продавали «Пепси-Колу» и баварское пиво. Я купил высокую зеленую бутылку пива, зашел с ней в другую лачугу, предназначенную для переодевания, разделся, натянул плавки и понес пиво и одежду к воде. Пляж был пуст, если не считать трех или четырех юных альбертийцев, гонявшихся за маленькой коричневой собачкой с длиннющим хвостом. Поймать собаку им никак не удавалось, да они особенно и не стремились к этому. Я поставил ботинки на песок, аккуратно положил на них брюки, рубашку, белье. Расстелил полотенце, надвинул шляпу на лоб, глотнул пива, сел, закурил и оглядел океан.

Как и у большинства уроженцев Дакоты, у меня водное пространство площадью более двух акров будоражило кровь. А необъятный океан обещал просто фантастические приключения. Я затушил сигарету, вдавил бутылку в песок, чтобы она не упала, и бросился в воду. Волна подхватила меня и потащила в океан. Но я решил, что до Америки мне не доплыть, и скоро повернул назад.

Сигареты, мартини и английская пища серьезно подорвали мое здоровье, поэтому из воды я выбрался, тяжело дыша, нетвердой походкой доплелся до стопки одежды,

стряхнул песок с полотенца, обтерся.

Подкатил синий джип, девушка-водитель спрыгнула на землю и направилась к раздевалке с дорожной сумкой в руке. Постучала в дверь, не получила ответа, вошла. На капоте джипа белела какая-то надпись, но стоял он далеко, и я не мог разглядеть букв.

Я закурил новую сигарету, взял бутылку, глотнул пива. Тепло, но мокро. Искоса я поглядывал на раздевалку. Несколько минут спустя дверь открылась. Девушка, уже в белом отдельном купальнике, почти бикини, решила составить мне компанию. Несла она ту же сумку и большое, в черную и красную полоску, полотенце.

Светлые, выгоревшие чуть ли не до бела длинные волосы, загорелое лицо, не привыкшее скрывать чувства. Широкий рот, ослепительно белая улыбка на фоне сильного загара. Добрые темно-карие глаза, которым нельзя не доверять.

А фигура! Грудь загорелыми полусферами дыбилась над чашечками купальника. Плоский живот, округлые бедра. Длинные ноги, рост не меньше пяти футов семи дюймов на каблуках. Нас разделяли двадцать футов, когда улыбка стала еще шире.

— Привет.

— Привет, — улыбнулся я в ответ.

— Не смогли бы вы посмотреть за моими вещами, пока я искупаюсь? В прошлый раз их утащили какие-то мальчишки, и мне пришлось возвращаться в купальном костюме, — она расстелила на песке красно-черное полотенце и поставила рядом сумку.

— Я Анна Кидд, — она протянула руку, которую я с удовольствием пожал.

— Питер Апшоу.

— Вы американец?

— Да.

— По произношению этого не скажешь, хотя я не дала вам вымолвить и пары слов, не так ли? Но шляпа выдает вас с головой. Я не видела такой с тех пор, как уехала из Дейтона.

— Это семейная реликвия.

Она вновь улыбнулась.

— Я быстро. Пожалуйста, не уходите.

— Не сдвинусь с места.

По песку она бежала красиво, прыгнула в воду, легко поплыла кролем. Плавала она превосходно. Пятнадцать минут спустя девушка вновь стояла рядом со мной. Выбеленные солнцем волосы намокли и висели отдельными прядями. Очарование Анны от этого нисколько не пострадало.

— Вы напоминаете мне одну знакомую рыбку.

Она рассмеялась, подняла полотенце, стряхнула песок, начала вытираться. Я не отрывал от нее глаз.

— В трехлетнем возрасте дома меня бросили в бассейн. На вечеринке. Родители решили, что это всех позабавит. Меня научил плавать инстинкт самосохранения.

— Вы не испугались?

— Наверное, не успела. Папа прыгнул следом, затем мама. В вечерних туалетах. Потом все гости и они передавали меня друг другу, как надувной шар. Все славно повеселились. Но я этого не помню.

Когда Анна расстелила полотенце и села на него, подтянув колени к подбородку, я предложил ей сигарету. Она отказалась.

- Позвольте мне глотнуть пива. Ужасно хочется пить.
- Оно теплое. Хотите, я принесу вам бутылку?
- К теплому я привыкла. Мне хватит одного глотка.
- Я протянул ей бутылку, она выпила, отдала бутылку назад.
- Где вы привыкли к теплому пиву?
- В Убондо.
- Вы там живете?
- Уччу студентов. Я из Корпуса мира.
- Никогда не встречался с Корпусом мира. Вам там нравится?
- По прошествии какого-то времени уже не задумываешься, нравится тебе или нет. Просто выполняешь порученную работу.
- И давно вы здесь?
- В Альберти?
- Да.
- Пятнадцать месяцев. Я приехала в Барканду, чтобы проверить зубы. У здешних баптистов хорошая стоматологическая клиника. А как ваши зубы?
- Пока обхожусь без вставных.
- Кто-то сказал мне, что о себе нельзя думать больше, чем о собственных зубах. С тех пор у меня на уме одни зубы. Вы часто думаете о своих?
- Каждое утро. И каждый вечер.
- Я люблю мои зубы. Похоже, они единственное, что во мне не меняется.
- Какова численность Корпуса мира в Альбертии?
- Человек семьдесят. Несколько на севере, двадцать в Убондо, примерно сорок пять на востоке. Вы тут недавно? Это сразу видно по вашей светлой коже.
- Только прилетел.
- Из Штатов?
- Из Лондона.
- В консульство? Вы не похожи на миссионера.
- Я, конечно, не проповедник. Хотя приехал сюда, чтобы пробудить интерес к предвыборной кампании.
- О. Так вы один из тех американцев? Вас двое, да?
- Совершенно верно.
- О вас говорили в университете Убондо. Студенты.
- Надеюсь, только хорошее?
- Не совсем.
- Тогда что?
- Видите ли, насчет методов Мэдисон-Авеню...
- Этого следовало ожидать.
- Американский империализм, рядящийся в наряд политического советника. Прошел слух, что вы связаны с ЦРУ. Это правда?
- Нет.
- Я рада. Честное слово. Это странно?
- Не знаю.
- Так почему вы здесь?
- Это моя работа. Я получаю жалованье за организацию таких кампаний.
- Разве вас это не смущает?
- А вас?

— При чем тут я?

— Вы же вступили в Корпус мира. Вас это не смущает?

— Я одна из тех, кто считает, что мы делаем нужное дело. А если что-то идет не так, пусть все люди знают об этом. Нет, меня не смущает то, чем я занимаюсь.

— Почему вы вступили в Корпус мира?

— Из-за Кеннеди.

— Вы имеете в виду его мысль о том, что «не нужно ждать, пока страна что-нибудь сделает для тебя»?

— Отчасти. Я была в Вашингтоне, когда его приводили к присяге. Папу пригласили, потому что он пожертвовал крупную сумму.

— Тот же папа, что бросил вас в бассейн?

— Тот самый.

— Кеннеди произнес тогда прекрасную речь.

— Поэтому я и присоединилась к Корпусу мира. Подумала, что могу помочь.

— Помогли?

Она посмотрела на меня, потом на океан. Подул легкий ветерок, холодя потную кожу.

— Не знаю. Во всяком случае, я увлеклась, впервые в жизни. Возможно, я хотела помочь себе. Возможно, с этого следовало начать.

— Но потом что-то изменилось?

— Да, после смерти Кеннеди. Я вступила в Корпус мира через два года после того, как его убили, чтобы доказать, что он выражал и мои чувства. Но теперь все по-другому.

— Он был молодым президентом. В этом вся разница.

— Не только, — покачала головой Анна. — Сейчас много говорят и пишут о его такте и манерах. Все это было при нем, да еще красавица-жена и двое милых ребятишек. Вся семья — словно с плохого рекламного плаката. И в то же время он не задумывался над тем, как выглядит, я хочу сказать, он не позволял себе много думать о собственной персоне...

— Как о зубах, — вставил я.

— Да. Он знал, что у него есть все, о чем мечтают многие и многие, но на нем это никак не отражалось. Я несу чушь, да?

— Говорите, говорите.

— Они убили его, потому что плевать он хотел на то, что заботило их, потому что не могли его терпеть. Они убили его не потому, что он был хорошим, но потому, что он был лучше любого из них, и этого они не могли перенести.

— Кто, они?

— О, Освальд, все эти Освальды. Их миллионы, и в душе все они обрадовались его смерти. Я знаю, что обрадовались. И дело не в том, были они демократами, республиканцами или кем-то еще. Им было не по себе рядом с Кеннеди, а теперь они совершенно спокойны. Они выбрали старика, техасского деревенщину, и могут похихикивать над ним сколько влезет, в уверенности, что они лучше его или, по крайней мере, равны ему, чего не позволили бы себе с Кеннеди.

— Это теория, — задумчиво заметил я.

Она взглянула на меня, на этот раз от улыбки повеяло арктическим холодом.

— Вы не из тех, кто прыгает за борт, не так ли, Питер Апшоу?

— Я лишь сказал, что это теория.

— А я имела в виду другое. То, что чувствую. И мне все равно, согласны вы с моими чувствами или нет, потому что отказываться от них я не собираюсь. Я просто говорю, что вы не прыгнете за борт ради чего бы то ни было, так? Вы осторожны. И, если навсегда останетесь таким, вас никогда не поймают, а если вас не поймают, вы ничего не почувствуете.

Я промолчал, наблюдая за накатывающимися на берег волнами.

— Вы женаты, не так ли? — кротким голосом спросила Анна.

— Нет. Разведен.

— Вы сильно любили свою жену?

Я посмотрел на нее. В вопросе не было подвоха, лишь любопытство, искреннее любопытство.

— Нет. Сильно я ее не любил. Я ее вообще не любил. Почему вы спрашиваете?

— Вы выглядите одиноким. Я подумала, что вам одиноко без жены. Но дело не в этом, так?

— Нет.

Мы молча сидели на полотенцах, расстеленных на африканском песке, и обозревали океан. Над водой кружили чайки. Трое мальчишек бежали за собакой с огромным хвостом, затем развернулись — и уже собака мчалась за ними. Они кричали и смеялись, а собака радостно тьякала.

— Не хотите еще раз окунуться? — спросила Анна.

— А вы?

— Хочу.

— Кто будет стеречь вещи?

— Мы сможем присматривать за ними из воды и закричим, если кто-то к ним подойдет. А если они попытаются что-нибудь утащить, вы их догоните.

— Хорошо.

Мы подбежали к воде и прыгнули в одну и ту же волну. Вынырнув, мы оказались совсем рядом и я поцеловал ее. Поцелуй получился коротким, мокрым, соленым, Анна рассмеялась и выдохнула: «О боже», — но я понял, что она имела в виду. Поэтому мы стояли в альбертийском море, целовались и обнимались. А потом детский смех и собачье тьяканье стали громче. Мы обернулись, улыбнулись и помахали ребятишкам, указывавшим на нас пальцами. Те посмеялись еще и побежали за собакой. Взявшись за руки, мы вернулись на берег. Я помог Анне вытереться, и мы не обмолвились ни словом, пока не оделись, не сели в джип, не выехали на шоссе, ведущее к моему отелю. Потом я спросил, не пообедает ли она со мной в семь часов, а она улыбнулась и кивнула. Оставшуюся дорогу мы молчали. Лишь однажды Анна взглянула на меня и подмигнула.

— Я полагаю, такое бывает. Со мной это произошло впервые.

Глава 8

Приняв душ и переодевшись, я вышел в коридор и постучал в дверь соседнего номера.

— Открыто, — крикнул Шартелль.

Его номер походил на мой, как две капли воды. Шартелль сидел на краю кровати. Покрывало и пол белели листами бумаги.

— Это начало нашей кампании, Пити.

— Выглядит впечатляюще. Во всяком случае, создана деловая обстановка.

— Как вода?

— Я выловил женщину и пригласил ее на обед.

— Белую женщину? — он переложил несколько листов.

— Да.

— Я-то рассчитывал, что вас подцепит дочь одного из соперников Акомоло, чтобы шпионить за нами, но удача отвернулась от меня.

— В следующий раз я постараюсь оправдать ваши надежды.

Шартелль собрал бумагу с покрывала и стопкой уложил листы на столе.

— Тяжелое дело.

— Какое?

— Кампания.

— У нас есть шанс? — Я подобрал с пола лист бумаги и положил его на кровать.

Шартелль тут же вернул его на прежнее место.

— Небольшой.

— Может, подкупить избирателей?

Он покачал головой.

— Придется заплатить слишком много. Если мы выиграем, то лишь потому, что используем их ошибки. У нас просто нет голосов.

— Следовательно?

— Мы должны спланировать их ошибки.

— Заманчивая перспектива.

Шартелль перешел к окну, взглянул на бухту.

— Какая бухта! Вы знаете, где я побывал сегодня днем?

— Нет.

— В Управлении переписи населения. Встретился там с маленьким старичком-англичанином, лет на семь старше Сатаны, который показал мне распределение голосов, от провинции к провинции, от округа к округу, от деревни к деревне. Он дошел бы и до избирательных участков, будь они в Альбертии.

— И что?

— Как я уже сказал, у нас нет голосов.

— Вы думаете, Акомоло знает об этом?

Шартелль посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Если бы у него были голоса, даже если б ему казалось, что у него есть голоса, едва ли он пригласил бы нас сюда, не так ли?

— Логично.

Шартелль вернулся к кровати и улегся на ней заложив руки за голову.

— Я думаю, Пит, нам придется одним выстрелом убивать двух зайцев. Давненько мне не приходилось этого делать.

— Одним выстрелом?

— Совершенно верно.

— Стратегию намечаете вы. Только скажите, что вам нужно, и когда.

Шартелль долго изучал потолок, затем закрыл глаза и нахмурился.

— Вы идите. Я побеждаю в номере. У меня есть идея, но ее следует подработать.

Вам понадобится машина?

— Думаю, что нет.

— Скажите Уильяму, чтобы он заехал за нами в восемь утра. В полдень у нас

совещание в Убондо.

— Звонил Акомоло?

— Один из его помощников.

— Я зайду к вам утром.

— Думаю, это единственный путь.

— Какой?

— Убить двух зайцев одним выстрелом.

Я пожал плечами.

— Давайте попробуем.

Шартелль вздохнул и потянулся.

— Надо подумать.

* * *

Выйдя из отеля, я кивнул Уильяму и сказал, что в восемь утра машина должна быть готова к отъезду в Убондо. Затем прошел в бар отеля и заказал австралийский martini.

В бокале осталось чуть больше двух третей, когда я вдруг понял, что проскочил очередную веху. Я называю их вехами. Это обычные, сами по себе ничего не значащие события, но для меня они становились временными рубежами. По ним я мерил прошлое. Первая имела место, когда мне было шесть лет и я качался в парке на качелях. Я до сих пор ощущаю ладонями шероховатость серого металла цепей, помню деревянное сидение с зеленой краской, оставшейся по краям, но стертой посередине тысячами детских штанишек и платьев. Вторая — пятнадцать лет спустя, в студенческом городке в Новом Орлеане. Насыщенный влагой воздух, низкие облака, дорожка, вдавленный в ней фирменный знак, указывающий, что бетон укладывали «А.Пассини и сыновья» в 1931 году.

И вот третья, в баре отеля «Принц Альберт», и я знал, что и десять, и двадцать лет спустя в точности вспомню и этот бар, и бокал с коктейлем. И Анну Кидд, какой увидел ее в то мгновение: в светло-желтом прямом платье чуть выше колен и без рукавов. В коротких белых перчатках, с маленькой белой сумочкой и в белых туфельках без каблука. С ниткой жемчуга на шее. Она грациозно вспорхнула на стул у стойки и вехи остались позади.

— Вы какой-то странный, — заметила она.

— Восхищен вашим платьем.

— Благодарю.

— Что будете пить?

— Если можно, martini.

Я подозвал бармена.

— Сегодня что-то случилось, — промолвила Анна. — Во всяком случае, со мной.

— Я знаю.

— Никогда не ощущала ничего похожего. Мне понравилось. Я боялась, что вы не придете.

— Обычно такое случается, когда тебе четырнадцать или пятнадцать лет.

Она улыбнулась альбертийцу, поставившему перед ней полный бокал, и ответила широкой улыбкой.

— Он одобряет, — прокомментировал я. — В его глазах я — настоящий мужчина.

После обеда мы пройдемся мимо местной бензоколонки, чтобы парни по достоинству оценили мой выбор.

— Вы это делали? Выгуливали ваших девушек перед парнями, собиравшимися на углу у гаража или аптеки?

Я покачал головой.

— Когда я начал приглашать девушек на свидания, на углах уже не собирались. Все перекочевало в открытые кинотеатры, куда приезжали в десять вечера в семейном седане, а отпрыски богатых родителей — в собственных автомобилях.

— А вы?

— Был ли богат мой папаша?

— Да.

— Конечно. Он нажил состояние на зерне.

— Он фермер?

— Нет. У него элеватор.

— Где?

— В Северной Дакоте.

— Вы его любите?

— Он у меня молодец. Северная Дакота его вполне устраивает. Живет там со второй женой. Моей мачехой.

— А ее вы любите?

— Да. Чудесная женщина.

— Теперь я знаю о вас все.

— Если осталось что-то еще, то самая малость.

— А где вы учились?

— В Миннесоте.

— Английская литература... я угадала?

— Нет. Просто литература.

— Литература?

— Почти что классическое образование, как его понимали в Миннесоте. Немного латыни, еще меньше древних греков. Цель — всесторонне образованный человек. Кажется, после того, как я получил диплом, они переключились на человека коммуникабельного.

— Интересная биография, — кивнула Анна.

Она рассказала о себе. Состоятельная семья, достаточно молодые родители, к тому же ладающие друг с другом. Никакие стрессы не омрачали ее детство, она закончила школу и колледж и присоединилась к Корпусу мира, отработав восемнадцать месяцев в агентстве социального обеспечения в Чикаго.

— Ничего запоминающегося, правда?

Я улыбнулся.

— Впереди еще немало времени.

— Добрый вечер, мисс Кидд, — раздался за спиной густой, обволакивающий, словно растопленный жир, баритон. Обернувшись, я увидел широкоплечего, ростом за шесть футов альбертийца, как я понял, в армейской форме, перетянутого кожаным поясом и в шнурованных башмаках до колен. Короны на плечах указывали, что он — майор.

Анна посмотрела на него, улыбнулась. Я позавидовал, что эта улыбка предназначена не мне.

— Майор Чуку. Рада вас видеть.

— Я не знал, что вы в Барканду.

— Приехала два дня назад... К дантисту. Майор Чуку, познакомьтесь с Питером Апшоу.

— Добрый день, — улыбнулся я, и мы пожали друг другу руки. Рука у него была крепкая и широкая.

— Вы из Лондона, мистер Апшоу?

— Да.

— По делам или на отдых?

— По делам, к сожалению.

— Надеюсь, поездка будет удачной.

— Благодарю.

— Майор Чуку командует батальоном в Убондо, — пояснила Анна. — Там вы будете видеться чаще. Мистер Апшоу приехал, чтобы вести предвыборную кампанию.

— Вы — один из тех американцев, что будут учить нас, как добывать голоса, мистер Апшоу?

— Да.

— Тогда вы, должно быть, знакомы с моим другом Падрейком Даффи?

— Я у него работаю.

— Значит, мы должны выпить. Вы позволите угостить вас?

— Нет возражений.

Мы перешли за столик. Майор усадил Анну, затем сел сам. У него было круглое лицо с маленьким острым носом и маленькими ушами. Курчавые волосы, словно шапочка, облегли голову. Широкий, всегда готовый улыбнуться друзьям, рот превращался в узкую щелочку, когда он говорил с официантом. Свойственные ему командирский вид встречался только у опытных воспитательниц детского сада, да у старших офицеров.

Когда официант принес бокалы, майор настоял на том, что заплатит за всех. Я согласился.

— Скажите мне, мистер Апшоу, как поживает мой друг Падрейк Даффи? Когда мы виделись с ним в последний раз, он убеждал меня вкладывать деньги в какао. Иногда я думаю, что напрасно не последовал его совету.

— Вы познакомились с ним здесь?

— Да, когда он прилетал сюда, готовя рекламную компанию какао. Вождь Акомоло показывал ему Альбертию. Вы знакомы с премьером?

— Мы виделись лишь однажды.

— Интересный человек. И очень честолюбивый. Мисс Кидд и я познакомились в его доме. Он принял первых посланцев Корпуса мира, прибывших в его провинцию.

— Вы следите за предвыборной кампанией, майор? — спросил я.

Он рассмеялся, словно услышал от меня что-то забавное.

— У меня достаточно хлопот с внутриармейскими проблемами. Нет, политикой я не интересуюсь, разве что политиками.

— Есть разница?

— Разумеется. Допустим, что мистер Х — политик, возглавляющий одну партию, а сэр У опирается на другую. Меня не очень волнует, что говорят, делают или обещают мистер Х или сэр У. Но мне важно, что происходит с ними. Другими словами, мне все равно, привстал ли жокей на стременах или нет. Главное, чтобы его лошадь пришла

первой.

— Вы можете назвать победителя?

Майор улыбнулся обезоруживающей улыбкой человека, которому нечего скрывать.

— Иногда победителя зовут «Колокол свободы». В другой раз он может бежать под кличкой «Моя Африка». В последнее время становится популярным «Армейская сила».

— Я бы поставил два фунта на последнего.

— Я не поклонник азартных игр, мистер Апшоу. Предпочитаю определенность. Поэтому, вероятно, я не пользуюсь успехом у женщин.

— По-моему, вы лукавите, майор, — вмешалась Анна. — Ваше имя часто упоминают на девичниках в Убондо. Обычно, советуют вас остерегаться.

— При первой возможности я постараюсь доказать, что это выдумки. Чего только не наговорят о человеке, особенно, в таких местах, как Убондо. Уверяю вас, мисс Кидд, я ни в чем не повинен.

Я пытался вспомнить, откуда мне знаком такой разговор. Нет, не голос майора, но несколько архаичное построение фраз, маннеризм. Словно ожил диалог одного из бесчисленных романов об Индии и Малайе, в котором наивный адвокат пьет чай с очаровательной девушкой, только что приплывшей из Англии, шокируя тем самым остальных членов клуба.

Майор, похоже, читал эти романы. Но его вид не оставлял сомнений в том, что он стремится к чему-то гораздо большему, чем чашка чая и шоколадное пирожное. Лично я читал на его лице: «Давай потрахаемся, милашка».

Он вновь повернулся ко мне.

— Скажите, мистер Апшоу, вы и впрямь думаете, что моя страна готова к демократическому правлению?

— Я не уверен, готова ли к этому любая другая страна, за исключением Швейцарии.

— Мне действительно любопытно, знаете ли. Вы не похожи на человека, который стал бы рекламировать кандидата, продавать его, как автомобиль или определенную марку сигарет. Насколько я знаю Даффи, столь топорные методы не в его духе. Чем занимается организатор предвыборной кампании? Честное слово я спрашиваю вас об этом из чистого любопытства.

— Вам нужно спросить об этом у мистера Шартелля, — ответил я. — Политика по его части. Я лишь писатель... бумагомарака.

— Я уверен, что вы себя недооцениваете. Но я обязательно задам ему этот вопрос. Может быть, вы пообедаете со мной в Убондо на этой неделе... В пятницу?

— Будем рады. Я передам Шартеллю ваше приглашение.

— Хорошо. И вы, разумеется, составите нам компанию, мисс Кидд?

— С удовольствием, — без малейшего промедления ответила Анна.

— Прекрасно. — Майор поднялся. — Тогда, до пятницы.

— До пятницы, — я чуть привстал.

Он коротко поклонился и ушел. Высокий и стройный.

— Он не настоящий, — я покачал головой. — Его вырезали из старого номера «Космополита» и перенесли в Африку.

— Еще какой настоящий, — возразила Анна. — И чем скорее вы убедитесь в этом, тем лучше.

Обед в отеле «Принц Альберт» не удался. Мясо принесли жилистое, жареный картофель подгорел, в салат перелили растительного масла. Я почти ничего не съел, отдав предпочтение кофе, сигаретам и бренди.

Анна, наоборот, ела жадно. Вероятно, в Убондо кормили куда как хуже. Она слупила бифштекс, картофель, салат и даже отвратительную на вид брюссельскую капусту, которую я заказал только для нее.

— Чем вас кормят в Корпусе мира? — спросил я. — Присылают концентраты?

— Мы готовим сами. Покупаем мясо и консервы в местном супермаркете. Он там один. Ничего особенного. Простая британская пища.

— Проще не придумаешь.

— Я неплохо готовлю. Если вы будете хорошо себя вести, я приглашу вас на обед. Но продукты приносите с собой. У меня нет лишних денег.

Постепенно мы втянулись в спор о мартини. Анна утверждала, что самый хороший коктейль получается из джина «Бифитер» и калифорнийского вермута «Трибуно». Я склонялся к мысли, что в сочетании с вермутом марка джина не имеет никакого значения. Мы сошлись во мнении, что американцы почти догнали немцев в гонке за звание самых непопулярных туристов, да и англичане отстают совсем ненамного. Выяснилось, что мы оба не любим кокосовые орехи, но по части анчоусов наши вкусы разошлись. Мы оба считали, что установка подслушивающих устройств недопустима, а в Джимми Хоффе не распознали прирожденного юмориста. По отношению к Богарту⁵ нам не удалось прийти к единому выводу. Я сказал, что его вклад в искусство заключается в нескольких незабываемых сценах «Мальтийского сокола» и «Победы над дьяволом». Она спросила, а как же «Африканская королева», и я ответил, что перед съемками ему следовало подновить коронки на зубах и хотя бы в одном или двух эпизодах вытаскивать большие пальцы из-за пояса. Перебрали мы многих других: Дина Раска, Уолтера Кронкайта, Сонни Листона и так далее, но добрые слова нашлись далеко не для всех. Со знаменитостей разговор перекинулся на войну.

— Вы служили в армии? — спросила Анна.

— Недолго. В Корее. 45-ая дивизия.

— Вас ранило?

— Легко.

— Давно вы живете в Лондоне?

— Давно. Уже десять лет.

— Вы не выглядите таким старым.

— А я и не чувствую себя стариком. Родился я в тридцать втором, в год, когда мой папаша с большой прибылью продал соевые бобы. Первый и второй классы я осилил за один год, в шестнадцать поступил в университет, в восемнадцать, в 1950, попал в армию. Получил диплом в 1953 и сразу же начал работать в газете. Мне сказали, что я очень умный, и отправили в Европу. Я стал их первым зарубежным корреспондентом. В 1955 году.

— А что потом?

— Пришел октябрь 1956, выборы в Штатах, Суэц и Венгрия. Я выбрал Венгрию, редакция же хотела знать, как реагирует Европа на ход предвыборной кампании. Мы

⁵ Богарт Хэмфри — американский киноактер.

расстались. Я поехал в Англию, поступил к Даффи, женился, развелся семь лет спустя.

— Почему?

— Наверное, я был плохим мужем.

— А она — хорошей женой?

— Мы оба поняли, что не подходим друг другу.

Анна выводила кофейной ложечкой какие-то узоры на скатерти.

— Я уже сказала, что не испытывала ничего подобного. По отношению к мужчине.

— Я помню.

— Мне даже страшно. Знаете, что мы с вами делали?

— Когда?

— Когда говорили о всякой всячине, что нам нравится, а что — нет. Мы ухаживали друг за другом.

— Пожалуй, что так.

Она посмотрела на меня.

— Я влюбилась в вас, Питер.

— Я знаю.

— Это хорошо?

— Думаю, что да.

— И что мы будем делать?

— Не знаю. Попытаемся любить друг друга. Для меня это внове. Ни разу не пробовал.

— Правда?

— Правда.

— Я собираюсь любить тебя сильно-сильно.

— Хорошо.

— Я хочу остаться с тобой на эту ночь.

— Отлично.

— Ты тоже хочешь этого, так?

— Да, но мне казалось, что предложение должно исходить от меня.

— У нас мало времени. Я — Испорченная девица?

— Отнюдь.

— Нам могут принести шампанское в номер?

— Конечно, — я подозвал официанта и достаточно быстро втолковал ему, чего нам хочется. Кроме шампанского я заказал бутылку «Мартеля».

— Посидим здесь, пока они выполнят заказ. Я не хочу, чтобы нам мешали.

— Мне придется уехать рано, около пяти утра, — Анна прикусила губу и покачала головой. — Все произошло так быстро, — она наклонилась ко мне, ее глаза переполняла мольба. — Я не ошиблась, Питер?

— Нет.

— Мы поступаем правильно, мы оба?

— Да, правильно, но как и почему это произошло с нами, сейчас я объяснить не могу. Пока я не собираюсь думать об этом. Я хочу насладиться случившимся. Я рад, что влюбился в тебя. Я чувствую себя рыцарем-романтиком. Я рад, что мы поднимемся наверх и будем пить шампанское и любить друг друга. Полагаю, я чертовски счастлив и это очень необычайное чувство.

Анна улыбнулась.

— Это хорошо. Мне нравится. Теперь я знаю, что все правильно.

— Вот и отлично.

Мы встали из-за стола, и я взял ее за руку. Мы прошли к лифту, поднялись в мой номер. Шампанское и бренди уже принесли. Шампанское оказалось не слишком хорошим, но холодным, и мы пили его, не отрывая глаз друг от друга.

Осушив бокал, Анна вновь улыбнулась.

— Питер, пожалуйста, будь нежен со мной.

Мы легли на прохладные простыни, и я был нежен, и случилось то, что должно было случиться, и мы унеслись туда, где плюшевые медвежата справляют свои праздники, а затем неспешно вернулись назад, и я поцеловал ее и легонько провел рукой по ее лицу, коснувшись бровей, глаз, носа, губ и подбородка.

— Как я? — спросила она.

— Ты — само совершенство.

— И ты тоже.

Я закурил и какое-то время лежал, глядя в потолок отеля, построенного в сердце Африки, а головка девушки, в которую я так внезапно влюбился, покоилась на моем плече.

Жизнь сразу стала не такой уж плохой. Я задумался было, почему мне так повезло, но моя любимая повернулась ко мне, и поэтому я затушил сигарету...

Глава 9

От Барканду до Убондо девяносто девять миль петляющего, забитого транспортом шоссе. Асфальт с многочисленными заплатками плавился под жарким солнцем. На открытых участках, там, где вырубали тропические леса, вдали мерцали миражи. Вдоль обочин ржавели остовы грузовиков и легковушек, водители которых не вписались в последний поворот. Металлолом, похоже, в Альбертии не собирали.

Дорога из Барканду ведет на север, к Сахаре, и если ехать по ней достаточно долго, пока асфальт не уступит место красному латериту, а затем латерит не сменится пылью и песком, то можно добраться до Тимбукту. Но это длинный путь, и редко кто проходит его до конца.

Путешествуют по местным шоссе главным образом в фургонах-грузовиках. Правая дверца кабины всегда полуоткрыта, чтобы водитель, высунувшись, мог лучше видеть дорогу, а при случае быстрее спрыгнуть в кювет. Водители гоняют фургоны из Барканду в Убонго и обратно, иногда покрывая по шестьсот миль в день, перевозя людей, кур, коз, яростно торгуясь из-за платы за проезд. Ездят они быстро, правила движения если и знают, то смутно. Обгон воспринимают как личное оскорбление.

Шартелль развалился на заднем сиденье, надвинув черную шляпу на лоб, с длинной сигарой, заменившей крепкие дешевые сигареты. В свежетыглаженном костюме, в застегнутой на все пуговицы, кроме верхней, жилетке, красно-черном галстуке и белой рубашке. Ноги его, в черных туфлях, лежали на деревянном столике, откидывающемся со спинки переднего сиденья.

В вестибюле отеля он оглядел меня с головы до ног, выразил надежду, что день будет хорошим, и спросил, не хочу ли я кофе. Мы выпили кофе в ресторане, за столиком с видом на бухту.

— Какая бухта, — в очередной раз повторил Шартелль, после того как заказал яичницу с ветчиной.

Анна уехала в пять утра. Я смотрел, как она одевалась. Потом сидела перед

зеркалом и причесывалась. Мы оба улыбались. И молчали, понимая, что время для разговоров придет позже. Я чувствовал, что времени нам хватит на все.

Она подошла к кровати и села рядом. Положила руку мне на голову, потрепала волосы.

— Я должна идти.

— Я знаю.

— Ты позвонишь?

— Я позвоню сегодня вечером.

Я поцеловал ее, она встала, пересекла комнату, открыла дверь и скрылась за ней, не оглянувшись. А я лежал, курил и прислушивался к незнакомым чувствам, бурлящим внутри. А когда вошло солнце, я поднялся, принял душ, и спустился в вестибюль на встречу с Шартеллем.

— Знаете, где я вчера побывал? — Шартелль выпустил струю дыма.

— Нет.

— Я засвидетельствовал свое почтение генеральному консулу.

— Я же ездил с вами. Его не оказалось на месте.

— Нет, после этого. Даже после беседы со старичком-англичанином в Управлении переписи.

— То есть вы вновь поехали туда?

— В Барканду несколько консульств.

— И какое же вы выбрали?

— Естественно израильское.

— Клинт, я не собираюсь вытягивать из вас каждое слово. Итак, вы решили пообщаться с генеральным консулом Израиля. Почему?

— Я рассуждал так: если я попадаю в незнакомый город в чужой стране и хочу разобраться в том, что происходит, к кому мне обратиться? Разумеется, к послу Израиля, а если посла нет, то к генеральному консулу.

— И о чем вы говорили?

— О родственниках, юноша, о родственниках.

— Чьих?

— Его и моих. У меня есть родственники в Израиле, а у этого старикана из консульства — в Кливленде, и я с ними, кажется, знаком. Горячие сторонники демократической партии. То есть я сразу стал его земляком.

— Откуда у вас родственники в Израиле?

— Тройродные братья по линии отца. Во мне одна шестнадцатая еврейской крови.

— Я думал, что фамилия Шартелль французского происхождения.

— Совершенно верно, но чуть-чуть еврейско-французского. Так, во всяком случае, говорил мне отец.

— Ясно. И что поведал вам израильский генеральный консул?

— Ну, он уже слышал о «Ренессейре». Он сказал, что четверо храбрых молодцов прилетели в Барканду три дня назад и тут же самолетом отбыли на север.

— Фамилий он не упоминал?

— Нет. Но отметил, что они открыли счет в филиале банка «Барклей» на шестизначную сумму в фунтах. Двое из них — негры, естественно, американские, двое — белые.

— Через Лондон мы можем установить, кто они?

Шартелль кивнул.

— Полагаю, Поросенку это по силам.

— Он сказал что-нибудь еще?

— Ну, он поклялся, что откажется от своих слов, но его правительство опасается, что англичане уходят слишком быстро. Он считает, что начнутся беспорядки, особенно если выборы окончатся «базаром» без явного победителя или хотя бы сильной коалиции. Он также не предполагал дожить до таких дней, когда ему придется признать, что англичане слишком быстро уходят из колонии. Но в Альбертии это произошло.

— Любопытное признание, — кивнул я.

— Вы, часом, не встречались здесь с Мартином Борманом?

— С кем?

— Мартином Борманом. Ну как же, сподвижник Гитлера, который удрал из бункера буквально перед тем, как русские вошли в Берлин.

— Нет, я его не встречал. Во всяком случае в последнее время.

— Если встретите, дайте знать генеральному консулу Израиля, хорошо? Он здесь уже три года и полагает, что сможет вернуться в Тель-Авив, если поймают Бормана или какого-то другого нациста, все еще находящегося на свободе. Он просил нас поглядывать вокруг.

— Обязательно.

— Знаете, где я еще побывал?

— Нет, но уверен, что не останусь в неведении.

— Выпив чашку чая с израильским консулом, я забрел на базар, где сидят эти толстые кумушки в разноцветных одеяниях.

— И что вы там выяснили?

— Я купил несколько бритвенных лезвий у одной, пару сигар — у другой. Немного поторговался, рассказал пару анекдотов. Словом, повеселил их. Очень милые тетушки. Чуть полноватые, но приветливые.

— Понятно, — кивнул я.

— Потом мы коснулись выборов. Как они заспорили! Одна была за вождя Акомоло, другая за старика Альхейджи, третья за того, что с востока... э...

— Доктора Колого, — подсказал я.

— Доктор, адвокат, вождь-торговец, — Шартелль покачал головой. — Как бы не запутаться.

— И каково общее впечатление?

— Общее впечатление, юноша, состоит в том, что им абсолютно безразлично, кто победит. Они, эти толстые кумушки, уверены в продажности кандидатов и считают, что те хотят лишь побыстрее набить карман.

— Мы должны обратить это обстоятельство в нашу пользу.

— Вчера, как вы помните, я высказал мысль о том, что мы должны убить одним выстрелом двух зайцев, хотя и не смог предложить конкретного плана действий.

— Припоминаю.

— Так вот, прошлой ночью меня осенило. Идея недурна, но ее реализация обойдется в кругленькую сумму, а успех будет зависеть от продажности одних и преданности других. Как, впрочем, и любая другая политическая компания. И мне понадобится писатель с богатым воображением.

— В смысле?

— Помнится, был репортер, который писал для двух газет, утренней и вечерней,

вроде бы враждовавших друг с другом, но принадлежащих одному издателю.

— И что?

— Так вот, этот парень встает рано утром, садится за машинку и отстукивает передовицу, разносящую в пух и прах ФДР^б и Гарри Гопкинса и всех сторонников «Нового курса». Это для дневной газеты. Потом он идет в бар, пропускает пару стопочек, возвращается и отстукивает другую передовицу, на этот раз превозносящую миссис Рузвельт, Джимми, Джона, ФДР младшего и обрушивающую грома и молнии на их врагов. Вот это качество я называю универсальностью.

— Интересно, какую же передовицу он писал от души?

— Шартелль сбил шляпу на затылок, изумленно уставился на меня.

— Обе, юноша, обе. Разве могло быть иначе?

Я вздохнул.

— Вы правы, Клинт. Не могло.

— Так вот, полагаю, вам придется писать в том же духе.

— Я в полном вашем распоряжении. Осталось только вставить в машинку чистый лист. Как скажете, так и напечатаю. И за тех, и за других.

Уильям сбавил скорость и повернулся к нам.

— Господин хочет пива?

— Пива? — переспросил я.

— Да, са, мы всегда останавливаемся на полпути к Убондо.

— Я никогда не возражал против утренней кружки пива, — заметил Шартелль. — Давай остановимся.

— Чудесно, — кивнул я.

Мы подъехали к обмазанному белой глиной одноэтажному сараю. Тут же была и бензозаправка. В зале вокруг низких столиков стояли кресла с широкими подлокотниками. Над стойкой бара лениво кружились лопасти вентилятора. Судя по вывеске над входной дверью, заведение называлось «Колония». Мы сели за один из столиков. Подошел мужчина и спросил, что мы будем пить. По акценту чувствовалось, что он не из англичан.

— Три пива, — ответил Шартелль. — Хорошего и холодного.

— Хорошего и холодного, — кивнул мужчина, вернулся к стойке, откупорил три бутылки баварского пива, поставил их на поднос вместе со стаканами, которые достал из холодильника, и принес нам.

— Хорошее и холодное, господа, — бутылки и стаканы перекочевали с подноса на стол. — С вас двенадцать шиллингов и шесть пенсов.

Я дал ему фунт.

— Вы американец, не так ли? — спросил Шартелль.

Мужчина посмотрел на него.

— Я жил там какое-то время.

— Где именно?

— В разных местах.

— В Питтсбурге?

— В том числе.

— Вы тут хозяин?

Мужчина огляделся, чуть улыбнулся.

^б ФДР — Франклин Делано Рузвельт, президент США (1933-1945 гг.).

— Нет. Я не хозяин. Просто помогаю приятелю, — он ждал следующих вопросов, не очень высокий, в пять футов семь дюймов роста, худощавый, гибкий, с загорелым лицом, коротко стриженными волосами, уже тронутыми сединой на висках. Походкой он очень напоминал Шартелля.

— Моя фамилия — Шартелль, а это — Апшоу.

— Меня зовут Майк.

— Вы здесь давно?

— Нет. Я тут проездом.

— И помогаете приятелю.

— Совершенно верно. Приятелю.

Шартелль налил себе пива. Майк терпеливо стоял рядом, с подносом в руках.

— Мы не встречались раньше, Майк? — спросил Шартелль, обращаясь к стакану с пивом. — Лет двадцать назад?

— В жизни доводится встречаться со многими, но вас я не помню, — он положил купюру в карман и отсчитал мне сдачу. — Что-нибудь еще?

Я покачал головой, и мужчина, которого звали Майк, вновь занял место за стойкой и углубился в лондонскую «Таймс».

Уильям выпил пиво прямо из бутылки, удовлетворенно рыгнул и ушел к двум альбертийцам, обслуживающим бензозаправку. Шартелль и я неспеша допили пиво. Когда мы встали, Майк не попрощался с нами. Даже не оторвал глаз от газеты.

— Знаете, Пити, я думаю, что встречался с этим парнем, — Шартелль расположился на заднем сиденье в своей излюбленной позе. — И, похоже, он тоже узнал меня.

— Мне так не показалось.

— Во Франции, во время войны... Он был помоложе.

— Как и вы.

— Тот парень говорил по-французски. Хорошо говорил, словно родился там.

— Вы уверены, что это один и тот же человек?

— Я-то уверен, но раз он это отрицает, значит, на то есть чертовски серьезная причина. В чем она состоит, не мое дело, поэтому я отстал от него.

Машина вырулила на шоссе. Грузовиков стало поменьше. Я поглядывал на тропический лес и удивлялся отсутствию животных.

— А где животные, Уильям?

— Животные, са?

— Мартышки, слоны, львы, бабуины.

— Животных нет, са. Только козы.

— Я имею в виду диких животных.

— Нет диких животных, господин. Их давно съели. Мы их съели! — и он засмеялся.

— Никогда не думал, что попаду в Африку и не увижу никакой живности, — подал голос Шартелль. — Черт, да в Канзасе ее куда больше.

— Может, в Канзасе меньше голодных. Кстати, раз уж мы вспомнили о голоде, нас пригласили к вождю Акомоло на ленч или просто на деловое совещание?

— Как я понял, на ленч. Будут наиболее влиятельные его стороны. Так сказать генеральный штаб. Я собираюсь главным образом слушать, но если уж мне придется выступать, прошу ничему не удивляться. И будьте готовы в любой момент поддержать меня, если понадобится, цифрами.

— Цифрами?

— По ходу вы сообразите, что к чему. Я буду поправлять вас, на фунт здесь, на шиллинг там, чтобы ваши расчеты казались более убедительными. В какой-то момент мы с вами можем даже поспорить.

— Другими словами, вы хотите, чтобы я возражал вам?

Шартелль вновь надвинул шляпу на глаза, устроился поудобнее.

— Пити, вот это мне в вас и нравится. Вы не задаете глупых вопросов и самостоятельно не хотите принимать никаких решений. Продолжайте в том же духе, и мы станем близкими друзьями.

— Между прочим, вчера вечером я познакомился с одним армейским майором. Он пригласил нас на обед. В пятницу. Я обещал, что мы оба придем.

— Правильно сделали. Принимайте все приглашения. Возможно, и нам придется принимать гостей. Устроим пару вечеринок. К сожалению, это входит в наши обязанности.

Шартелль заснул под своей шляпой, а я откинулся на сиденье и, закрыв глаза, думал об Анне.

Глава 10

Чтобы попасть в Убондо, нужно свернуть с шоссе на четырехполосную бетонку, называемую Джеллико Драйв. Дорога все время поднимается в гору, а с гребня открывается панорама одного из самых больших городов черной Африки. Миллион людей населяет море маленьких, крытых железом домишек, и лишь один небоскреб, белый, как соляная колонна, вздымается в небо среди ржавых крыш — двадцатитрехэтажное здание «Какао Маркетинг Боярд».

Убондо расположен в долине, и река Земровин рассекает его надвое, катя свои воды на запад, к океану.

Земровин не служит границей, отделяющей богатые кварталы от бедных. Бедняки живут на обоих берегах, и лачуги мирно соседствуют с добротными домами на кривых улочках. Тридцать лет назад Убондо получил прямую как стрела главную улицу. Пьяный ирландец по фамилии Диггинс, усевшись за руль бульдозера, прорезал город насквозь, сметая все на своем пути. Восстанавливать разрушенное не стали, но построили дорогу там, где прошел бульдозер. В честь ирландца улицу назвали Диггинс Роуд. Он оставался в Африке до самой смерти, народив бесчисленное количество детей от пяти жен.

На гребне горы я разбудил Шартелля, и тот восхищенно покачал головой.

— Да, юноша, вот это я называю Африкой. Посмотри-ка на всю эту нищету. Незабываемое зрелище.

— Я никогда не считал нищету чем-то забываемым.

— Караваны доходили сюда?

— Нет. Они останавливались миль на пятьсот севернее.

— А я представляю себе такой вот караван, переваливающий через холм, жующие верблюды, колокольчики, позвякивающие на их шеях, сидящие между горбами арабы с длинноствольными ружьями.

— Ну и ассоциации у вас, Шартелль.

— Пити, это же Африка. Я увлекаюсь Африкой с шести лет. Я читал Манго Парка и Стэнли, и Ливингстона, и Ричарда Халлебуртона, и Хемингуэя, и Озу Джонсон и ее

мужа. Как же его... а, Мартина. Помните рассказ, который они написали о жирафах? Они называли его «Существо, о котором позабыл Бог». Потрясающий рассказ. Будь я писателем, я бы писал только такие рассказы.

Мимо широкой протоки, где женщины стирали белье, мы въехали в город. Стало больше коз и кур. Торопливо шагали люди. Уильям окликал некоторых, махал им рукой. Владельцы лавочек выкладывали товар вдоль узкой проезжей части: одежду, сигареты, нюхательный табак, гвозди, молотки, кастрюли, сковородки. Каждая лавочка занимала не более шести футов, ставни, закрывающиеся на ночь, служили витриной.

Мы проехали банк, парикмахерскую, химическую чистку, находящуюся, как мне показалось, на грани банкротства. В читальне не было ни души, зато соседний бар не жаловался на недостаток посетителей. Далее расположился ресторан «Вест Энд» и одинокая лачуга с вывеской на закрытой двери: «Королевское общество охраны животных от жестокого обращения».

Мы затормозили у знака «стоп». Регулировщица в белой блузке, синей фуражке, черной юбке, туфлях того же цвета и белоснежных перчатках с грацией танцовщицы руководила движением транспорта. Размеренному ритму плавных взмахов ее рук не хватало только барабанного сопровождения.

Чуть ли не над каждой лавочкой висел динамик «Радио Альбертии». Льющаяся из них музыка перемежалась криками, смехом. Шум стоял невообразимый.

Едва ли кто мог назвать Убондо спящей африканской глубинкой. Составляющие его тридцать квадратных миль лачуг кипели жизнью, не испытывая ни малейшего желания улучшить условия своего существования.

Шартелль наклонялся вперед, выглядывал из окон, оглядывался назад. Новая сигара торчала у него изо рта, шляпу он сдвинул на затылок.

— Клянусь Богом, Пити, я чувствую, мне здесь понравится. Да, красиво и отвратительно.

Уильям повернул налево. Вдоль одной стороны улицы тянулись железнодорожные рельсы, с другой находился ипподром.

— Это ипподром, са, — пояснил Уильям. — По субботам здесь скачки.

Около деревянных трибун выстроились маленькие будочки, вероятно, в них принимались ставки. Небольшая, чуть поднятая над землей площадка под железной крышей очень напоминала эстраду, где по воскресеньям мог бы играть оркестр.

Еще один поворот налево — и мы въехали в более состоятельный район Убондо. Дома отгородились от дороги лужайками, некоторые заросли сорняками, большинство зеленело свежескошенной травой. На подъездной дорожке к двухэтажному особняку сидела старуха, разложив товар на деревянном ящике.

Уильям помахал ей рукой, и та улыбнулась в ответ беззубым ртом.

— Это мадам Кринку. Ее сын — министр транспорта.

— Ее сын?

— Да, са. Это его дом. Очень хороший.

— Похоже, она зарабатывает много денег? — спросил Шартелль.

— Она зарабатывает очень много, — Уильям хихикнул. — Она продает сигареты и орехи колы. Ее доход — два-три шиллинга в день.

— Это много, — согласился Шартелль.

Дорога — двухполосная лента асфальта — извивалась среди широких лужков с цветочными клумбами. За каждым из домов с раскрытыми настежь по случаю жары

окнами и дверями виднелись бетонные кабинки. Шартелль поинтересовался у Уильяма об их назначении.

— Жилье, са.

— Для слуг?

— Да, са.

— Чертовы бараки, — пробурчал Шартелль.

После очередного изгиба дороги Уильям помахал рукой нескольким альбертийцам, и те опрометью бросились к дому. Уильям снова хихикнул и свернул на подъездную дорожку, похожую на вывернутый вопросительный знак, выложенный на лужайке площадью в добрый акр, и мы подкатили к штаб-квартире «Даффи, Даунер и Тимз, ЛТД».

Пятеро альбертийцев ждали нас на парадном крыльце. Как только Уильям затормозил и машина остановилась, они бросились к нам с криками: «Добро пожаловать, добро пожаловать, господа». Когда мы с Шартеллем вышли из машины, Уильям представил нам слуг.

— Это Самоэль, повар. Чарльз, стюарт, — он указал на подростка лет четырнадцати-пятнадцати. — Это Маленький Мальчик.

— Привет, Маленький Мальчик, — поздоровался с ним Шартелль. Тот просиял.

— Это Оджо, садовник. Он не понимает по-английски. За него говорит Самоэль, — Оджо улыбался. В рваных рубашке и шортах цвета хаки, низкорослый, широкоплечий, с кривыми ногами и татуировкой на лице. Мы улыбнулись в ответ.

— А это Сайлекс, ночной сторож, — во всяком случае, мне слышалось «Сайлекс».

— Рад с вами познакомиться, господа, — Сайлекс чуть поклонился.

— Днем он учится в университете, — пояснил Уильям.

— А ночами повторяет пройденное, — добавил Шартелль.

Повар, стюарт и Маленький Мальчик вынимали из багажника наши чемоданы. Уильям руководил.

Мы с Шартеллем осмотрели дом. Нам он понравился. С крыльца складывающиеся двери открывались в гостиную. Кладовка и кухня примыкали к столовой. Правый коридорчик вел к спальне и ванной. В доме было еще две спальни, поменьше, тоже с ванной, побольше — с отдельным входом.

— Где вы расположитесь? — спросил я Шартелля.

— Мне без разницы.

— Тогда я возьму ту, что с отдельным входом.

Шартелль усмехнулся, но промолчал. Я объяснил Маленькому Мальчику и Чарльзу, куда отнести чемоданы.

— Господа хотят кушать? — спросил Самоэль.

— Нет, — ответил я. — Мы поедем у вождя Акомоло. После Даунера остался джин?

— Да, са. Джин и тоник, са?

Я взглянул на Шартеля. Тот кивнул.

— Джин и тоник, — повторил я.

По близкости гостиная могла соперничать с номером второразрядного мотеля где-нибудь в Арканзасе. Книжные полки без книг отделяли ее от столовой. Квадратные подушки на кушетке служили и сиденьями, и спинкой. Четыре стула, письменный стол с еще одним стулом, шестигранные низкие столики, встроенная в

стену книжная полка, также пустая. Пол, застеленный светло-коричневым ковром.

Сайлекс исчез из виду, но Оджо, садовник, подстригал лужок мачете.

— Вот с этим надо кончать, — процедил Шартелль и позвал Уильяма.

— Са? — спросил тот.

— В Убондо есть скобяной магазин?

— Скобяной, са?

— Магазин, где продают, ну, ты знаешь, сенокосилки?

Радостная улыбка понимания осветила лицо Уильяма.

— Да, са.

— Сколько они стоят?

— Очень дорого, са. Десять, одиннадцать, двенадцать фунтов.

— Дайте ему деньги, Пит.

Я уже достал бумажник. И отсчитал Уильяму три купюры по пять фунтов.

— А теперь поезжай в Убондо и привези сюда эту чертову сенокосилку.

— Какую хочет господин?

— Спроси главного садовника, Оджо. Я не разбираюсь в сенокосилках.

Из кухни появился Самоэль с подносом в руках. Он принес джин, две бутылки тоника, ведро со льдом, щипцы и бокалы. Сначала он подошел ко мне и стоял, низко согнувшись, пока я наполнял бокал. Затем отнес поднос Шартеллю.

— Мы покупаем сенокосилку для Оджо, — просветил я Самоэля.

— Очень хорошо, са, — улыбнулся тот.

Я отпил джина с тоником.

— Вы приняли очень правильное решение, Шартелль, — добавил я, когда Самоэль ушел.

— Еще бы, — хмыкнул тот, развалившись в кресле, с сигарой в одной руке и полным бокалом в другой.

Маленький Мальчик выскочил из спальни с охапкой грязных рубашек, носков, белья. Пробегая мимо нас, он хихикнул.

— У вас когда-нибудь было шесть слуг, Пити? — спросил Шартелль.

— Нет.

— Можно, конечно, привыкнуть и к такому окружению. Слуги будут приносить виски и джин, готовить обед, водить машину, следить за детьми, косить траву на лужайке, убирать дом, подавать чай ровно в половине шестого пополудни. Всю взрослую жизнь я переезжаю из отеля в отель, где полно услуги, но впервые, юноша, шесть человек готовы исполнить любое мое желание.

— Мы начинаем понимать, что такое роскошь.

— По правде говоря, мне как-то не по себе. Вы-то, наверное, думаете, что благодаря моему превосходному южному образованию я привык к работающим и покорным неграм, приходящим в большой дом на холме за рождественским подарком.

— Нет, Шартелль. С этой шляпой, сигарой, в этом костюме я скорее представляю вас верхом на жеребце, объезжающим хлопковые поля и прислушивающимся к счастливым голосам сборщиков урожая, поющих веселые песни.

— Юноша, вы несете чушь.

— А потом, когда работа закончена и негр-дворецкий с посеребренными сединами волосами подал вам обед в старинном особняке с белыми колоннами, вы садитесь в «ХК-Е» и мчитесь в Шартелль-Сити, выпить виски и перекинуться в карты с друзьями.

Весь Шартелль-Сити, разумеется, — лишь два магазина, бордель, да

хлопкоочистительный заводик, но его называли в честь вашего прапрадедушки...

— Уважения, юноша, вам недостает уважения к порядочным людям. Я только хотел сказать, что могу понять человека, который прельщается этим тропическим раем и остается здесь, тем более что на родине его ждет квартира с одной спальней или домик в Билейр Хейтс или в Эджемер Парк.

— Но, — продолжал Шартелль, — должен признать, что мне в таком окружении крайне неуютно, поэтому я намерен возложить на вас руководство этим дружным коллективом. Я уверен, что вы не только справитесь с составлением меню, но и не откажете этим прекрасным людям в дельном совете, если они придут к вам со своими горестями, будете ухаживать за ними в час болезни — словом, сделаете все, чтобы обитатели этого дома жили душа в душу.

— Нет, Шартелль, так не пойдет. Я буду носить ваш портфель, смешивать вам коктейли, точить карандаши. Я готов смеяться над вашими шутками и повторять как попугай: «Совершенно верно, Клинт», — но домоуправительница из меня не получится.

Шартелль вздохнул и потянулся.

— Я не люблю пить до полудня, Пити, но сегодня джин и тоник творят чудеса. Не хотите ли выпить еще по бокалу?

— Почему бы и нет?

— Как нам кого-нибудь позвать? Просто крикнуть?

— Звонков, похоже, тут нет.

— Как зовут этого костлявого парня, стюарда?

— Самоэль.

— Это повар. Другого?

— Чарльз.

— Почему бы вам не кликнуть его, и мы посмотрим, прибежит ли он?

— Я чувствую себя круглым идиотом.

— Пожалуй, я попробую, — решил Шартелль. — Чарльз.

— Вы зовете меня или стюарда? Думаю, надо бы погромче.

— Чарльз! — проревел Шартелль.

— Са! — тут же донеслось в ответ, и несколькими мгновениями спустя в гостиную влетел стюард.

— Еще джин с тоником для доброго господина, Чарльз.

— Да, са!

Вновь каждый из нас смешал джин с тоником на подносе, который держал перед нами Чарльз.

— Сколько мы платим этим людям? — спросил Шартелль.

— Я выудил из кармана бумажник.

— Не помню. Даунер оставил мне список. Мы платим им раз в месяц, — я достал листок Даунера и развернул его. — Давайте посмотрим... Сорок фунтов в месяц.

— Как они делятся?

— Самоэль получает двенадцать фунтов, Уильям — одиннадцать, Чарльз, стюард — десять. Маленький Мальчик — четыре, Оджо и Сайлекс — по шесть каждый.

— Боже милосердный.

— Ежемесячные четыре фунта Маленького Мальчика дают сорок восемь фунтов в год, примерно на двадцать фунтов больше годового дохода средней альбертийской семьи.

— Хватит. Оставьте эти печальные цифры при себе. Думаю, до отъезда им перепадет от нас несколько лишних фунтов.

— Просто беда с этими американцами, — я довольно удачно воспроизвел интонации Даффи. — Приезжают и первым делом начинают портить туземцев.

— Мы испортим их за деньги Даффи, — усмехнулся Шартелль. — Скажем, что потратили их на прием гостей. Только от мысли об этом у меня поднимается настроение.

Зазвонил телефон. Я подошел к письменному столу и снял трубку.

— Мистера Шартелля или мистера Апшоу, — мужчина говорил с английским акцентом.

— Мистер Апшоу слушает.

— Мистер Апшоу, это Йан Дункан. Я личный адъютант его превосходительства, сэра Чарльза Блэкуэлдера. Его превосходительство с удовольствием приняли бы вас в своей резиденции завтра утром. Вам это удобно?

— Нет возражений.

— Прекрасно. Тогда в десять часов.

— Хорошо.

— Мы придем за вами машину.

— Благодарю.

— Ждем вас завтра. До свидания.

Я попрощался и положил трубку.

— Звонил адъютант его превосходительства сэра Чарльза Блэкуэлдера, губернатора Западной Альбертии, представителя ее величества королевы.

— И?

— Он хотел бы встретиться с нами в десять утра. Я согласился. Вы сами слышали.

— Что вам известно о сэре Чарльзе?

— Он уже семь лет губернатор провинции. Может, и больше. Его карьера в Альбертии началась в тридцатых годах. Пользуется репутацией хорошего администратора. Альбертийцы ничего против него не имеют, за исключением цвета кожи.

— Но он в курсе события?

— Думаю, что да.

«Хамбер» с Уильямом за рулем и Оджо на заднем сиденье подкатил к крыльцу. Они вылезли и направились к багажнику, из которого торчали желтые рукояти косилки. Когда мы вышли на крыльцо, они уже поставили ее на гравий.

— Очень хорошая косилка, са, — крикнул Уильям. — Мы выторговали ее за одиннадцать фунтов, четыре шиллинга и шесть пенсов.

Я спустился с крыльца и оглядел косилку. Она ничем не отличалась от тех, что мне приходилось видеть раньше. Сам я уже давненько не подстригал газон. Звалась косилка «Биг Бой» и, судя по ярлыку, сработали ее в Толедо, штат Огайо.

— Оджо просто счастлив, — Уильям достал кожаный кошелек и отдал мне сдачу. К тому времени все слуги, кроме Сайлекса, ночного сторожа, сгрудились вокруг косилки. «Очень хорошо, са», — прокомментировал Самюэль. Маленький Мальчик дотронулся до рукояти и тут же получил подзатыльник от Оджо. Оджо что-то спросил у Самюэля на незнакомом языке.

— Оджо хочет знать, желаете вы или другой господин опробовать косилку, — перевел Самюэль.

— Скажи ему, что мы благодарны за предложение, но отказываемся в его пользу, — ответил Шартелль.

Самюэль на мгновение задумался, затем объяснил Оджо, что к чему. Тот просиял и переставил косилку на траву. Слуги последовали за ним, мы с Шартеллем наблюдали со ступенек. Оджо вытер ладони о шорты, взялся за рукоятки, толкнул косилку вперед, примерно на фут. Траву она косила. Зрители одобрительно загудели. Оджо взглянул на Шартелля, и тот поощряюще махнул сигарой. На этот раз Оджо выкосил полосу в шесть футов, затем еще в шесть. Слуги разошлись, а Оджо продолжал самозабвенно косить траву: впервые в жизни он столкнулся с механизацией ручного труда.

— Пожалуй, нам пора к Акомоло, — заметил Шартелль.

Мы сели в машину, я еще раз взглянул на Оджо.

— Может, купить ему корзину для сбора скошенной травы?

Шартелль выпустил струю дыма.

— Просто беда с вами, американцами. Вы хотите окончательно испортить туземцев.

Глава 11

Подворье Акомоло находилось в самом центре Убондо. Глиняная стена высотой в десять и длиной в 75 футов, явно нуждавшаяся в покраске, отделяла его от улицы. У кованых ворот стояли двое дюжих полицейских. По верху стены блестели в солнечных лучах разбитые пивные бутылки.

Дом Акомоло возвышался над стеной, с флагштоком на крыше. С него свисал не национальный английский флаг, но сине-белое полотнище.

— Что это за флаг, Уильям? — спросил я.

— Партийный флаг, са. Национальные прогрессисты.

— Ага.

Уильям остановил машину у ворот. Полицейские подошли, заглянули в кабину.

— Мистер Шартелль? Мистер Апшоу? — спросил один из них.

— Совершенно верно, — кивнул Шартелль.

Полицейские еще пристальнее вгляделись в нас, затем разрешили проехать. За воротами начинался большой, залитый бетоном двор. Мужчины, женщины и дети сидели, лежали, группами и поодиночке. Кое-кто продавал сигареты и орехи колы, разложенные на деревянных ящиках. Другие болтали с соседями. Матери кормили младенцев. Старик, свернувшись в клубок, лежал у стены. То ли он спал, то ли уже умер.

— Друзья вождя Акомоло, — заметил Уильям. Всего во дворе толпилось человек семьдесят-семьдесят пять. — Он кормит их по вечерам.

Трехэтажный подковообразный особняк расположился в глубине, с узкими окнами-бойницами в толстых стенах. Подъездная дорожка заворачивала за левое крыло дома. Там оказался еще один двор, огороженный той же высокой стеной и домиками слуг. У стены выстроились автомобили «кадиллак», «мерседес 300», «роллс-ройс», два совершенно одинаковых «олдсмобилия», «ягуар Марк А», «ягуар ХК-Е» с откинутым верхом и помятым слева передним бампером, «шевроле», «форды», «плимуты», «роверы» и даже один «фольксваген».

Уильям вклинился между «роллсом» и «вегой». Шартелль и я вылезли из кабины. К нам поспешил мужчина в развевающейся синей ordana. Уильям дернул меня за

рукав.

— У меня нет еды, господин.

— Ты найдешь, где перекусить?

— Меня могут накормить на кухне. Недорого.

— Хорошо. Через два часа будь на месте. Я думаю, раньше мы не освободимся.

Шартелль уже пожимал руку мужчине в ordana.

— Пит, это доктор Диокаду. Он секретарь национальной прогрессивной партии.

Доктор Диокаду, высокий, худощавый, чуть старше тридцати лет, с блестящими черными глазами и высоким лбом, нервно улыбался.

— Я с нетерпением ждал встречи с вами, Шартелль.

— Благодарю, — вежливо улыбнулся тот. — Мы не опоздали?

— Нет-нет, Лидер хотел бы принять вас до...

Он не договорил. Его прервал пронзительный, фальшивый звук, словно кто-то неумело дунул в трубу или корнет. Затем ударили барабаны. Доктор Диокаду нервно улыбнулся.

— Прощу меня извинить. Едет Илья. Я должен приветствовать его. Возможно, вы захотите посмотреть. Традиция, знаете ли, и многие европейцы находят ее... занимательной.

Шартелль и я согласно кивнули. Вновь протрубили в трубу или корнет и из-за угла появился человек, одетый в львиные шкуры, с маской на голове. Он размахивал палкой, с мотающимися на конце, как мне показалось, хвостами енота. Жуткая с виду маска была выдержана в красно-черно-зеленых тонах, с отвратительным ртом, без носа, с горящими красными глазами. Сверху к ней крепилась модель то ли эскадренного миноносца, то ли крейсера. Издали я не разобрал. Человек в маске махнул палкой в сторону находящихся во дворе альбертийцев, и те попятились назад, без тени улыбки на лице. А тот двинулся к нам. Теперь я видел, что на маске у него модель эскадренного миноносца, и даже прочел его имя: «Стоящий».

— Кто это? — спросил я сжавшегося в комок Уильяма.

— Колдун, — прошептал тот.

Доктор Диокаду так и остался посреди двора, а колдун кричал и прыгал вокруг него, размахивая мохнатой палкой.

— Он изгоняет злых духов перед приходом Илья, — пояснил Уильям.

— Надо ж такое придумать, — Шартелль улыбался во весь рот.

Снова взревела труба — на этот раз из-за угла выступили четверо мужчин в белом. Каждый нес по подносу с единственным орехом колы. Мужчины не обратили на доктора Диокаду ни малейшего внимания, а он, казалось, и не заметил их.

— Они несут орехи колы от Илья — возможно Акомоло, — прошептал Уильям.

Рев трубы на этот раз перешел в барабанный бой.

— Говорящие барабаны, — добавил Уильям.

— И о чем они говорят? — спросил Шартелль.

— Они говорят о прибытии Илья.

Из-за угла появился старик в ярко-синей ordana. Он нес золотой посох, длиной в восемь футов, украшенный на конце фигуркой птицы. При ходьбе он опирался на посох и что-то декламировал нараспев на незнакомом языке.

— Он говорит, что идет Илья из Обахмы. Он говорит, что Илья велик и могущ, и все, кто увидит его...

— Это лишь грубый перевод, — донеслось из-за моей спины. Я обернулся и увидел

улыбающегося альбертийца в солнцезащитных очках. — Я Джимми Дженаро. Казначей партии.

Шепотом я назвался и представил Шартелля.

— Сейчас я вам все разъясню, — продолжал Дженаро. — Этот попрыгунчик — мелкая сошка, нечто среднее между колдуном и домашним шутком. Не спрашивайте меня, где он взял этот наряд или модель «Стоящего». Это атрибуты его колдовства. Четверо мужчин с орехами кола — из свиты Иля. Орехи, естественно, символ дружбы и верности. Пожилой гражданин с посохом — придворный герольд. Посох, между прочим, из чистого золота. Свидетельство власти Иля. Он — традиционный правитель, или король Обахмы. Герольд его славит. Если вы заметили, в каждой фразе барабаны подхватывают его интонацию, ритм, модуляцию голоса. Поэтому их называют говорящие барабаны. Я буду переводить фразу за фразой.

— Люди этой земли, поклонитесь... Ибо тот, кто могуче всех, идет сюда... Падите ниц, ибо сын молнии, брат луны уже близко...

Старик с посохом едва передвигал ноги. Нараспев произносил одно предложение и замолкал, давая выговориться барабанам. Вступала труба. Затем следовала новая фраза. Дженаро переводил.

— Величественнее тех, кто вышел из земли Каш... Идет Арондо, сын Арондо и сын всех Арондо испокон веков... Он идет... Он близко... Падайте ниц, ибо велик его гнев, несравненна его мудрость... Он не знает равных... Доблесть его в бою никем не забыта... Числу его детей завидует весь мир.

Старик остановился у дверей дома. Он ударил посохом о бетон и вознес хвалу своему господину. Из-за угла появился мальчик лет шести или семи, таща на плече раструб медного горна. Следом за ним — горнист. Старик все говорил. Показались двое мужчин с длинными барабанами, обтянутыми кожей, висящими на кожаных лямках на шее. Они шли медленно, прислушиваясь к голосу герольда. Едва тот заканчивал фразу, их руки начинали отбивать ритм.

Люди молча внимали герольду. Доктор Диокаду так и застыл посреди двора. Четверка с подносами стояла рядом с герольдом.

— Сейчас он появится, — прошептал Дженаро мне и Шартеллю.

Из-за угла выползал автомобиль. Я услышал, как хмыкнул Шартелль. Автомобиль был удивительный. Сделанный по заказу «ласалль» модели 1939 года с откинутым верхом, белый как снег, с белыми же запасными колесами, закрепленными на передних крыльях.

То был семиместный лимузин, но на заднем сиденье расположился лишь один мужчина в канотье. Глаза его прикрывали солнцезащитные очки, но смотрел он, похоже, прямо перед собой. Большое страусиное перо, воткнутое в канотье, чуть колыхалось от легкого ветерка.

Как только машина и ее пассажир выкатились во двор, Уильям упал, прижавшись лицом к бетонному покрытию. Доктор Диокаду не столь поспешно, но тоже опустился на колени и прижался лбом к бетону.

— Это входит в правила игры, друзья, — и Дженаро последовал примеру доктора Диокаду. Остальные давно уже распростерлись на бетоне. Шартелль помахал Илю сигарой и приподнял шляпу, как картежник в вестерне, повстречавший свою школьную учительницу. Я просто стоял.

Машина остановилась, водитель выскочил из-за руля, с привычной быстротой распростерся на земле, поднялся, открыл дверцу. Иль снял очки, сунул их в складки

просторного одеяния, позволил помочь ему выйти из машины. Доктор Диокаду встал и поспешил к Илю. Поднялся и Дженаро, но прочие альбертийцы, в том числе и Уильям, лежали не шевелясь.

— Только рвешь штаны, — проворчал Дженаро, отряхивая пыль с колен светло-коричневых брюк. Одет он был в белую рубашку с желто-черным шарфом на шее, черный кашемировый пиджак и черные же замшевые туфли. Из нагрудного кармана пиджака выглядывал желто-черный платочек, сшитый из того же материала, что и шарф. Я заметил, что Шартелль и Дженаро ревниво приглядывались к нарядам друг друга.

Иль пересекал двор. Обращался к одному альбертийцу, второму, третьему. Тот, с кем разговаривал Иль, приподнимался на руках, обратив к нему лицо, словно к солнцу. Ко лбу каждого Иль прикладывал шиллинг. Монеты прилипали к вспотевшей коже. Затем благодетельствованный вновь прикивал к бетону. Доктор Диокаду следовал за Илем, все с той же нервной улыбкой.

Иль подошел к Уильяму, что-то сказал. Наш водитель приподнялся на руках, посмотрел на всемогущего, ответил. Иль вдавил шиллинг в лоб Уильяма и взглянул на нас. Он был невысок ростом, с круглой головой, в белоснежной, расшитой золотом ordana. Канотье с пером скрывало редующие волосы. Он улыбнулся, продемонстрировал великолепные зубы. Не отрывая от нас глаз, что-то сказал доктору Диокаду, кивнул поклонившемуся Дженаро. Проходя мимо Шартелля, бросил взгляд направо, налево... и подмигнул. Затем направился к дому и исчез в дверях. Доктор Диокаду и свита не отставали от него ни на шаг.

— Прошу меня извинить, но я не успел вас встретить, — подал голос Дженаро. — Меня задержал Лидер. Он хотел, чтобы мы поговорили до прихода Иля или после его отъезда. Теперь остается только второй вариант. Церемониал встречи занимает немало времени, так что не выпить ли нам пива?

— Показывайте дорогу, мистер Дженаро, — согласился Шартелль.

— Для вас просто Джимми. Я окончил университет Огайо.

Шартелль улыбнулся.

— Я заметил, что вы говорите, как уроженец этого штата.

— Получил диплом организатора производства и научился играть в гольф, поверьте мне или нет.

— Мы вам верим.

— Я лишь хочу оттенить свои достоинства.

— Они впечатляющи, — поддакнул я.

— Лидер держит пиво среди банок лимонного сока, — продолжил Дженаро. — Думаю, мы можем рассчитывать на три бутылки.

По наружной лестнице мы поднялись на балкон и прошли в комнату, очень похожую на кабинет.

— Кабинет Лидера, — пояснил Дженаро, доставая из холодильника три бутылки пива. Открыл их, подал нам и знаком предложил садиться. Сам он примостился на краешке стола.

— Я видел Даунера пару дней назад. Он говорил, что ждет вашего приезда.

— Мы прилетели вчера утром, — ответил я.

— Без приключений?

— Как видите.

— Вы казначей партии, так? — спросил Шартелль.

— Совершенно верно. Добытчик денег, — Дженаро поставил бутылку на стол, прошелся по комнате. — Мы трое должны войти в федеральный парламент. Лидер — я, потому что у меня самый надежный округ в стране, и Диокаду. Вы с ним уже познакомились. Наш теоретик. Очень умен.

— Вы знаете какой-нибудь пост в провинциальном правительстве?

— Министр информации.

— Это нам пригодится, — кивнул я.

Шартелль вытянул ноги и выпил пива прямо из горлышка: Дженаро не предложил нам стаканы.

— У вас красивый костюм, — заметил Дженаро.

— Ткань я специально заказывал на одной маленькой фабрике в Алабаме. Если хотите, могу достать вам несколько ярдов. Дженаро подошел и пощупал лацкан пиджака Шартелля.

— Правда?

— Я свяжусь с Даффи, и он пришлет материал сюда, — вставил я.

— Лучше доставьте его в Лондон. Я шью костюмы там.

— Как представляется вам политическая ситуация, Джимми? — спросил Шартелль. Дженаро нахмурился.

— Приятного мало. У нас есть деньги, но нет голосов.

Шартелль кивнул.

— Вы не пытались провести опрос избирателей?

— Этим я занимался сам. Настоящий опрос нам не под силу. Нет специалистов. Кроме того, люди говорят у нас чуть ли не на ста диалектах. Мы можем провести выборочный опрос, на базаре или на шоссе, но это мало что даст. Далее, на западе и на востоке сильны племенные отношения. А на севере мусульмане объединяются под знаменем Аллаха.

— И чем, на ваш взгляд, закончатся выборы?

Дженаро прошел за стол, сел на вращающийся стул, положил ноги на полированную поверхность стола.

— Не знаю. Если мы что-нибудь не придумаем, боюсь, что Лидеру, мне и Диокаду уготована роль верной оппозиции. Я могу до пенни подсчитать наши наличные средства и сказать, сколько стоит каждый из политиков. Я знаю их всех, потому что играю в политику с шестнадцати лет. И в штаты я попал только потому, что они очень хотели избавиться от меня. А вернувшись, я заработал кругленькую сумму на импорте и познакомился с деловыми людьми. Должен признать, они у нас точно такие же, как и в любой другой стране.

— Я часто бываю в глубинке. Еду на «ягуаре» в какую-нибудь государственную усадьбу, оставляю там машину, переодеваюсь, сажусь на велосипед и объезжаю окрестные деревни. Разговариваю с крестьянами. В лицо меня никто не знает, и языки мне даются легко, тем более диалекты. Я говорю с ними, они — со мной. Я выясняю, что им мешает жить, затем возвращаюсь в Убондо и пытаюсь им помочь, но так, чтобы они знали, что позаботился о них Лидер. Иногда мне кажется, что именно этим должны заниматься министры, а не разъезжать в «мерседесах».

— На этом спотыкаются и многие политики, — кивнул Шартелль. — Скажите мне, Джимми, вы хорошо знаете руководство профсоюзов?

— Пожалуй, что да.

— И их позиция?

Дженаро пожал плечами.

— Трудно сказать. Зависит от того, к кому они прислушиваются.

— Кто у них главный?

— Генеральный секретарь конгресса тред-юнионов.

— Что-то вроде нашего АФТ-КПП⁷.

— Примерно, но с тем отличием, что генеральный секретарь не должен переизбираться каждые два или четыре года. Его должность пожизненная.

— Честный человек?

Дженаро посмотрел в потолок.

— В определенном смысле. У нас были общие дела. Он не против того, чтобы получить прибыль, хотя в его речах это слово звучит как ругательство.

— Власть действительно принадлежит ему?

— Несомненно.

— С ним можно договориться?

— За деньги? Деньги ему не нужны.

— Но что-то нужно?

Дженаро поднялся из-за стола, отошел к окну.

— Ему нужны письменные гарантии.

— Какие у него отношения с вождем?

— Нормальные. Не слишком теплые. Но и не холодные. Они знают о существовании друг друга.

— У меня появилась идея. Она может сослужить неплохую службу.

— Обговорите ее с Лидером.

— Видите ли, Джимми, вождь, как мне кажется, благородный человек, и, возможно, ему захочется участвовать в том, что я имею в виду. Мне нужен эмиссар для переговоров с профсоюзами. Не публичных, естественно. Главное, чтобы он сказал решающее слово в самый ответственный момент.

Дженаро вновь уселся на краешек стола.

— В университете Огайо учились парни с юга, которые говорили, как вы. Они говорили и говорили, а потом выяснилось, что я проигрываю в покер уже пятьдесят зелененьких.⁸ Не в обиду будет сказано. Подождите, пока вы встретитесь с альбертийцами. У нас любят ходить кругами, прежде чем перейти к сути. Начинают с гипербол, затем в ход идут поговорки, наконец, метафоры. А уж потом, если вам повезет, кто-нибудь заговорит о деле.

Шартелль сбросил крупицу золы с лацкана пиджака.

— Это мое южное воспитание, сэр. Мы придаем большое значение вежливой беседе.

Дженаро ухмыльнулся.

— Ерунда. Вы хотите, чтобы я договорился с профсоюзами, так?

— Похожие мысли приходили мне в голову. Но я могу найти вам и другую роль в этой предвыборной кампании.

Дженаро вновь прошелся по комнате.

— Клинт, мы можем поладить.

⁷ АФТ-КПП — Американская федерация труда и конгресс производственных союзов.

⁸ Зелененькие — доллары.

— Я в этом не сомневаюсь. Нисколько не сомневаюсь.

В дверь заглянул альбертиец в белом пиджаке.

— Время ленча, са.

— Сейчас вы встретитесь со всей братией, включая Иля. У него не только голоса, но и деньги. Кроме того, он традиционный правитель.

— Я думаю, он мне подмигнул, — заметил Шартелль.

— Старик — своеобразная личность. Он сохраняет этот ритуал, потому что людям это нравится.

— Еще бы! — воскликнул Шартелль. — Прыгающий колдун с моделью эсминца на голове. Распростертые на земле тела. Старик с золотым посохом, восхваляющий Иля. Здоровенный горн, барабаны и, наконец, сам Иль, в соломенной шляпе, восседающий в лимузине, сработанном в 1939 году. Кстати, такой же был у моего папаши. А как он припечатывал монеты к потным лбам! Я не пропустил бы этого зрелища ни за какие коврижки.

— У Шартелля весьма оригинальное представление об Африке, — пояснил я Дженаро.

— Тарзан и Тимбукту?

— Что-то в этом роде.

Дженаро улыбнулся и повернулся к Шартеллю.

— Держитесь со мной, старина. Не пропадете.

Глава 12

Мы познакомились со всеми, от министра внутренних дел до административного помощника премьера. В большом зале с длинным столом их собралось не меньше сорока, все в ярких праздничных одеждах. Только негры, кроме нас с Шартеллем.

Вождь Акомоло тепло приветствовал нас.

— Когда все закончится, я надеюсь, что мы посидим вместе. Вы сможете задержаться? — Мы заверили вождя, что никуда не спешим. Он попросил Джимми Дженаро во всем содействовать нам.

— Стойте на месте, — посоветовал тот. — Они разойдутся до того, как мы сядем за стол.

Каждый из присутствующих прошествовал в дальний конец зала, где на небольшом возвышении, на троне, напоминающем рог какого-то животного, сидел Иль. Подойдя к возвышению, они распластывались на полу, бормотали несколько слов и отходили. Иль пил апельсиновый сок с мякотью и улыбался. Судя по всему, он скучал.

Затем они направлялись к вождю Акомоло, пожимали тому руку, приветствовали и переходили к столику для напитков. Несколько стюардов сновали в толпе с подносами, уставленными бутылками шотландского виски, и раздавали их всем, кто протягивал руку. Я заметил, как кое-кто из гостей засовывал бутылки в складки одежды.

— Хотите выпить? — спросил Дженаро.

— Шотландское с водой, если нетрудно, — попросил Шартелль.

Его выбор полностью совпал с моим. Дженаро остановил проходящего официанта и попросил принести три шотландского с водой. Тот приволок три бутылки виски и три стакана воды. Дженаро вздохнул, поставил две бутылки на комод, открыл третью и разлил виски по стаканам.

— Для непьющего человека Лидер ежемесячно расходует на спиртное невероятные суммы, — заметил он. — Но именно этого от него и ждут — подношений, чаевых, взятки. Они оскорбятся, ничего не получив.

Сначала нам представили министра сельского хозяйства, затем — министра общественных работ. За министром транспорта последовал министр торговли и коммерции, которого сменили министр внутренних дел и министр здравоохранения. У каждого из них находилась колкая шпилька для Дженаро и теплое слово приветствия для нас с Шартеллем. В их вежливости чувствовалась некоторая робость, а может, и подозрительность. Затем они отходили, чтобы поговорить между собой.

— Некоторые руководят своими министерствами, некоторые — нет, — пояснил Дженаро. — Все мы, даже я, зависим от постоянных секретарей. Эти посты, за редким исключением, занимают англичане. Они чертовски хорошо знают свое дело, но должны уехать после того, как мы обретем независимость. Кто-то уедет сразу, другие — через пару месяцев, пока будет идти альбертизация государственного аппарата.

Нам представили и менее важных вождей и чиновников. Шартелль лучился доброжелательностью. Я вежливо улыбался. Были тут и прихлебатели, и лизоблюды, и «шестерки», роящиеся вокруг любого политического лидера и иногда, что самое удивительное, оказывающиеся весьма полезными. В Штатах, естественно, они слонялись бы у здания окружного суда.

— Что произойдет после ухода англичан? — спросил Шартелль.

— Они готовят себе замену и готовят с душой. Разумеется, англичане получают компенсацию.

— Как это? — спросил я.

— Им выплатят компенсационные суммы за то, что их карьера будет прервана, — Дженаро представил нам еще двух альбертийцев. — К примеру, вы — умный молодой человек двадцати одного или двадцати двух лет, демобилизовавшийся из армии после окончания Второй мировой войны, вы успели получить образование и желаете поехать в Альбертию, чтобы поступить там на службу. Вас оставляют в министерстве на очень низкой должности или отправляют в отдаленный район, где вы оседаете, как вам кажется, навсегда. Но вы продвигаетесь по ступенькам карьеры и к тридцати пяти или тридцати шести годам становитесь уже заместителем постоянного секретаря, но тут вам заявляют, что дальнейший путь закрыт. А может, вам сорок или сорок пять, или даже пятьдесят, во всяком случае до пенсии еще далеко. Так что же вам делать, возвращаться в Лондон и регистрироваться на бирже труда?

— Малоприятная перспектива, — согласился я.

— Именно так. Поэтому мы решили этот вопрос любовно. Они уезжают отсюда и в зависимости от срока службы получают компенсацию. Если человек проработал здесь пятнадцать лет, ему причитаются три тысячи фунтов. Кроме того, до конца жизни он будет получать тысячу фунтов в год.

— Вы очень хотите, чтобы они ушли, так? — спросил Шартелль.

Дженаро кивнул.

— Очень. Естественно, они могут брать деньги прямо сейчас и сразу же выкатываться отсюда, что многие и делают. Но большинство тянет до последнего. Странно, я не могу представить себе американца, остающегося в чужой стране в аналогичной ситуации.

— Стоит нам только заподозрить, что нас не любят, как мы садимся в самолет и улетаем, — кивнул я.

Дженаро представил нас старику, который нахмурился, обругал его на местном диалекте и поспешил к Илю.

— И кто только его пригласил, — вздохнул Дженаро. — Возможно, Лидер.

Тут в зал вошел высокий, широкоплечий альбертиец, с которым мы познакомились в конторе Даффи при встрече с вождем Акомоло. В Лондоне он носил костюм. В Альбертии сменил его на национальный наряд. Он прямиком направился к Илю, круглое лицо которого расплылось в широкой улыбке, опустился перед ним на колени. Мое романтическое воображение подсказало мне, что точно так же удачливый Роланд приветствовал своего повелителя.

Обменявшись несколькими словами с Илем, здоровяк двинулся к Акомоло. То же выражение искренней радости появилось и на лице вождя, когда они пожали друг другу руки. Он указал на нас, и мужчина в белой ordana повернулся в нашу сторону.

— Если вы забыли, его зовут Декко, — напомнил мне Шартелль.

— Вождь Декко, — поправил его Дженаро.

— Мистер Шартелль, как приятно вновь свидеться с вами, — они обменялись крепким рукопожатием.

— И я с нетерпением ждал нашей новой встречи, вождь Декко.

— Правда? — удивился тот. — А почему?

Такой вопрос многих выбивает из колеи. Меня например. Даже Даффи. Но не Шартелля.

— Потому что я хотел, чтобы мы лучше узнали друг друга, а в Лондоне нам не дали толком поговорить.

— Это точно. Почему бы нам не сесть рядом за столом?

— Я был бы рад, сэр, — ответил Шартелль.

— И мистер Апшоу составит нам компанию, так? — Он протянул руку, и я ее пожал.

— Добрый день, вождь Декко.

— Привет, Джимми, — кивнул он Дженаро. — Я очень сердит на тебя.

— Почему?

— Ты обещал научить меня играть в гольф, еще в прошлом месяце. Но не позвонил, не заехал.

— Вы были в Лондоне.

— Неделю, но не месяц. Обещания надо выполнять.

— Я позвоню завтра.

— В какое время?

— В девять... нет, в половине десятого.

— Только не забудь, Джимми. Рад видеть вас, господа. Я с нетерпением ждал этой встречи. Сейчас мне нужно поздороваться с остальными, но, мистер Шартелль, вы и мистер Апшоу должны сесть за стол рядом со мной.

— Благодарим, — улыбнулся Шартелль.

— Так я не прощаюсь.

Мы наблюдали, как он кружит по залу, на голову выше большинства присутствующих, на сотню фунтов тяжелее многих. Широкоплечий, мускулистый, с мягкой походкой пантеры.

Дженаро покачал головой.

— Да, настоящий мужчина.

Шартелль кивнул.

— У него потрясающая улыбка. Политики мечтают о такой улыбке.

— Вы правы. Когда Лидер уедет в столицу, Декко станет премьером Западной провинции.

— Он слишком молод, — усомнился я.

— Тридцать один год. У него есть все необходимое: ум, внешность, способности, обходительность.

— Он наверняка находит контакт с простым людом, — заметил Шартелль. — Это сразу видно.

— Находит, находит, — подтвердил Дженаро. — Помнит все имена, все лица. Взять хотя бы гольф. Он как-то упомянул, что ему нужно больше двигаться, и я предложил научить его играть в гольф. Когда-нибудь. Но он запомнил, и теперь у вас может сложиться впечатление, что я не держу слова.

— Думаю, в политике он пойдет далеко, — промурлыкал Шартелль. — Если, конечно, его не сманит какой-нибудь профессиональный футбольный клуб.

— Американскому футболу он предпочитает обычный, — усмехнулся Дженаро. — Еще он играет в крикет.

Вождь Акомоло прошел во главу длинного стола, где, образуя с ним букву Т, стоял столик поменьше, на пять персон. Акомоло взял нож и постучал им по возвышению, где сидел Иль. Улыбаясь, тот оглядел зал и кивнул. Дженаро схватил меня и Шартелля за руки.

— Это политическая встреча, поэтому Лидер, Декко, Диокаду и я занимаем маленький столик. Вы садитесь друг напротив друга на первые стулья у длинного стола.

Вождь Декко уже показывал Шартеллю его стул. Мы сели. Декко — справа от Акомоло, Диокаду — слева, Дженаро — рядом с Декко.

Затем один из одетых в белое мужчин, что шли перед Илем, с орехами кола на подносах, принес столик и установил его перед тронем. Второй поставил на столик тарелку, как мне показалось, с вареным цыпленком и рисом. Старик с золотым посохом приблизился к трону, достал замызганную ложку, зачерпнул еды, пожевал, проглотил и трижды стукнул посохом об пол. Нам разрешили приступить к трапезе.

В свое время мне приходилось есть в армейских столовых с обезьянами, которые ели масло с лезвия ножа. Я делил краюху хлеба с бродягами и пьяницами Харбор Лайтс и Ласт Хоуп Хевен. И не испытывал ничего особенного. Я не привередлив. Но обед у вождя Акомоло стал для меня незабываемым событием.

Официанты внесли главное блюдо — по цыпленку, сваренному или зажаренному, для каждого гостя. На столе лежали ножи и вилки, но их не замечали. Жаркое перекладывали на тарелки прямо руками. Я последовал примеру соседей и огляделся в поисках салфеток. Их не было. Пришлось вытереть руки о скатерть. Я попробовал жаркое, пальмовую водку, французское вино. Пили прямо из горла и передавали бутылку соседу. Обглоданные кости бросали за спину, совсем как Чарльз Лаутон в «Личной жизни Генри VIII».

Из рук в руки передавались блюда с сардинами. Я обглодал ножку цыпленка и бросил кость через плечо. Никто не покачал головой. Никто не возражал. Я проглотил еще кусочек жаркого — не знаю, чего в нем было больше, мяса или перца — и тут же потянулся за бутылкой «мозельского». Вино было теплым, но загасило пожар во рту.

Шартелль уплетал жаркое за обе щеки. Его лицо блестело от жира. Он вытирал его тыльной стороной ладони, а затем вытирал руки о скатерть. Он подмигнул мне.

Джимми Дженаро это заметил и ухмыльнулся.

Вождь Акомоло сидел за столом, переговариваясь с доктором Диокаду, единственным за столом, кто пользовался ножом и вилкой, и вождем Декко, который ел за троих. Во всяком случае, от трех цыплят он оставил только кости да клювы.

Говорили все одновременно. Шартелль наклонился ко мне.

— Давненько мне не приходилось участвовать в такой трапезе.

— Обычный деловой ленч, — откликнулся Дженаро. — Подождите, пока мы устроим пир, — я кивнул и принялся за вторую ножку.

— Вам нравится наша альбертийская еда? — перекрывая шум, прокричал вождь Декко.

— Очень вкусно, вождь, — Шартелль оторвал кусок мяса с грудки цыпленка, обмакнул в соус, состоящий, как мне показалось, из перца и воды, и отправил его в рот. — И пряностей в самую меру.

— Я подумал, что наша кухня, возможно, слишком острая, — продолжал Декко. — Если...

Отнюдь, сэр. Как раз то, что надо, — но глаза у него наполнились слезами.

А Иль в одиночестве восседал на троне, откусывал от плитки шоколада и запивал его апельсиновым соком. Затем улыбнулся и пару раз зевнул. Тут же все перестали есть. Зевок Иля означал окончание ленча. Он продолжался чуть больше часа. Кое-кто из гостей удовлетворенно рыгнул под одобрительные смешки соседей. Старший официант торопливо унес обертку от шоколада и пустую бутылку из-под сока. Иль встал, кивнул, и процессия двинулась в обратный путь: герольд, возносящий хвалу Илю, барабанщики, задающие ритм, огромный горн, возвещающий ожидающим, что близок миг встречи.

Все словно окаменели, пока процессия покидала зал. Иль смотрел прямо перед собой, лишь подойдя к Акомоло, произнес несколько слов на местном диалекте, указав рукой на меня и Шартелля. Вождь кивнул, но ничего не ответил.

Когда за Илем закрылась дверь, Акомоло наклонился к Шартеллю:

— Иль приглашает вас во дворец в следующую среду. Я думаю, вам следует побывать у него.

— Разумеется, сэр, — ответил Шартелль.

— Хорошо. Вождь Дженаро заедет за вами.

Акомоло встал, постучал бутылкой из-под сока по столу, требуя внимания. Шум стих, стулья отодвинулись, некоторые закурили. Подошло время выступлений в ротарианском клубе после ленча в четверг или ежеквартального заседания вице-президентов, региональных координаторов и центрального аппарата международного профсоюза разнорабочих. Начались речи. Первым взял слово вождь Акомоло. Говорил он степенно, с минимумом жестов. Его взгляд искал лица присутствующих и он обращался непосредственно к ним, для убедительности мягко ударяя кулаком в раскрытую ладонь. Президент профсоюза докладывал о достигнутых успехах, но также намечал новые задачи, которые предстояло решать, определял необходимые пути и средства.

Вторым выступил вождь Декко, исполнительный вице-президент, разрабатывающий долговременную стратегию. Начал он тихим голосом, уставившись в стол. Затем уперся руками в бедра, несколько раз качнулся взад-вперед, глядя над головами сидящих в какую-то далекую точку, источник внешней энергии. Он втягивал в себя эту энергию. Она прогревала его, и голос становился громче, едва не переходя в

крик. Вот тут он завладел вниманием слушателей и играл с ним, как кошка с мышкой. Дразнил голосом, лицом, выражением глаз и одновременно хвалил их. Ближе к концу речи его голос вновь достиг пика, но, не переходя в крик, стих, голова упала, и он, как и в самом начале, уткнулся взглядом в стол. Последняя, едва слышная фраза — и он сел.

Робкие аплодисменты быстро перешли в овацию, одобрительные топот ног и крики. Молодой вождь поник головой, словно сокрушенный верой в только что произнесенные им слова.

Затем поднялся доктор Диокаду, статистик, знаток фактов, и начал читать по бумажке. За столом ерзали на стульях, курили, пили, кашляли. Никто не слушал, да и доктора Диокаду не слишком интересовал его доклад. На вежливые аплодисменты он ответил саркастической улыбкой.

И наконец, пришла очередь Дженаро, специалиста по контактам с общественностью, добытчика денег, организатора встреч и приемов, шустрого молодого человека, который мог пару-тройку хороших анекдотов, пусть и без похабщины. С них он и начал, а они смеялись, хлопали по спинам и подмигивали друг другу. Закончил он еще одной нескромной шуткой и сорвал шквал аплодисментов.

Потом вставал каждый из них, оценивал ситуацию и высказывал соображения о том, как реализация новых идей и предложений скажется в его вотчине. Некоторые бубнили себе под нос, другие говорили ясно и четко, третьи изображали комиков, четвертые слишком смущались.

Совещание затянулось на два часа. Мы с Шартеллем просидели на нем от начала до конца. Не знаю, показалось бы оно нам более интересным, если бы хоть кто-нибудь говорил по-английски.

Глава 13

В кабинете вождя Акомоло нас осталось шестеро. Гости торопливо отбыли, едва закончил говорить последний из выступающих. Я предположил, что они разъехались по домам. Вернуться в конторы они не могли, секретарши не ждали их с подготовленными на подпись документами. Все государственные учреждения закрывались в два часа дня. Много лет тому назад англичане решили, что работать позже слишком жарко, поэтому присутственными стали часы с восьми утра до двух пополудни в обычные дни недели и с восьми до двенадцати по субботам. Никто из альбертийских министров не стал менять заведенного порядка.

Акомоло сел за стол, остальные расположились в глубоких креслах и на кушетках, осоловевшие от жары, обильной пищи и бесконечной болтовни. Альбертийцы сняли тоги, Шартелль, Дженаро и я — пиджаки. Рубашки промокли от пота. Под потолком, поскрипывая, вращались лопасти вентилятора. Еще два стояли на полу. Свисающие с люстры ленты липкой бумаги потемнели от мух.

Вождь Акомоло складывал лежащие перед ним бумаги в аккуратные стопки, затем убирал их в ящики стола, открывая и закрывая их.

— Мы собрались здесь господа, — начал он, продолжая возиться с бумагами, — чтобы обсудить с мистером Шартеллем и мистером Апшоу основную стратегию предвыборной кампании. Должен отметить, слово «основную» я употребил потому, что сегодня мы сможем затронуть лишь важнейшие положения моей программы.

Он перестал открывать и закрывать ящики, снял очки в золотой оправе, протер их

носовым платком. Посмотрел на свет, убедился, что они чистые. Надел вновь.

— Доктор Диокаду, не могли бы вы назвать нашим гостям основополагающие направления нашей программы?

Диокаду сидел рядом с вождем Декко, который, положив могучие руки на колени, не открывал глаз от пола. Диокаду на секунду задумался.

— Безработица, это первое. Цены на сельскохозяйственную продукцию и расширение ее производства, это второе. Образование, третье, и четвертое, медицинское обслуживание. Пятым может стать индустриализация, но едва ли на нее можно делать упор. Никто не возражает против нее.

— Транспорт, — добавил вождь Декко, не поднимая головы. — Альбертийцы — очень мобильный народ, а транспортная система в зачаточном состоянии.

— Транспорт, — согласился Диокаду.

Наступила тишина. Вождь Акомоло внимательно разглядывал поверхность стола. Затем перевел взгляд на потолок, где медленно вращался вентилятор.

— И мир, — молвил он. — Мир между нашими провинциями и разрешение межплеменных конфликтов без применения силы. Также мир во всем мире. Мы должны неустанно твердить об этом.

Декко посмотрел на него и улыбнулся.

— Война на другом конце света не слишком заботит крестьянина, который не может прокормить семью, потому что у него нет работы.

— Мы не можем игнорировать ту ответственность, которая ложится на нас с приходом независимости, — твердо заявил Акомоло. — Мы не можем повернуться к миру спиной и уйти в себя. Нам открыли дверь и пригласили войти. Отказаться мы не в праве.

— Голосов это не принесет, — вставил Джемми Дженаро. — Все выступают за мир.

— Вы действительно думаете, что мы можем содействовать наступлению всеобщего мира? — улыбнулся Декко. — Так ли мы мудры... и сильны? Слабому редко удается утихомирить рыночную драку.

— Тот, кто пренебрегает соседями, не должен жаловаться на одиночество, — возразил Акомоло.

Словесная перепалка только разгоралась, но Шартелль внезапно поднялся, пересек кабинет и прислонился к стене, сложив руки на груди, улыбнулся. Лица присутствующих поневоле повернулись к нему. Я прикинул, сколько раз и в скольких комнатах он проделывал этот трюк.

— Господа, я полагаю, что вы достаточно четко определили внутренние проблемы: безработица, сельское хозяйство, образование, здравоохранение и транспорт. Остается неясной лишь степень участия Альбертии в делах мирового сообщества, — он достал из кармана жилетки длинную черную сигарету, раскурил ее, несколько раз затянулся и продолжал: — Я думаю, что ход предвыборной кампании даст нам ответ на этот вопрос. Если потребуется сделать упор на международные дела, нам это не составит труда. По крайней мере внутри партии по этому поводу разногласий нет, и это главное. Что же касается внутренних аспектов, то у меня создалось впечатление, что один из них вы упустили, — Шартелль выдержал паузу, глубоко затянувшись. — Налоги. Я убедился на своем опыте, что легче всего споткнуться на налогах.

Оживленные дебаты о налогах продолжались минут пятнадцать. Я не следил за дискуссией. Что значило для меня увеличение или уменьшение налогов с мелких

торговцев? Впрочем, я бы только приветствовал налог на прибыль нефтяных компаний. Могли бы они подоить и богачей. Но, к сожалению, именно богачи голосовали за введение того или иного налога, так что едва ли они захотели бы расстаться с лишним центом. И за поездки на сессии ООН, марши мира и обеды в губернаторском дворце после провозглашения независимости пришлось бы расплачиваться фермерам, рабочим, торговцам — словом, простому люду, вроде Оджо, нашего садовника, Оджо не понравилась бы система налогообложения, какой бы она ни была.

Покончив с налогами, они говорили еще с полчаса. Доктор Диокаду более детально изложил все пункты программы. Ему помогали Акомоло и Декко. Изредка бросал реплику Джимми Дженаро. Шартелль и я задавали короткие вопросы. Едва разговор грозил перекинуться на международные темы, Шартелль точной фразой возвращал его в нужное русло. Я восхищался его мастерством. Наконец, Акомоло подвел черту.

— Я решил, что доктор Диокаду и вождь Дженаро будут работать в тесном контакте с вами, мистер Шартелль. На сегодня, пожалуй, все. Я думаю, наша беседа оказалась весьма плодотворной.

— Для нас, несомненно, сэр, — кивнул Шартелль. — День, конечно, выдался трудным, но я, тем не менее, хотел бы пригласить доктора Диокаду и вождя Дженаро к нам домой, чтобы обсудить некоторые детали. До выборов остается только шесть недель, и мы не можем терять ни часа.

— Конечно, — Акомоло повернулся к Диокаду и Дженаро. — Вы свободны? — те кивнули. — Вождь Декко и я с удовольствием присоединились бы к вам, но нам нужно обсудить внутривнутрипартийные дела.

Мы поднялись. Альбертийцы, за исключением Дженаро, облачились в ordana. Остальные надели пиджаки. В кабинете стало еще жарче и пахло, как в раздевалке спортивного зала. Вождь Декко потянулся.

— Мистер Шартелль, завтра я хотел бы увидеться с вами и мистером Апшоу. Это возможно?

— Нас пригласили во дворец губернатора к десяти часам, — ответил Шартелль.

— Тогда в половине двенадцатого. Я подъеду к вам.

У Диокаду и Дженаро были свои машины, поэтому мы договорились встретиться у нас через полчаса. Попрощавшись с вождем Акомоло и Декко, мы вышли во двор, залитый все еще жаркими лучами послеполуденного солнца. Уильям спал за рулем. Шартелль потряс его за плечо.

— Ты можешь отвезти нас домой, Уильям.

— Да, са, — он завел двигатель, и мы выехали из ворот, охраняемых двумя полицейскими. Если государственные учреждения Западной Альбертии и закрывались в два часа дня, то город продолжал жить обычной жизнью. На одном из перекрестков мы простояли пять минут, ожидая, пока пройдет стадо скота.

— Какие длинные рога, — заметил я. — Как у техасских быков.

— Это точно, — согласился Шартелль. — Интересно-интересно, отметят ли погонщики нынешний день в местном салуне? Все-таки они прошагали пятьсот миль, как говорил старина Акомоло. У них, наверное, все горло в песке.

Стадо прошло, и Уильям доставил нас к дому. Едва войдя в дверь, мы скинули пиджаки. Самюэль, повар, и Чарльз, стюард подхватили их и повесили в шкаф.

— Сейчас я принесу чай, маста, — возвестил Самюэль.

— Вы хотите чаю, Пит?

— Я думаю, это обычай.

— Хорошо. Чаю!

В доме было прохладнее. Из дверей, ведущих на веранду, дул ветерок. Под потолком вращался вентилятор. Я обратил внимание, что скорость его вращения можно даже увеличивать. Мы сели, ожидая чай.

— Как вам Дженаро? — спросил Шартелль.

— Похоже, он знает, кто есть кто. Мы этим воспользуемся уже сегодня.

— А Диокаду?

— Он тоже нам подойдет. Все цифры у него в голове или в ворохе бумаг, которые он повсюду таскает с собой. Он настоящий профессор, да?

— Вроде бы так.

— Ну, это мы еще увидим. Я хочу предложить им план, и если они не ухватятся за него, как курица за червяка, мы можем заказывать билеты на следующий самолет.

— Все так плохо?

— Вы же видели эту толпу на ленче.

— Видел и слышал.

— Толку от них никакого. Эти ребята так долго черпали мед из улья, что забыли о существовании пчел. Но Декко — другое дело. Таких людей встречаешь несколько раз в жизни.

— Каких?

— Победителей, — коротко ответил Шартелль.

Самюэль принес поднос с чайными принадлежностями и поставил его на маленький круглый столик.

— Благодарю, — я знаком отослал Самюэля. — Вам один кусок сахара или два?

— Два, — ответил Шартелль. Я положил два куска сахара и передал ему чашку. — Вы любите чай? — спросил он.

— Привык.

— Как вы думаете, мы сможем уговорить старину Самюэля бросить в чай пару кубиков льда? Если уж мы должны пить чай, я бы хотел, чтобы он был со льдом.

— Посмотрим, что мне удастся завтра. Это дело тонкое.

У крыльца взвизгнули тормоза «ягуара». Дженаро, в больших черных очках и легкой клетчатой шапочке с козырьком, выпрыгнул из кабины и взбежал по ступенькам.

— Какая радость, я поспел к чаю.

— Пить его не обязательно.

— Тогда я воздержусь, — он плюхнулся в кресло, снял очки и шапочку, положил их на пол. — Диокаду будет с минуты на минуту. Он заехал в министерство за какими-то бумагами.

До приезда Диокаду мы болтали о пустяках. Он появился с кипой документов, как обычно, спешащий и озабоченный. Принял от меня чашку чая, и едва сел, как Шартелль начал говорить. Почтительное отношение к слушателям исчезло из его голоса. Он планировал предвыборную кампанию, как генерал готовит сражение. Идея принадлежала ему, на нем лежала и ответственность.

— Первое. Сколько выступлений вы наметили для Акомоло? Вы или док.

Возможно, доктора Диокаду впервые назвали доком, но тот и бровью не повел. Из груды бумаг он выудил записную книжку.

— Три в день, с понедельника и до дня выборов.

— Он сможет выступать чаще? — спросил Шартелль. — То есть, можно найти больше слушателей?

— Можно, если только он к ним доберется, — ответил Дженаро.

— Начинайте готовить его выступления на каждом перекрестке и около всех магазинов, независимо от того, сколько будет слушателей, пять или пять тысяч. Как его здоровье? Он сможет выступать двенадцать, пятнадцать раз в день? Речи не будут длинными.

— Он в полном здравии, — подал голос доктор Диокаду. — Он заботится о себе.

— Отлично. Джимми, мне нужны два вертолета. Где нам их взять и побыстрее? Только не рассчитывайте на Лондон.

Дженаро на мгновение задумался. Затем щелкнул пальцами.

— Они есть у нефтяной компании.

— Вы знаете, с кем нужно поговорить?

— Да.

— Доставайте вертолеты. Пообещайте права на добычу нефти на шельфе. Но вертолеты должны быть у нас к понедельнику. Справитесь?

— Я их достану.

— Док, — Шартелль повернулся к Диокаду, — у вас есть цифровые данные по основным пунктам программы? Сельское хозяйство, безработица и так далее?

— У меня все с собой. Я подумал, что вы захотите их обсудить.

— Хотите верьте, док, хотите нет, но наша последняя политическая дискуссия завершилась около часа тому назад. Это ваша политика и ваша страна. Отдайте все материалы Питу, — доктор Диокаду передал мне толстую пачку отпечатанных на машинке листов бумаги. Я их быстренько просмотрел.

— Пит, сколько времени потребуется вам, чтобы написать Речь?

Я вновь пробежался по документам.

— Часа четыре. Может, пять, если будут досаждают мухи.

— Она нужна мне завтра.

— Вы ее получите.

— А как с остальными?

— Я напишу речи по сельскому хозяйству, безработице, здравоохранению и так далее. Всего пять или шесть. Завтра я отпечатаю Речь и, возможно, еще две на отдельные темы. Послезавтра они все будут на вашем столе.

— Вы теряете форму, — заметил Шартелль.

— Это тропики, — заступился за меня Дженаро. — Вытягивают последние соки из белого человека.

— Док, кто будет ответственным за перевод, вы или Джимми?

— Я.

— Хорошо. Как только Пит заканчивает речь и передает нам, ее необходимо перевести и размножить на всех языках и диалектах.

Доктор Диокаду улыбнулся.

— Сделаем. Такие люди у меня есть.

— Договариваясь о выступлениях Акомоло, убедитесь, что вам известен наиболее распространенный диалект местности, где ему предстоит выступать. А когда он будет говорить, позаботьтесь, чтобы рядом был переводчик. Если вождя не поймут, нет смысла сажать вертолет.

— Вы говорили о двух вертолетах, — напомнил Дженаро.

— Мне и нужны два. Один для Акомоло, второй для Декко. Вместе им путешествовать ни к чему. Так что, док, вы должны организовать выступления и для Декко. Возможно, где-то выступят и тот и другой, но в политической кампании от этого только польза.

— Переводчики и копии речей нужны и для Декко?

— Совершенно верно.

Доктор Диокаду встал, извинился, снял через голову верхнее одеяние и положил на стул. Планы Шартелля захватили его. Дженаро сбросил пиджак на пол, рядом с очками и шапочкой. Оба что-то лихорадочно записывали. Шартелль поднялся, заходил по комнате.

— Пит, ты уловил их ритмику?

— Конечно. Придется писать разные речи. Декко уведет их в горы и покажет лежащую далеко внизу плодородную долину. Акомоло объяснит, чего можно добиться трудолюбием, решительностью и временными жертвами. С их выступлений люди будут уходить в хорошем настроении, потому что оба пути, указанные ораторами, приведут их в землю обетованную.

Доктор Диокаду оторвался от бумаги посмотрел на меня.

— Откуда вы знаете, что они говорили? Вы же не понимаете диалекта.

Шартелль остановился перед Диокаду.

— Док, когда вы прослушаете столько же речей, как Пит или я, вы будете понимать смысл сказанного на любом языке. Далее. Нам нужна газета. Еженедельное издание, со следующей недели и до выборов. Много фотографий и карикатур. Политических карикатур, не требующих подписи. На английском языке. У нас нет времени для выпуска газет на диалектах. Джимми?

— У меня есть такой человек. Издавать газету он сможет. Учился в Штатах и работал в «Нью Мексикэн» в Санта Фе.

— Свяжитесь с ним. Хорошо заплатите. Док, как я понимаю, вы вхожи в интеллектуальные круги?

Диокаду кивнул.

— Отлично. Организуйте комитет. «Писатели и художники Альбертии — за Акомоло». Когда он будет создан, я полагаю, в самом начале следующей недели, мы обратимся к ним за статьями, только маленькими, и карикатурами. Джимми, позвоните редактору сегодня же и пусть он подбирает сотрудников. Журналисты у вас найдутся?

— В Альбертии больше журналистов, чем фермеров, — ответил Диокаду.

— Пит. Не знаю, будет ли в этом толк, но мне нужно сообщение для прессы дважды в день: утром и в два пополудни.

— Хорошо. Дайте мне график выступлений Акомоло с указанием речи, которую он должен произнести. Я буду также следить за оппозицией, и если она вырвется вперед, мы всегда сможем осадить ее.

— Ясно. Теперь веера.

— Я уже записал.

— Значки.

— Большие, — добавил я.

— Один парень проиграл выборы из-за того, что у него были маленькие значки, — заметил Шартелль. — Джимми, мне нужны пять миллионов значков к середине следующей недели. Если они у нас будут, вы сможете их распространить?

— Конечно.

— Прекрасно. Мы сегодня же позвоним Даффи.
— Значки? — переспросил доктор Диокаду.
— Большие металлические кружки с броской фразой, — пояснил Дженаро. — К примеру, «Я за Ако».
— Так и запишем, Пит?
— Я не возражаю, хотя что-то такое уже было, но на другом материке.
— Та же подпись и на веерах?
— Естественно.
— Джимми, мы сможем изготовить в Альбертии веера с надписью «Я за Ако». Вот о чем я думаю. Разместив заказы в небольших мастерских по всей стране, мы практически купим голоса.
Дженаро писал не отрываясь.
— Я знаю парня... — начал он.
— Свяжитесь с ним. Организуйте это дело. И возьмите на себя распространение готовой продукции, — Шартелль продолжал мерять комнату шагами. — Барабаны. Мне нужны барабаны.
— Говорящие барабаны? — спросил Дженаро.
— А как они говорят? Они смогут передать простую фразу? Вроде «Я за Ако».
Доктор Диокаду встал и подошел к круглому столику. Ладонями он отбил несколько тактов.
— Это «Я за Ако». Что-нибудь еще?
— Берегитесь или остерегайтесь дьявола с неба. Может, злого духа с неба. Или колдовских чар.
— Остерегайтесь колдовских чар с неба, — решил Диокаду. — Получится вот так, — вновь он отбил ритм.
— Как далеко их слышно? — поинтересовался Шартелль.
Диокаду пожал плечами.
— На милю, не больше.
— Люди их понимают?
— Не все, но они найдут, у кого спросить. Из любопытства.
— Вы можете их купить?
— Барабаны?
— Барабанщиков?
— А! — широкая улыбка осветила лицо Диокаду. — Я понял. Да, — он посмотрел на Дженаро. — Как по-твоему?
— Это несложно. Барабанщиков мы найдем.
— Каждый вечер они должны передавать короткую фразу, — продолжал Шартелль. — Иногда что-то загадочное, иногда просто «Я за Ако», но барабаны должны говорить каждый день.
— Мы с Диокаду возьмем это на себя. Я только не знаю, как далеко удастся продвинуться на север.
— Думаю, что далеко, — ответил Диокаду. — В последние годы они получили более широкое распространение.
— Займитесь этим, — Шартелль сел, вытянув длинные ноги. Откинул голову назад, крикнул: — Самюэль!
— Са! — донеслось в ответ, и в гостиную влетел Самюэль.
— Нам пора что-нибудь выпить, Самюэль.

Тот унес чайный поднос и вскоре вернулся с другим, уставленным бутылками шотландского, джина, тоника и содовой, бокалами и ведерком со льдом. Сначала он обслужил гостей, Шартелля — в последнюю очередь. Этикет соблюдался неукоснительно.

— Джимми, — обратился Шартелль к Дженаро, — мне нужны еще три телефона, столы в пустой комнате, пара картотечных шкафов, в крайнем случае сойдет один, стулья и пишущая машинка. Копировальная техника есть в штаб-квартире партии, так?

Дженаро поставил бокал и склонился над записной книжкой. Затем заверил Шартелля, что в штаб-квартире есть все необходимое.

— Я понимаю, что задал вам много работы, — Шартелль отпил из бокала. — Мы сделаем все, что в наших силах, но вы знаете страну и людей. Я хочу, чтобы мы связывались друг с другом по несколько раз в день. Не вижу смысла назначать регулярные встречи — возможно, нам будет нечего сказать друг другу и мы только потеряем время. Но я могу позвонить и днем и ночью. Того же жду и от вас.

Доктор Диокаду рассмеялся.

— Я смеюсь над собой, — пояснил он. — Я ожидал довольно длительной и весьма интересной дискуссии о достоинствах и недостатках отдельных пунктов нашей программы. Как специалист в области политики должен признать, что сегодняшняя наша беседа еще более интересна и познавательна.

— Док, мы только начинаем. Это наша профессия. То, ради чего нас пригласили сюда. Обычная политическая практика. Реклама кандидата. А скоро мы перейдем к еще более захватывающему этапу.

— Какому же? — спросил Дженаро.

— Мы начнем планировать предвыборную кампанию для оппозиции, — мечтательно ответил Шартелль. — Одним выстрелом убьем двух зайцев.

Глава 14

В тот вечер Шартелль не стал вникать в подробности, пояснив, что ему нужно «еще кое в чем разобраться». Диокаду и Дженаро уехали, первый то и дело поглядывал на список неотложных дел, намеченный на вечер и завтрашний день. Дженаро ничем не проявлял озабоченности.

— Хорошие ребята, — Шартелль проводил взглядом отъезжающие машины. — Они ухватили суть.

— Речь я напишу завтра.

— Времени хватит, Пити. Сегодня мы и так переработали.

— Но отдохнуть нам, похоже, не удастся, — заметил я. — К нам гости.

Среднего роста мужчина, в белой рубашке, белых шортах и носках, в черных полуботинках повернул на подъездную дорожку и неторопливо подошел к нашему дому. В руке он держал тросточку из черного дерева, которой отбрасывал камешки, выступающие над слоем гравия. Шартелль и я вышли на крыльцо.

Он оценивающе оглядел нас, щурясь на солнце. Глазами цвета холодной зелени.

— Добрый вечер, — поздоровался он.

— Добрый вечер, — ответил Шартелль.

— Я ваш сосед. Живу сразу за поворотом. Подумал, что надо бы познакомиться. Даунер предупреждал о вашем приезде.

— Я — Клинт Шартелль, а это Пит Апшоу.

— Джон Читвуд.

— Позвольте пригласить вас в дом, мистер Читвуд.

— Премного благодарен.

Сев на стул в гостиной, он положил трость на голые колени. Лет сорока пяти, подтянутый, с волевым лицом, судя по всему, много повидавший.

— Мистер Апшоу и я как раз собирались что-нибудь выпить, мистер Читвуд. Я надеюсь, вы составите нам компанию.

— С удовольствием.

Шартелль позвал стюарда, и после того, как каждый из нас получил запотевший бокал, мы откинулись на спинки, ожидая, что наш сосед начнет светскую беседу, ради которой он, собственно, и пришел.

— Ваша первая поездка в Африку? — спросил он.

— Совершенно верно.

— Даунер говорил, что вы будете вести предвыборную кампанию Акомоло.

— Мы всего лишь советники.

Читвуд отпил из бокала.

— У нас прибавилось забот.

— Почему?

— Много суеты. Выборы, похоже, расшевелили людей, и кое-где эмоции вышли из-под контроля. Но я думаю, что мы не допустим эксцессов.

— Кто это мы? — спросил я.

— Простите, пожалуйста, — Читвуд виновато улыбнулся. — Упустил из виду. Я капитан, начальник полиции Западной Альбертии.

Шартелль с интересом оглядел нашего гостя.

— Выборы будут проходить под вашим контролем, капитан?

— Не совсем так. Наша работа будет состоять в том, чтобы собрать урны для голосования, убедиться, что пломбы не повреждены, и перевезти в безопасное место для подсчета голосов. Место мы держим в секрете. В избирательные участки допускаются представители заинтересованных сторон.

— Вы ожидаете беспорядков?

Читвуд кивнул.

— И немалых. Выборы здесь всегда вызывали волнения. Местный люд вспыхивает, как порох. А тут еще хулиганы.

— Хулиганы?

— Именно. У каждой партии есть банды наемных громил. Избивают оппозицию, срывают собрания, запугивают избирателей. Иногда нам приходится разбить пару-тройку носов, а кое-кого посадить за решетку. Такие банды есть и у партии вождя Акомоло. Я думаю, они становятся неотъемлемой частью предвыборной кампании. Традиции, наверное.

— Как же вы с ними справляетесь? — спросил я.

Читвуд улыбнулся. Профессионал, он любил говорить о своих делах.

— У нас организованы летучие отряды. Мы непрерывно поддерживаем с ними связь по радио. Они прошли специальную подготовку. Оснащены индивидуальными щитами и крепкими дубинками. Знают, как разогнать толпу. Я думаю, что с десятков таких отрядов могут подавить любой бунт. Попасть в отряд непросто. Там нет никого ниже шести футов ростом. И работа им по душе.

— Где вы ожидаете самых серьезных беспорядков? — осведомился Шартелль.

— Здесь, в Убондо, это самая взрывоопасная точка. Еще в Барканду, но столица вне моей юрисдикции. Отдельные вспышки могут возникнуть в небольших городках. Впрочем, беспокоиться не о чем. Мы справимся.

— Каким представляется вам исход выборов, мистер Читвуд?

Прежде чем ответить, он вновь поднес бокал ко рту.

— Этот же вопрос задавал мне и Даунер. Я — полицейский, а не политик, но должен сказать, господа, что вы лишь выполняете порученное вам задание.

— То есть делаем то, что нам говорят.

Читвуд поставил бокал на стол.

— Я здесь уже пятнадцать лет. Приехал из Ганы, а до этого служил в Восточной Африке. Начал в Палестине во время того конфликта, совсем мальчишкой. Побывал в нескольких странах, получающих независимость. И каждый раз этот процесс сопровождался насилием. Свою задачу я вижу не в том, чтобы предотвратить насилие, это невозможно, но свести его к минимуму. Если нам это удастся, значит мы честно выполнили свой долг.

— Вы вот заметили, что мы лишь выполняем порученное нам задание. Наверное, вы можете что-то добавить?

— Да. Полицейскому приходится быть в курсе слухов. Если верить самому свежему, Акомоло черпает деньги из казны провинции, чтобы купить выборы, и в этом ему помогает ваше ЦРУ. Об этом говорят в университете. Да и прочие слухи на том же уровне.

— Но это ложь, — бросил Шартелль.

Читвуд кивнул.

— Разумеется. Во-первых, если бы сторонники премьера захотели воспользоваться казенными деньгами, они не стали бы получать их через министерство финансов. Слишком много чеков. Они действовали бы через корпорацию регионального развития: основали бы собственную компанию, дали бы ей контракт на возведение школы или больницы, вдвое завысив затраты. Для интеллектуальных снобов в университете денежные отношения — еще темный лес.

— А Национальная прогрессивная партия в них разбирается?

Читвуд улыбнулся.

— Я уверен, что альбертийские политики давным-давно овладели всеми способами добывания денег. Но это не моя епархия. У меня другие заботы.

— Какие же? — Шартелль поднялся, подошел к столу, взял бокал Читвуда.

— Побольше виски, пожалуйста, — он подождал, пока Шартелль не принес ему полный бокал. — Видите ли, я не люблю сюрпризов. Сюрпризы хороши на рождество или на день рождения, но для полицейского они просто беда, — он пригубил виски. — Для политика тоже, смею заметить.

— Случается, они весьма нежелательны.

— Боюсь, я не очень силен в пустопорожней беседе.

— Капитан Читвуд, как я понял, вы пришли с каким-то предложением. Я тоже не люблю говорить попусту, так что, если вы действительно хотите что-то нам предложить, мы готовы вас выслушать.

Читвуд поставил бокал на стол, наклонился вперед.

— Мистер Шартелль, как я понял со слов вашего коллеги, мистера Даунера, ваша работа состоит в том, чтобы внести в предвыборную кампанию некоторые новшества.

Он не знал, в чем они будут состоять, хотя прикидывался, будто в курсе всех ваших замыслов. Должен отметить, он слишком много говорил. Меня не волнует стратегия вашей кампании. Но если уж она будет с новшествами, я бы очень хотел знать о них, хотя бы в общих чертах. Уверяю вас, что сказанное здесь останется между нами. Я не намерен в чем-либо ограничивать вас. Но если ваши действия могут спровоцировать беспорядки, я хотел бы знать об этом заранее, чтобы подготовить моих людей.

— Мы не революционеры, капитан, — вмешался я.

Он покачал головой.

— Я не собираюсь читать лекцию о характере альбертийцев, мистер Апшоу. Хотя мне кажется, что после пятнадцати лет, проведенных в этой стране, я начал понимать ее жителей. Поверите вы мне или нет, но они мне нравятся. И я хочу, чтобы ближайшие шесть недель прошли относительно спокойно. Повторю, что ни полицейские, ни политики не в восторге от сюрпризов. Если вы согласитесь наперед информировать меня о ваших планах, я, в свою очередь, готов сообщить вам о том, что мы слышим. А слышим мы немало.

— Только один вопрос, капитан. Вы обращались с подобным предложением и к двум другим кандидатам?

— Нет, мистер Шартелль. Нет. Мне платит жалованье правительство Западной Альбертии, и меня волнуют дела только этого региона. Едва ли я задержусь здесь после провозглашения независимости, но я намерен уехать с незапятнанной репутацией. Если это звучит несколько старомодно, простите меня. Я всего лишь полицейский.

Шартелль кивнул.

— Вот что я вам скажу. Мы будем сообщать, что мы собираемся делать и где. Вы будете информировать нас о местных настроениях. И мы будем уважать доверие друг друга. Так как вы — гость, позвольте мне начать.

В пять минут Шартелль изложил Читвуду наши соображения насчет вертолетов, значков, барабанов, газеты, выступлений Акомоло и Декко. О планировании предвыборной кампании наших соперников он не упомянул.

Читвуд слушал внимательно, не отрывая взгляда от лица Шартелля, не шевелясь.

— Теперь, когда вам открыты семейные тайны, капитан, возможно, и вы поделитесь с нами сведениями, которые сочтете полезными для нас.

Читвуд откинулся на спинку, положил ногу на ногу. Поднял черную трость и начал ее разглядывать.

— Армия. У меня есть несколько осведомителей среди солдат, но ни одного среди офицеров. Раньше были, но только белые. Последний белый офицер отправлен в отставку семь недель тому назад. Весьма неожиданно для многих. Не упускайте этого из виду, мистер Шартелль.

— Вы говорите о военном перевороте?

— Не обязательно. Армия приобрела немалый политический вес благодаря тому, что стала первой государственной организацией, в которой не осталось белых. Она может стать на сторону победителя, а может поддержать того, кто в противном случае неизбежно потерпит поражение. Тому, разумеется, придется заплатить высокую цену.

— Интересно, — протянул Шартелль.

— Еще бы. Как только я узнаю что-нибудь определенное, я обязательно свяжусь с вами, — Читвуд поднялся, встали и мы с Шартеллем. — Между прочим, вам ничего не известно об участии ЦРУ в этой кампании?

— Они не доверяют нам своих секретов, — ответил Шартелль.

— Наверное нет. Но очень уж упорные эти слухи. Придется навести справки в восточной и северной провинциях.

Шартелль улыбнулся.

— Мне еще не приходилось вести предвыборную кампанию рука об руку с полицией. Это весьма любопытно.

Читвуд дошел до двери, обернулся, оперся на трость.

— Знаете, о чем я сейчас подумал?

— О чем же?

— Я — последний белый в полиции и армии.

— Вы полагаете, что задержитесь тут надолго?

— Не слишком, но, как я уже сказал, моя репутация должна остаться чистой.

— Незапятнанной, — поправил его Шартелль.

Читвуд добродушно хохотнул.

— Я уникальный человек, знаете ли.

— В каком смысле?

— Я — последний белый в Альбертии, который может застрелить альбертийца по долгу службы, — он вновь хохотнул, но довольно невесело. — Мой бог, кто мог предположить, что все так закончится.

Глава 15

Я заехал за Анной Кидд в половине девятого вечера, дав Уильяму взятку в пять шиллингов, чтобы тот отвез меня к ней. Она жила неподалеку от школы, где вела занятия с двумя другими девушками из Корпуса мира. Мебель была самая обыкновенная, но они оживили квартиру статуэтками, масками, ковриками ручной работы, чеканкой.

Она чмокнула меня в щечку в присутствии соседок. Одна приехала из Лос-Анджелеса, другая — из Беркли. Хохотушка из Беркли мне понравилась, я подумал, что познакомлю ее с Шартеллем, если тот вдруг вспомнит о существовании женщин. Вторая дама, из Лос-Анджелеса, наоборот, слегка надулась из-за того, что у Анны появился кавалер.

Я помог Анне сесть на заднее сиденье.

— Уильям, это мисс Кидд.

— Привет, Уильям.

— Мадам, — Уильям широко улыбнулся и с уважением взглянул на меня. Один день в городе — и уже нашел себе подругу. Ранее он явно недооценивал меня и теперь признавал свою ошибку.

— Куда мы едем, маста? — спросил Уильям.

Я повернулся к Анне.

— Есть ли в Убондо хороший, тихий бар с кондиционером?

— Конечно. В здании «Какао Маркетинг Боард». Температура там не поднимается выше двадцати градусов.

— Отлично. Поехали, Уильям.

Я держал ее за руку, пока Уильям вез нас по плохо освещенным улицам. Мелкие торговцы еще не оставили надежду сбыть свой товар, и их ларьки освещали газовые фонари, отбрасывающие желто-оранжевые блики.

— Как твои зубы? — спросил я.

— Прекрасно. Дантист просто снял камень. Смотри, — она улыбнулась. Зубы у нее были белые и очень ровные.

— Ты много о них думаешь?

— Не столько, как о тебе. Мне нравится думать о тебе.

Я поцеловал ее на заднем сиденье «хамбера», петляющего по улицам Убондо. Уильям смотрел прямо перед собой.

Оставив Уильяма и машину на стоянке, мы на лифте поднялись на третий этаж. Заведение называлось «Южная Сахара», и управлял им ливанский гангстер. Состояло оно из бара и ресторана. Кондиционер обеспечивал относительную прохладу. Мы расположились в баре.

— Ты часто бываешь здесь? — спросил я Анну.

— Я не могу этого позволить на восемьдесят два доллара пятьдесят центов, которые получаю каждый месяц. Не забывай, что я живу на эти деньги плюс мой запас обязанностей и преданности идее.

— Тогда плачу я.

Мы заказали джин с тоником. Анна чуть дрожала в легком элегантном белом платье с темно-синим кантом.

— Ты не могла купить это платье на свои восемьдесят два доллара в месяц, даже с пятьюдесятью центами.

— Оно тебе нравится?

— Очень.

— Папа подарил мне его при вступлении в Корпус мира, чтобы у меня был праздничный наряд. Он возражал против всей этой затеи.

— Твоего вступления?

— Нет, Корпуса мира.

— Почему?

— Он понимал, что развивающимся странам нужно помогать. Но считал, что американцам надо платить больше. Он не видел смысла рассылать по всему свету зеленых юнцов, платя им жалкие гроши. Он у меня забавный. Говорил, что если уж нужна помощь, Америка должна нанять настоящих профессионалов — учителей, врачей, плотников, каменщиков.

— С ним можно согласиться.

— Когда Корпус мира приступил к работе, он не изменил своей точки зрения. Если они хотят изображать мучеников, говорил он, вероятно, это пойдет им на пользу. Но мы все равно должны направлять профессионалов. Он продолжал убеждать в этом вашингтонских политиков, но ничего не добился.

— Чем он занимается? Возможно, ты говорила мне, но я позабыл.

— Кажется, строит торговые центры. Как-то я спросила его, но он ответил, что все это очень сложно. Он сам не все понимает. Продает землю, потом берет ее в аренду и все такое.

Какое-то время мы слушали льющуюся из динамиков музыку и разглядывали посетителей. Половина — альбертийцы, в национальной одежде и европейских костюмах. Остальные — белые и азиаты. Бизнесмены, владельцы автомобильных магазинов, страховые агенты, авантюристы, приехавшие в Африку, чтобы быстро разбогатеть. В бар вошел высокий молодой человек с короткой стрижкой. Улыбнулся, увидев Анну, направился к нам.

— Привет, Анна.

Она представила его мне. Джек Вудринг, глава Информационной службы США в Убондо. Я предложил ему выпить с нами, и он не отказался.

— Я слышал о вашем приезде. Вчера нам позвонили из консульства, а может, даже сегодня. Загляните к нам как-нибудь. В два часа дня контора закрывается, и у меня есть холодильник. А в нем кувшин с мартини.

— Обязательно заедем.

— Как идут дела в Корпусе мира?

— Отлично. А как Бетти?

Джек покачал головой.

— Она приболела, и я ездил к Карлу один.

Анна повернулась ко мне.

— Карл Хайнхорст — натурализовавшийся немец, изучающий альбертийскую культуру. Иногда он устраивает званые вечера. Я была на одном четыре месяца тому назад.

— А я — ходяче-говорящий образчик американской культуры в Убондо, поэтому должен бывать на каждом, — добавил Джек. — Кстати, позвольте подать вам официальную жалобу.

— Я весь внимание.

— Крамер прислал мне телеграмму. Он спрашивает, не могли бы вы поменять программу телевидения.

— А причем здесь Пит? — удивилась Анна.

— Он представляет в Альбертии ДДТ, а ДДТ построила в Западной провинции вторую во всей Африке частную телевизионную станцию. Или третью?

— Кажется, вторую.

— То есть вы принесли в Альбертию американские телефильмы?

— Не я — Даффи. Он нашел европейский синдикат, согласившийся финансировать строительство.

— Но во всей Альбертии семьдесят пять телевизоров! — воскликнула Анна.

— Страна развивается, недавно их было только двадцать пять.

— В Барканду беспокоятся, — продолжал Вудринг. — В фильмах слишком много насилия. Я считаю, что следует добавить общеобразовательных программ. А у вас только стрельба да мордобой...

— Даффи купил их чохом, — прервал я Вудринга. — По дешевке. Может, в следующем году передачи станут лучше.

— Я слышал, что заказано две тысячи портативных телевизоров.

— Интересно, где они собираются их ремонтировать? — спросил я.

— Мне до этого нет дела. Надеюсь, через год-другой они создадут местное телевидение и будут использовать его с большим толком. Ну, мне, пожалуй, пора. Я доложу Крамеру, что выполнил его указание.

— А я сообщу о вашей просьбе в Лондон.

— Обязательно заезжайте ко мне с вашим коллегой. Мне называли его фамилию, но я...

— Шартелль.

— Именно так. Заезжайте. Если в нас как раз будут швырять камни, пригнитесь.

— Обязательно, — мы пожали друг другу руки, он попрощался с Анной и ушел.

— Хороший парень. Его здесь любят, — заметила Анна.

— Кто?

— Как ни странно, и англичане, и альбертийцы. Он выступает по всей стране, показывает кинофильмы, а если в США что-то случается, устраивает брифинги для журналистов.

— Значит, работы ему хватает.

— А на кого похож твой мистер Шартелль?

Я покачал головой.

— Словами этого не выразить. Его надо видеть. Если хочешь, я вас познакомлю.

— Конечно, — она улыбнулась. — Я хочу посмотреть, где ты живешь.

Я расплатился, на лифте мы спустились вниз и прошли на автомобильную стоянку. Уильям спал за рулем.

— Поехали домой, а потом ты свободен, — сказал я ему.

— Мадам отвозить не нужно? — спросил он.

— Я отвезу ее сам.

— Хорошо, са! — он широко улыбнулся.

Уильям остановил «хамбер» у крыльца, отдал мне ключи, пожелал доброй ночи и отправился спать. Я помог Анне выйти из машины. В комнате гремел телевизор.

Я постучал. Шартелль лежал на кушетке, подложив подушку под голову. Увидев нас, он тут же вскочил.

— Добрый вечер, Пит... мадам. Я увлекся и не слышал, как вы подъехали.

— Анна, это Клинт Шартелль. Анна Кидд.

— Рад с вами познакомиться, мисс Анна, — Шартелль поклонился, прошел к телевизору и выключил его. — Я рад, что вы решили заглянуть к нам. По телевизору показывали одно старье.

Анна села в кресло, я — на кушетку.

— Позвольте предложить вам что-нибудь выпить. Мисс Анна?

— Джин с тоником, — попросила она.

— Мне помочь? — я привстал.

— Нет. Старина Самюэль показал мне, где что стоит, прежде чем отправиться на покой. Сидите и развлекайте вашу даму, юноша.

Шартелль вернулся с тремя бокалами и сел на кушетку. Его глаза пробежались по Анне, и он повернулся ко мне.

— Пит, вы сказали, что встретились на пляже в Барканду с симпатичной девушкой. Почему-то вы не упомянули о том, что мне в свои сорок три года не приходилось видеть более красивой девушки.

— Моя вина, — я поник головой.

— Мисс Анна, Пит говорил, что вы приехали с Корпусом мира.

— Да.

И тут Шартелль разговорил ее. Он спрашивал о Корпусе мира и Альбертии, что ей нравится и что — нет, что нужно сделать и каким путем, что ждет Альбертию в будущем. Слушал он внимательно, умело направлял Анну точными, короткими фразами.

А потом Анна замолчала и уставилась на него.

— Мистер Шартелль, вы выкачиваете из меня информацию. Я думала, что умею найти подход к людям, чтобы те рассказали о себе, но теперь вижу, что мне есть чему поучиться.

Шартелль рассмеялся и встал, одернул жилетку, разгладил лацканы пиджака. Взял

наши бокалы и отнес к обеденному столу, на котором стояли бутылки.

— Мисс Анна, вы не только самая красивая юная дама, которую мне довелось повстречать, но еще и самая умная. И если б старина Пит не был таким хорошим парнем, я мог бы приударить за вами.

Он протянул нам полные бокалы.

— Мистер Шартелль... — начала Анна.

— Для вас просто Клинт, мисс Анна.

— На чем основывается ваша уверенность в том, что вы и Пит сможете выиграть выборы для Акомоло?

Шартелль поднял руку.

— Нет-нет, вам это не удастся, несмотря на ум и красоту. Вы не разговорите меня. Старина Пит должен встать завтра пораньше и написать нам Речь, а если взгляд ваших больших карих глаз упадет на меня и вы чуть приоткроете ваш очаровательный ротик, словно пробуя на вкус каждое мое слово, я буду говорить до утра. Если уж вам хочется послушать, обратите свой взор на Пита. Такая аудитория его вполне устроит.

— Благодарю, — хмыкнул я.

— Ну, Пит, если вы настаиваете, я начну.

— Нет-нет, в этом нет необходимости. Мне тоже нравятся внимательные слушательницы.

— А что такое Речь? — спросила Анна.

— Объясните ей, Пит.

— Речь, то есть речь с большой буквы, являет собой основной текст, на котором строится вся предвыборная кампания. Она определяет настроение, темп, стиль. Выступая в разных местах, кандидат повторяет ее всю или по частям с некоторыми вариациями. Но это Речь. Она есть у всех кандидатов, и после того, как они произнесут ее несколько раз, она становится частью их личности. Она подходит кандидату, потому что написана для него. Речь необходима, ибо они выступают от пяти до десяти раз в день, и каждый раз сказать что-нибудь новое невозможно.

— И вы собираетесь написать такую Речь?

— Да.

— А откуда вы знаете, что они должны говорить?

— Это основное занятие Пита, мисс Анна, — вмешался Шартелль. — Это божий дар, как умение играть на пианино по слуху. Пит, я полагаю, слышит Речь, когда водит ручкой по бумаге. Но одновременно он и выстраивает ее, помня, как говорит кандидат, каковы основные пункты его программы, когда перейти к заключительной части и какими словами завершить выступление, чтобы слушателям захотелось еще раз прийти на избирательный митинг. Завершающие фразы — самое важное, не так ли, Пит?

— Это — божий дар. Как игра на пианино по слуху, — повторил я. — В публичном доме.

— Я думаю, это прекрасно, — воскликнула Анна.

Мы немного поболтали. Шартелль пересказал Анне последние политические сплетни Америки. Добавил, что, по всей видимости, встречался с ее отцом на одном из национальных партийных съездов. Когда бокалы опустели, он встал.

— Беседа с вами — истинное наслаждение, мисс Анна, но я думаю, что мне пора на покой. Уж больно длинным выдался день. Я бы не ушел, если б не рассчитывал, что еще увижу вас за завтраком, — он поклонился, мы пожелали друг другу спокойной

ночи и остались с Анной вдвоем.

— Ты получила официальное приглашение, — улыбнулся я.

Она рассмеялась и покачала головой.

— Никогда я не получала столь вежливого предложения остаться на ночь.

— Так ты остаешься?

— А ты этого хочешь?

— О боже, конечно.

Я крикнул Сайлексу, чтобы он запирает все двери, мы спустились с крыльца, обошли дом и через отдельный вход попали в мою комнату. А когда я проснулся, Анна лежала рядом, и я не могу вспомнить другого дня, который оказался таким же радужным, как его начало.

Глава 16

После завтрака Уильям отвез Анну домой. Шартелль склонился над блокнотом, делая какие-то записи, а я углубился в документы, привезенные Диокаду прошлым днем. Мы работали до тех пор, пока к нашему крыльцу не подкатил «роллс-ройс». Шофер, альбертиец, вышел из кабины, поднялся по ступенькам, пересек веранду и вытянулся в струнку у дверей. В нем чувствовалась армейская выучка.

— Мистер Шартелль, мистер Апшоу?

— Да, сэр, — ответил Шартелль.

— Мистер Дункан шлет вам наилучшие пожелания и приглашает в резиденцию его превосходительства.

— Почтем за честь, — Шартелль надел новый пиджак, черную шляпу, зажал в зубах сигарету, мы вышли из дома и залезли на заднее сиденье «роллс-ройса» губернатора Западной провинции.

Шофер закрыл за нами дверцу, сел за руль, аккуратно развернул автомобиль, и мы выкатили на улицу.

— Ну разве это не чудо, Пити? Два деревенских парня восседают на заднем сиденье лимузина его превосходительства, — он покачал головой, словно не веря выпавшему на его долю счастью, пару раз затянулся, стряхнул пепел. — Вы когда-нибудь ездили в «роллс-ройсе», Пити?

— Только в «бентли» Даффи. Вроде бы такая же машина, но не совсем.

— Как вы думаете, зачем мы понадобились его превосходительству? Вы запомнили его имя?

— Сэр Чарльз Блэкуэлдер. Обращайтесь к нему сэр Чарльз.

— С радостью. С преогромным удовольствием. Я думаю, он хочет поговорить с нами о выборах, возможно, дать несколько советов. Мы внимательно выслушаем его. От человека, прожившего здесь столько лет, можно позаимствовать одну-две идеи.

Шофер умело вел лимузин по запруженным транспортом улицам Убондо, не поворачивая головы направо или налево, изредка пугая гудком козу или курицу, не узнавших машину губернатора. Женщина-регулирующая, увидев «роллс», остановила поток транспорта на перекрестке. Шофер словно и не заметил ее. Шартелль широко улыбнулся.

Губернаторский дворец построили в самой высокой точке Убондо, на вершине одного из холмов, окружающих город. «Роллс» скользил по асфальтированной дороге, обсаженной ухоженными цветами и кустарником. Под нами лежал Убондо. Красивым

назвать его мы не могли, но зрелище нам открылось впечатляющее.

«Роллс» затормозил у дворца, трехэтажного особняка с белыми стенами и красной черепичной крышей. Шофер выскочил из кабины, обежал лимузин, чтобы открыть нам дверцу. Едва мы ступили на землю, к нам направился мужчина одних с Шартеллем лет. Улыбаясь, с прямой, как доска, спиной, он опустился по лестнице — или он носил корсет, или прослужил двадцать лет в британской армии.

— Я Йан Дункан. Личный адъютант его превосходительства. Вы, должно быть, мистер Шартелль... — они пожали друг другу руки. — И мистер Апшоу, — и мы обменялись рукопожатием. — Если вы пройдете со мной, я попрошу вас расписаться в книге для гостей, а затем представлю вас его превосходительству.

Через двери высотой в пятнадцать футов мы вошли в холл с еще более высоким потолком. Клерк-альбертиец дремал за столом секретаря. У стены стояла подставка с большой книгой для почетных гостей. Мы с Шартеллем расписались и поставили дату.

— Нам через холл и направо, — возвестил Дункан и пошел первым, откинув голову и выпятив грудь. По стенам висели фотографии бывших губернаторов в парадной форме и при всех регалиях. Под фотографиями стояли стулья с высокими спинками, на которых, похоже, не сидели с 1935 года. Дункан подвел нас к двойным дверям высотой в те же пятнадцать и шириной в четыре фута. Взявшись за полированные медные ручки, он резко толкнул их. Двери распахнулись одновременно. Он шагнул влево, смотря прямо перед собой. Голос его слышали бы в дальнем конце приличных размеров плаца.

— Мистер! Клинтт! Шартелль! и Мистер! Питер! Апшоу! из Соединенных! Штатов! Америки!

Позднее мы с Шартеллем согласились, что не хватало музыки. Может, «Дикси» или «Америка, ты прекрасна». От седого джентельмена, спокойно сидевшего за большим столом, нас отделяло добрых шестьдесят футов. «Каков стиль», — прошептал Шартелль. На лице сэра Чарльза застыло вопросительное выражение, словно он видел в нас новых соседей, правда, не очень уважаемых соседей, пришедших познакомиться. Он поднялся, когда нам осталось преодолеть пятнадцать футов. Перед столом полукругом стояли три удобных кресла.

Представив нас, Дункан сел слева. Шартелль занял центральное кресло, мне, соответственно, досталось стоящее справа. Сэр Чарльз восседал на стуле с высокой спинкой и улыбался нам. Его лицо, особенно у глаз и краешков рта, испещряли морщинки. Седые волосы он зачесывал на одну сторону, чтобы прикрыть уже заметную плешь.

Он был в белом костюме и белой же рубашке с зеленым галстуком. На левой руке сверкал перстень с печаткой.

— Как я понимаю, господа, в Альбертию вас привела политика.

— Совершенно верно, сэр, — ответил Шартелль.

— Сначала мне показалось странным, что вождь Акомоло выбрал американское агентство. Но, обдумав его решение, я пришел к выводу, что иного быть не могло. Ни при каких обстоятельствах. Он ненавидит нас, знаете ли. О, не отдельных индивидуумов, но нацию в целом. Этот человек на дух не переносит ничего английского. Как вы с ним поладили?

— Пока у нас все хорошо, — ответил Шартелль. Я решил не раскрывать рта без надобности.

— Вы специалист по предвыборным кампаниям, мистер Шартелль, не так ли?

— Этим я зарабатываю на жизнь.

— А вы сотрудник рекламного агентства, мистер Апшоу?

— Да.

— Значит, в ближайшие шесть недель у вас будет много забот. Я, конечно, не могу предсказать, кто победит, да мне кажется, что это и не важно.

— Для победителя и проигравших это очень важно, — возразил Шартелль.

— Для них, несомненно, но не для Альбертии, страны, получающей независимость. Само провозглашение независимости пройдет без особой помпы. С минимумом церемоний. Страна станет свободной через три дня после завершения подсчета голосов и объявления победителя или победившей коалиции. Затем ему передадут бразды правления государством. Я уеду домой раньше. И сомневаюсь, что вернусь, чтобы увидеть, как это будет происходить. Хотя и хотел бы.

— Давно вы в Альбертии, сэр Чарльз? — спросил Шартелль.

— Я приехал в 1934 году. Меня отправили на север помощником резидента. Тогда все было по-другому. Я не говорю, что лучше, но по-другому. Мне кажется, возможно, память подводит меня, что мои альбертийские друзья и я неплохо проводили время. Мы много смеялись, развлекались, иногда вместе выпивали, бывало, я сажал их в тюрьму на день или два. Иной раз и они подкладывали мне свинью, но в целом мы ладили. Скажите мне, мистер Шартелль, на чем основана ваша уверенность в том, что особые американские приемы политической борьбы сгодятся и в Альбертии?

— Ничего особого в них нет. Это обычная политика.

— То есть она подходит и к Альбертии, и к Америке, и, допустим, к Англии?

— Это теория, которая через шесть недель будет проверена на практике. Тогда, возможно, я смогу дать вам более компетентный ответ.

Блэкуэлдер улыбнулся. Улыбнулся его личный адъютант. Улыбнулся и я. Сэр Чарльз сложил подушечки пальцев, посмотрел в потолок.

— Мистер Шартелль, я пробыл здесь более тридцати лет. Я говорю на двух диалектах, могу объясняться на арабском. Вот что я хочу сказать. Я провел с этими людьми всю мою взрослую жизнь и все-таки не уверен, что знаю их. Я даже не могу утверждать, что понял их образ мыслей.

— Сэр, — Шартелль обожал рассуждать о взаимоотношениях между людьми, — вы себя недооцениваете. Я не сомневаюсь, что вы весьма проницательны и сможете судить о человеке, поговорив с ним пятнадцать минут. Я не прав?

Блэкуэлдер рассмеялся.

— Я падок на лесть, мистер Шартелль.

— Я не лщу вам, сэр Чарльз. Отнюдь. Но хочу отметить, что вы очень сблизились с альбертийцами. Прожив среди них более тридцати лет, вы поневоле смотрите на мир их глазами. Окажись я на вашем месте и задаваясь вопросом, а что думают альбертийцы, я бы спросил себя, что думаю я и что я бы подумал, будучи альбертийцем. И одно переплетается с другим.

— Я, возможно, не смогу думать так же, как они.

— Но едва ли вы думаете так же, как большинство англичан. Во всяком случае те, с кем я встречался, мыслят иначе.

— Ни рыба ни мясо, да? — сэр Чарльз в который уж раз улыбнулся. — Я рассмотрю ваш тезис с точки зрения и альбертийца, и англичанина. Однако, мистер Шартелль, ваша работа состоит в том, чтобы получить голоса для вождя Акомоло. Чем вы заинтересуете среднего альбертийского избирателя? Откуда вам известно, чего он

хочет, как среагирует, какое влияние окажут на него племенные узы и местные царьки?

Шартелль задумался.

— Я знаю только одно, сэра Чарльз: реакцию людей. Мне кажется, я знаю, чего они хотят, так как верю, что каждый из нас жаждет одного или того же — чтобы жизнь строилась на здравом смысле. Я готов поспорить на свою репутацию, а создать ее мне стоило немалых трудов, что люди, поставленные перед выбором, пойдут тем путем, который обещает им меньше страданий. Большинство никогда не проголосует за личные ограничения. Возможно, этим все и кончится, но голосовать за это не будут. Нет, они отдадут голоса тому кандидату, который потребует от них меньших жертв — экономических, социальных или моральных.

Блэкуэлдер кивнул.

— Интересно, — пробормотал он. — Прагматизм в чистом виде, — он встал. Аудиенция окончилась. — Если в моих силах сделать ваше пребывание в Альбертии более приятным, дайте мне знать, — он обошел стол, чтобы пожать нам руки. — Я могу дать вам только один совет, господа. Не оставайтесь в Альбертии надолго. Западная Африка, особенно Альбертия, проникает в кровь человека. Климат здесь неважный, хотя на севере и получше, если дует гарматан⁹. Прохладнее, знаете ли. Но что-то берет за душу и не отпускает. Может, колдовские чары, а, Йан? — Дункан почтительно улыбнулся. — До свидания, господа.

— До свидания, — ответили мы.

Сэр Чарльз Блэкуэлдер вернулся за стол и сел. У двери я оглянулся. Мне показалось, что дел у него было немного.

В холле Дункан предложил нам сигареты. Мы закурили.

— Давно я не видел его таким разговорчивым. Я рад, что вы смогли заглянуть к нам, хотя мистер Апшоу все время молчал.

— Он уважает старших, — вступился за меня Шартелль.

— Вы хотите поехать домой или позволите пригласить вас на чашку чая?

Шартелль посмотрел на часы.

— У нас назначена встреча на половину двенадцатого. Мы выпьем чай в другой раз.

Дункан проводил нас к «роллс-ройсу», шофер ждал у открытой дверцы. Мы попрощались и пожали Дункану руку. Залезли в кабину, шофер захлопнул дверцу, обежал машину, сел за руль. На обратном пути Шартелль, как обычно, пристально наблюдал за уличной жизнью.

— Мне нужно прогуляться по городу, Пити, принюхаться. В доме многое выглядит не так. Надо пообщаться с ними поближе, понять, чем они дышат.

— Так пообщайтесь после ленча. Я все равно буду писать.

— Наверное, так я и сделаю.

— Интересно, почему Декко решил заехать к нам?

— Может, он хочет, чтобы мы его подбодрили. Убедили, что вся борьба еще впереди.

— Не останется ли он на ленч?

Шартелль хмыкнул.

— Едва ли.

⁹ Гарматан — сухой восточный ветер на западном побережье Африки.

— Пожалуй, вы правы.

Хотя мы вернулись в четверть двенадцатого, вождь Декко уже ждал нас, удобно устроившись в кресле с бокалом сока в руке. Он приехал в новом наряде. На этот раз ordana была оранжевая, с белой вышивкой.

Шартелль, как мне показалось, с сожалением проводил «роллс» глазами.

— Как хорошо они все обставили, а, Пити? Вы и я идем по длинной-длинной комнате к милому старичку за роскошным столом. А этот личный адъютант, выкрикивающий наши имена, словно мы — сенаторы. Небось, его слышали в соседнем округе. Мне это понравилось. Клянусь Богом, понравилось.

— Не хватало только музыки.

— Да, небольшого духового оркестра, играющего бравурный марш.

Декко встал, когда мы вошли в гостиную, тепло улыбнулся.

— Я приехал раньше, а вы — вовремя. Это хорошо. Как сэр Чарльз?

— Он хорошо выглядел, вождь, — ответил Шартелль.

— Как, по его мнению, завершатся выборы? Он не сказал, кто победит?

— Он спрашивал нас больше, чем мы его. Кажется, он никому не отдает предпочтения.

Декко кивнул.

— Я говорил с вождем Дженаро после того, как он уехал от вас. Как я понял, вам нужны два вертолета, чтобы Лидер и я могли чаще выступать в городах и деревнях.

— И порознь, — добавил Шартелль. — Вы боретесь за кресло премьера Западной провинции. Если вождь Акомоло отправится в столицу и станет премьером Альбертии, он должен иметь на западе крепкий тыл.

Декко вопросительно посмотрел на Шартелля.

— Так вы полагаете, что мне не стоит выезжать за пределы Западной провинции?

— Нет. Я не хочу льстить вам, вождь, и ничем не умаляю достоинство вождя Акомоло, но у вас чертовски выигрышная внешность, которая послужит всей кампании. Я хочу, чтобы вы выступали как можно чаще. Двенадцать, пятнадцать раз в день, — он улыбнулся альбертийцу. — Я думаю, вы выдержите такую нагрузку в течение шести недель?

— Вот насчет речей... — начал Декко.

— Пит?

— Завтра вы получите основную речь. Она будет написана специально для вас, в соответствии с вашей манерой говорить и держаться перед аудиторией. Если читать ее целиком, у вас уйдет час. Но она будет состоять из отдельных блоков, на пять, пятнадцать или тридцать минут. Чаще всего вам придется выступать с пяти — и пятнадцатиминутными блоками.

— Пожалуй, что так.

— После того, как вы прочтаете речь несколько раз, она станет вашей речью. Вы запомните ее подсознательно, не замечая этого, но скоро у вас отпадет необходимость заглядывать в текст. Вы также обнаружите фразы, которые особенно близки не только вам, но и слушателям. После этого вы начнете вносить в нее коррективы в соответствии с особенностями аудитории, перед которой будете выступать. Мне кажется, вы тонко чувствуете настроение слушателей, поэтому вы будете постоянно видоизменять ее. Однако, речь всегда будет с вами, если вы вдруг окажетесь на чужой территории или вам придется выступать на официальном приеме.

— Он профессионал, вождь, — подал голос Шартелль.

— Получается, что вы долго работали над ней, мистер Апшоу?

— Разумеется, вождь, — солгал я.

— Предвыборная кампания начинается в понедельник, — продолжил Декко. — Я хотел бы поговорить с вами о ней. Как вы понимаете, ее исход имеет первостепенное значение.

— Мы ни на секунду не забываем об этом, — заверил его Шартелль. — Я думаю, что вы и вождь Акомоло должны все свое внимание уделить выступлениям. Детали, механику предвыборной кампании следует оставить нам. Для этого нас и наняли. А в лице вождя Дженаро и доктора мы приобрели незаменимых помощников.

Вождь Декко ответил долгим взглядом.

— Вы умеете убеждать, мистер Шартелль. Редко кому я могу доверять полностью. А вам я верю. И мистеру Апшоу, — вежливо добавил он.

— Я не сомневаюсь, что мы оправдаем ваше доверие, вождь Декко. Мы приехали сюда, чтобы помочь вам победить на выборах. Я думаю, шансы у нас неплохие.

— Правда? А почему?

— Потому что мы принимаем определенные меры. Это элементы предвыборной борьбы, и я бы хотел, чтобы вы почаще встречались с избирателями, давая им возможность полюбоваться вами, а не волновались из-за того, что поручено нам.

Декко кивнул. Он принял решение.

— Вы совершенно правы, — вождь встал. Я предложил ему остаться на ленч. Он отказался, на мой взгляд, с излишней поспешностью.

— Утром мы передадим вам основную речь, — пообещал я ему. — Вы также получите десяти — и пятнадцатиминутные речи по каждому из главных пунктов программы. Я думаю, они будут готовы к субботе.

Декко попрощался с нами и направился к машине. Шартелль вздохнул и откинулся на спинку.

— Возможно, Пити, я становлюсь алкоголиком, но сейчас мне более всего хочется джина с тоником. Вы крикнете?

Я крикнул, и из глубины кухни до нас донеслось «Са!» Самюэля. Затем возник и он сам, получил заказ, скрылся на кухне, принес нам запотевшие бокалы.

— Я думаю, надо пригласить к чаю Джимми Дженаро и дока Диокаду, — Шартелль пригубил бокал. — Пора начинать.

— Трудиться за наших соперников?

— Да.

— Мы еще не позвонили Даффи насчет значков, — напомнил я.

— Изготовить такое количество не так-то легко.

— Это его заботы. В Лондоне попрохладнее.

— Пожалуй, я позвоню сам. У меня есть идея.

Он снял трубку, подождал, пока ему ответит телефонист.

— Добрый вечер, сэр, говорит мистер Шартелль... Это хорошо... А как ваша семья?.. Прекрасно... Да, и в моей семье все в порядке... А теперь я хотел бы поговорить с Лондоном, в Англии... Как по-вашему, вы сможете мне помочь?.. О, да вы просто мастер своего дела... Держу пари, вам не одну сотню раз приходилось соединять местных абонентов с другими странами... Я хочу позвонить мистеру Падрейку Даффи вот по этому номеру, — Шартелль продиктовал номер. — Как вас зовут?.. Хорошо, мистер Оджара. Вы сразу же соедините нас? Прекрасно. А до того я хотел бы поговорить с местным абонентом... Хорошо? Изумительно, — он дал

телефонисту номер Дженаро и договорился с тем о встрече в пять вечера. Дженаро пообещал, что сам найдет Диокаду. Шартелль положил трубку, повернулся ко мне, усмехнулся. — Когда я познакомлюсь со всеми телефонистами Альбертии, нас будут обслуживать по высшему разряду.

— Я вам верю. Но прежде чем Даффи выйдет на связь, я хочу подбросить вам одну идейку.

— Хорошую?

— Значков, пожалуй, недостаточно. Нужно что-то еще, полезное, но дешевое.

Шартелль кивнул.

— Расчески не пойдут, у них короткие волосы. Так что вы придумали?

— Пластиковые бумажники с посланием кандидата на лицевой стороне, тисненым золотом.

— Неплохо... но зачем?

— Самюэль показывал мне сегодня свои рекомендательные письма. Но ему негде их хранить, кроме как в жестяной коробке. А ведь документы есть у всех — водительское удостоверение, расписка в уплате налогов, те же рекомендательные письма. Бумажники наши будут весьма кстати.

— Сколько, Пит?

— Наверное, не так много, как значков.

— Точно. Вроде премии за хорошую работу.

— Именно.

— Так сколько?

— Миллион? Они стоят два-три цента.

— А сколько они весят?

— Унцию¹⁰.

— Миллион унций, — Шартелль на мгновение взглянул в потолок. — Хорошо. Пойдет.

— Телефон зазвонил минут через пять. Шартелль подождал, пока телефонисты наговорятся между собой.

— Большое вам спасибо, — поблагодарил он мистера Оджару, прежде чем обратиться к Даффи. — Это ты, Поросенок... Да, слышу тебя прекрасно... Да, все нормально... Теперь слушай, Поросенок, нам нужны кое-какие товары. Ты взял карандаш? Чудесно. Десять ярдов тонкой шерстяной ткани в полоску нужно отправить портному Дженаро в Лондоне. Закажи эту ткань на фабрике в Алабаме, — он продиктовал адрес. — Нет, еще не все, Поросенок. Мне нужны девяносто четыре тонны значков и тридцать одна тонна пластиковых бумажников с золотым тиснением, — он одернул трубку от уха. Даже в другом конце комнаты я услышал возмущенное кудахтанье.

— Поросенок, я полагаю, ты достанешь их в Штатах... И пусть твой художник придумает, как разрисовать значки. Молодежная расцветка, от которой рябит в глазах, мне не нужна. Значки должны быть агрессивными, готовыми прыгнуть на противника... Фраза — «Я за Ако»... Ему не нравится, Пит.

— Скажите, что ее придумал сам Лидер.

— Старина Акомоло сам придумал ее. Послушай, Поросенок, мне она нравится, вождю Акомоло — нравится, Пит — нравится. Я хочу, чтобы на значке нашлось

¹⁰ Унция (тройская и аптекарская) — 31,1 г.

место и символике партии. Да, лопата и мотыга... Ну, если ты не сможешь добыть их в Англии, я скажу тебе, что надо делать. Сажай своего художника в самолет до Нью-Йорка. Два миллиона он закажет в Рочестере, один — в Питтсбурге, еще два — в Лос-Анджелесе. Вывозить начнем из Лос-Анджелеса. Полиграфисты там порасторопнее. Значки мне нужны в конце следующей недели. И пусть твой художник всем говорит, что Клинт Шартелль не купит у них ни одного значка, если они задержат отправку хотя бы на день. Слышишь, Поросенок? Теперь насчет пластиковых бумажников... Ладно. Разберись с ними сам... Все идет как по маслу, Поросенок. Мы ходим в гости, Пит пишет речи, и все счастливы... Ты узнал, кого прислал «Ренесслейр»? Хорошо, значит, мы получим его сегодня... Да, все отлично. Мы свяжемся с тобой, если возникнет необходимость. До свидания, Поросенок, — не успел он положить трубку, как вновь зазвонил телефон. — Все прекрасно, мистер Оджара. Я оценил ваше мастерство... Я бы сказал, что вы — лучший телефонист, с кем мне приходилось иметь дело... Еще раз благодарю вас.

Глава 17

После ленча нам подали жареную печень с картофелем, брюссельскую капусту и пудинг, от которого мы с Шартеллем отказались, я собрал бумаги доктора Диокаду, взял портативную пишущую машинку и ушел в спальню с отдельным входом. Вновь перечитал все документы, прошелся по пунктам программы, выискивая наиважнейший, наиболее интересный, привлекательный для избирателей, с которого журналист начал бы свою статью. Сделав выбор, я напечатал две странички квинтэссенции речи, сухо, сжато, в стиле АП¹¹. Эти странички составляли скелет речи, а также могли послужить сообщением для прессы после первого публичного выступления вождя Акомоло.

Я представил себе, как говорит вождь, как строит фразы, что выделяет, его любимые согласные звуки. Очень хорошо он произносит букву "п", и я решил почаще использовать слова, в которые она входит: партия, перспектива, прогресс, перестройка, пламенный, практически, первостепенный.

Ему также нравились короткие предложения. Я подумал, что и мне следует придерживаться того же правила. От пяти до одиннадцати слов в каждом предложении, не больше. Так как излагал Акомоло свои мысли в несколько педантичной манере, ему приходилось пользоваться словами, которые могли сказать больше, чем говоривший.

Сосредоточившись на образе вождя Акомоло, я сел за пишущую машинку. Поработал два часа, затем встал, пошел на кухню за кофе. По пути назад я заметил записку Шартелля: «Я в городе. Вернусь в 4.30 или 5».

Я вновь сел за машинку. Речь писалась легко, и у меня в ушах звучал голос Акомоло. Это помогало. Я напечатал двадцать страниц за пять часов. Еще полчаса я редактировал текст. С готовой речью я вернулся в гостиную. Шартелль сидел, вытянув ноги, с высоким бокалом в руке.

— Как город? — спросил я.

— Стоит.

— Что вы пьете?

¹¹ АП — Ассошейтед Пресс, информационное агентство.

— Чай со льдом. Я заглянул в наш единственный супермаркет и купил пачку растворимого чая, — он поднял руку, предупреждая мой вопрос. — Не волнуйтесь, юноша, я сохранил верность фирме. Я купил марку, которую она рекламирует. Затем приобрел у уличной торговли свежей мяты, проскользнул на кухню, пока Самюэль почивал после ленча, и налил полный кувшин. Хотите бокал?

— Я налью сам. Куда вы его поставили?

— Присядьте, юноша, отдохните. Я слышал стук машинки и не стал вас отрывать, — Шартелль прошел на кухню и принес бокал чая. — С мятой.

Я попробовал.

— Неплохо. Вы хотите прочесть? — Я протянул ему сообщение для прессы и Речь.

Я не встречал человека, читающего так же быстро, как Шартелль, хотя некоторые мои знакомые осиливали три, а то и четыре страницы в минуту. Я написал двадцать страниц. На их чтение вслух в нормальном темпе ушло бы пятьдесят минут. Вождь Акомоло с его размеренной манерой прочитал бы ее за час с небольшим. Шартелль уложился в три минуты. Отложив последний лист, он восхищенно покачал головой.

— Вы прекрасный писатель, Пит. Я таки слышал "п" нашего дорогого вождя. И начало очень хорошее.

— А что вы скажете о сельскохозяйственном разделе?

— План прямых дотаций изложен у вас гораздо четче, чем в бумагах дока Диокаду. Вы написали столь ясно и просто, что его может понять каждый, кто знает английский язык. Чертовски хорошая Речь, Пит. Одна из лучших, что мне приходилось читать.

— Благодарю. А где вы научились так быстро читать?

— Когда я жил еще с отцом, он довольно пристально следил за биржей. Подписывался на все газеты и журналы с финансовыми страницами: «Уолл-стрит Джорнэл», «Джорнэл оф Коммерс», «Баррон'с», «Нью-Йорк таймс», «Чикаго трибюн» и так далее. Моя работа состояла в том, чтобы прочитать эти страницы и вырезать то, что могло представить интерес. Но я не успевал их прочесть. И тут мне попалось на глаза объявление: «Как научиться читать быстрее и лучше за десять уроков». Я подписался на полный курс и в результате мог одолеть «Таймс» за десять минут. На ней я практиковался, прочитывая практически каждое слово.

— И понимали смысл?

— Сначала не очень, но постепенно дело шло все лучше и лучше. А теперь никаких проблем.

— Как же вы это делаете?

— Все очень просто. Вы начинаете читать вниз по диагонали, слева направо, и скоро вам удастся охватить взглядом всю страницу. Иногда это весьма удобно, если, к примеру, нужно познакомиться с планом предвыборной кампании соперника, пока их везут в лифте из штаб-квартиры на пятнадцатом этаже к копировальным машинам на четвертом.

— Могу представить.

С привычным визгом тормозов у крыльца остановился «ягуар ХК-Е». На левом сиденье стояла сумка с клюшками для гольфа. Дженаро, в ветровке с глубокими вырезами под рукавами, чтобы не мешала замаху, в тонкой зеленой водолазке и брюках из плотной хлопчатобумажной ткани, взлетел по ступенькам, скинул на крыльце ботинки с шипами и вошел в гостиную. Его лицо сияло.

— Тридцать два удара на девять лунок!

— Неплохой результат, — похвалил я его.

— Тридцать один — рекорд клуба. На днях я его побью.

— По-моему, вам жарко, Дженаро, — заметил Шартелль. — Снимите ветровку и дайте ее мне.

— Благодарю, — Дженаро отдал ветровку Шартеллю, тот прошел в столовую и повесил ее на спинку стула.

— Я опять к чаю?

— Да, Самюэль уже возится на кухне, — ответил Шартелль.

— Если вы сможете уговорить его принести мне холодного пива, я дам вам полный отчет о проделанной работе.

Самюэль принес чай. Шартелль, с извиняющейся ноткой в голосе, попросил бутылку холодного пива для вождя Дженаро.

— Да, са, — без энтузиазма ответил Самюэль.

Отхлебнув пива, Дженаро удовлетворенно выдохнул, рыгнул и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Диокаду приедет с минуты на минуту. Как обычно, ему нужно захватить с собой какие-то бумаги. Но я могу начать и без него, — он достал из кармана брюк маленькую записную книжку.

— Первое, веера. Я провел час с министром экономического развития и его постоянным секретарем. Пятнадцать минут ушло на то, чтобы они прониклись идеей. Еще сорок пять я убеждал министра, что в его родной деревне невозможно изготовить столько вееров. Заказы уже распределены и будут готовы в конце следующей недели.

— Хорошо, — кивнул Шартелль.

— Второе — распространение. Я весь вечер просидел в штаб-квартире партии и набросал планы распространения вееров и значков. Это довольно сложно, и мне не хотелось бы вдаваться в подробности. Но я гарантирую, что готовые изделия залеживаться не будут. В некоторые места мы будем возить их на грузовиках, в другие — доставлять самолетом. У нас есть «дакота», один из старых «С-47». Он может приземлиться где угодно, да еще перевезти группу активистов.

— Третье — вертолеты. Оба будут у нас в воскресенье вечером. Эта чертова нефтяная компания воображает, что получит права на разведку полезных ископаемых по всей стране, если Лидер уедет в столицу. Я обещал им все, кроме денег, а последнего им и не надо. Два пилота, один из Южной Африки, второй из Америки. Я думаю, с южноафриканцем полетит Декко, чтобы тот дважды подумал, прежде чем проехаться по поводу черных.

— Правильно. Какие вертолеты?

— Большие. «Сикорски С-55». Рассчитаны на восемь человек, не считая пилота. Должно быть по два пилота, но новых нам не найти. У меня есть список заправочных станций компании. Мы можем ими пользоваться, но за горючее придется платить. Я согласился.

— Просто отлично, — улыбка Шартелля становилась все шире.

— А что, по-вашему, я делал? Упражнялся на поле для гольфа?

— Продолжайте, Джимми, вы просто молодец.

— Газета. Я поговорил с парнем, который работал в «Нью-Мексикэн» в Санта Фе. Он загорелся, но требует денег. Мы сошлись на пятидесяти фунтах в неделю, хотя могу поклясться, что он никогда не получал больше десяти.

— Он чувствует, что деваться нам некуда.

— Возможно, но он рад помочь. Он сам наберет сотрудников, договорится с

типографией, а распространять газету мы будем через штаб-квартиру. Бесплатно, да?

— Совершенно верно, — кивнул Шартелль.

— Может, он еще и пишет? — спросил я.

— Он утверждает, что да. Рвется дать разоблачительные материалы о севере и старике Алхейджи, как называет его Клинт.

Шартелль встал и заходил по комнате.

— Кто будет давать ему материалы по программе партии? — спросил он Дженаро.

— Я. Все, что будет касаться выступлений Лидера и Декко, а также сообщения для прессы пойдут в набор в первую очередь.

— И вы решили вопрос с распространением газеты?

— Да.

— Как вы собираетесь назвать газету?

— «Голос народа». Это его идея, — ответил Дженаро.

— Наверное, он все-таки не умеет писать, — вздохнул я.

— Пойдет, — вынес решение Шартелль.

— И последнее, барабаны. Их взял на себя Диокаду. Он будет с минуты на минуту.

Диокаду появился пять минут спустя, как всегда с ворохом бумаг.

— Чаю? — предложил Шартелль.

— С удовольствием.

Я налил ему чашку чаю.

— Джимми рассказал нам о том, что сделано, док, и я чувствую, что мы взяли нужный темп, — Шартелль раскурил сигару.

Диокаду выпил чай, поставил блюдце с чашкой на стол, вытащил из-под бумаг блокнот, нашел нужную страницу и посмотрел на нас.

— Мне начать с барабанов или с деятелей искусства?

— С деятелей.

— Хорошо. Вчера вечером в Барканду образован комитет «Писатели и художники Альберти — за Акомоло». Его учредителями стали актер, поэт, два писателя и два художника. Все они хорошо известны в Альбертии, слышали о них и в Англии.

— Во сколько вам это обошлось?

— По сто фунтов каждому, но они обещали, что вовлекут в комитет по пять новых членов.

— На этой неделе? — уточнил Шартелль.

— Да.

— Хорошо. Теперь барабаны.

— С ними все решено. Правда, на это ушел весь день. Я сидел на телефоне с девяти утра и только несколько минут назад повесил трубку. Я разделил страну на пятнадцать зон и потом выбрал главного барабанщика в каждой зоне. Ключевая фраза будет передаваться ему лично, каждый вечер или с установленной нами периодичностью. Он будет связываться с барабанщиками своей зоны, главные из них получают по двести пятьдесят фунтов. Из этих денег они будут расплачиваться с барабанщиками своей зоны.

— Когда они смогут начать?

— Хоть сегодня. Но я сказал, что в понедельник или во вторник.

— Хорошо, — Шартелль вновь сел, положив ногу на ногу. — Джимми, вы знаете, кто шпионит за вами, не так ли?

— Конечно. Парламентский секретарь министерства сельского хозяйства. Он

сказал мне, что на самом деле работает на нас, но должен поддерживать связи с севером, чтобы приносить пользу. Я думаю, что они платят ему больше.

— Несносный молодой человек, — фыркнул Диокаду.

— А как насчет востока? Кто передает им информацию?

— Клерк из моего министерства, — ответил Дженаро. — Он у меня под присмотром.

— Ясно. Если я хочу послать Даффи две телеграммы в Лондон, вы можете устроить так, чтобы копии попали в руки этих молодцов, возможно, за день-два до того, как их получит Даффи?

Дженаро ухмыльнулся.

— Мы постараемся.

Шартелль повернулся ко мне.

— Пит, принесите сюда пишущую машинку и код сиротки Анны. Мы должны сочинить секретное послание для Наемника.

Я принес машинку и бумагу.

— Я хочу, чтобы вы закодировали нам текст с просьбой к Даффи найти фирму, которая будет вычерчивать в небе Альбертии разные слова со следующей недели и до самых выборов.

— Вычерчивать в небе слова? Что-то я вас не понимаю, Шартелль.

— От вас этого и не требуется, юноша. Вы кодируйте, кодируйте.

Я пожал плечами, вставил в машинку чистый лист бумаги, на мгновение задумался. Напечатал текст, вытащил лист, передал его Шартеллю. Диокаду и Дженаро с недоумением смотрели на него. Я, кажется, начал догадываться о замысле Шартелля. Телеграмма гласила:

«НАЕМНИКУ: НАМ АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМА СЛУЖБА НАПИСАНИЯ КАРАКУЛЕЙ НАД АЛЬБЕРТИЕЙ. ТАТУИРОВАННОЕ ЛИЦО В ВОСТОРГЕ. ПИРОЖОК УБЕЖДЕН ИСХОД МЕСТНОЙ ЗАВАРУХИ ЗАВИСИТ ОТ ЕЕ НАЛИЧИЯ. ПОДТВЕРДИТЕ ПОЛУЧЕНИЕ. ТОЧКА СКАРАМУШ».

Шартелль прочитал и улыбнулся.

— Я не думаю, что это кого-нибудь обманет, но поломать голову заставит, — он передал лист Дженаро, тот — Диокаду.

— Я не совсем уверен... — Диокаду не договорил, потому что Шартелль поднял руку.

— Одну минуту, док, и я все объясню. Я хочу, чтобы Пит отбарабанил еще одну телеграмму, пока коды у него в голове.

— Чем вы хотите порадовать Даффи на этот раз?

— Мне нужен дирижабль вроде тех, что изготавливает «Гудйир»¹².

— Святой боже, — простонал я, вставил в машинку чистый лист, глянул в потолок и напечатал вторую секретную телеграмму. Шартелль отдал ее Дженаро, и тот прочитал:

«НАЕМНИКУ: НАМ АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМА ПОЛАЯ СИГАРА ДЛЯ ПОЛЕТОВ НАД АЛЬБЕРТИЕЙ. ТАТУИРОВАННОЕ ЛИЦО ЗА. ПИРОЖОК УБЕЖДЕН В НЕОБХОДИМОСТИ ДОСТАВКИ. ПРЕДЛАГАЮ НЬЮ-ЙОРК. СООБЩИТЕ ДАТУ ОТПРАВКИ. ДЕНЬГИ НЕ ПРОБЛЕМА. ТОЧКА. СКАРАМУШ».

¹² «Гудйир» американская аэрокосмическая фирма, специализирующаяся на резинотехнических изделиях, выпускает бескаркасные дирижабли.

— Юноша, да вы прирожденный конспиратор, — воскликнул Шартелль. — Едва ли кто сможет написать секретную телеграмму хуже этих, — он повернулся к Дженаро. — Первая из них, насчет каракулей, должна попасть в руки мальчиков из «Ренесслейра». Вторая — к организатору кампании доктора Колого. Постарайтесь обставить все так, чтобы ознакомиться с содержанием телеграмм они смогли, затратив немало усилий, но они должны понять суть текстов. Успеваете за мной?

Дженаро усмехнулся.

— Не нужно мне все разжевывать, Клинт.

— Я и не собираюсь.

— Диокаду печально покачал головой.

— Я безнадежно отстал и заблудился. Еще на первой телеграмме.

Шартелль улыбнулся, откинув голову, кликнул Самюэля. Тот возник на пороге после неизбежного «Са!».

— Чай мы уже выпили, так что принеси чего-нибудь покрепче.

Дженаро остановился на пиве, Диокаду попросил джин с апельсиновым соком, мы с Шартеллем остались верны джину с тоником.

— Все очень просто, док, — пустился в объяснения Шартелль, когда Самюэль скрылся на кухне. — Я хочу, чтобы оппозиция прознала о нашем секретном оружии — вычерчивании лозунгов в небе и использовании наполненного гелием дирижабля для прославления нашего кандидата. Теперь, если я правильно понимаю психологию «Ренесслейра», они расшибутся в лепешку, чтобы начать выписывать лозунги раньше нас. В этом корень их успехов. Они всегда берутся за апробированное. Если на телевидении в моде комедии положений — выступают спонсорами комедии положений. Если наибольшим успехом пользуются неброские рекламные объявления, они не дадут никаких других. Они — имитаторы. Новации не в их духе. Я сомневаюсь, что они выродили хоть одну собственную идею, но чужие используют превосходно. Так что они наверняка решат, что вычерчивание нужных слов в небе — верное дело, и притащат в Альбертию дюжину самолетов, чтобы в ее небе сияло имя страны Алхейджи. Как оно звучит в сокращенном виде, вроде Ако?

— Его зовут Хей, — ответил доктор Диокаду.

— То, что надо, — кивнул Шартелль. — Вычертить его в небе — сущий пустяк. А какой символ у его партии?

— Пирамида.

— Прекрасно. Дайте мне лист бумаги, Пит.

Он что-то нарисовал на листе и отдал его доктору Диокаду, тот — Дженаро, а уж потом лист оказался у меня. Рисунок выглядел так:

ХЕЙ

— Моя не голосует за человека в небе, господин, — скопировал я Уильяма.

— Совершенно верно, Пит, я рассчитываю именно на такую реакцию. Но нам надо действовать наверняка. Вот тут нам поможет Джимми.

— Как? — спросил Дженаро.

Шартелль откинулся на спинку стула и мечтательно посмотрел в потолок. На его лице играла легкая улыбка. Я уже знал, что она означает. И пожалел тех, о ком он думал в этот момент.

— Джимми, мне нужны распространители слухов.

— Кто?

— У вас в штаб-квартирах партии есть славные ребята, напоминающие

американских странствующих коммивояжеров. Тех, знаете ли, что ездят из города в город, из деревни в деревню, заговаривают с местными жителями, приносят последние новости.

Дженаро кивнул.

— Я знаю, о ком вы говорите.

— Они будут путешествовать парами. никоим образом не афишируя связи с партией. Если же беседа перекинется на политику, а это, как мне представляется, неизбежно, они ввернут пару-тройку нужных фраз. Вы меня понимаете?

Дженаро снова кивнул.

— Допустим, «Ренесслейр» притащит сюда самолеты, вычерчивающие в небе слова специальными дымами. У вас есть люди, которые выяснят заранее, где те будут летать?

— Такие люди у меня есть.

— Прекрасно. За день-два до того, как появятся самолеты, мы зашлим в этот город или деревню парочку говорливых юношей. И они как бы невзначай упомянут о вычерчивании слов в небе.

На этот раз кивнули мы все.

— Причем один повернется к другому и скажет: «Знаешь, Оджо, я не верю, что дым, который вылетает из самолета, отбирает у тех, кто смотрит на него, мужскую силу».

А Оджо — возможно, его звать иначе, ответит: «Я слышал, что странный дым, который тянется за ними, не что иное, как смертоносный газ, и в этой деревне, где они летали накануне, все женщины стали вдовами, хотя их мужья живы». Что-нибудь этакое. Возможно, я нахожусь под сильным влиянием Райдера Хаггарда. А потом один, все равно кто, добавит: «Я не верю, что в домах, над которыми появилось имя ХЕЙ, уже не раздается детский крик». И этот диалог они будут вести вновь и вновь, переходя из одного места в другое, на один шаг опережая самолеты. Я думаю, Джимми, для выполнения этого задания нам понадобится человек сто.

Дженаро восхищенно покачал головой.

— Из этого может выйти толк, Клинт. Есть же у нас сексуальные табу. Конечно, мы найдем нужных людей, собственно, они уже есть, верные сторонники партии, которым ваше предложение очень понравится. От них же не потребуются ничего другого, кроме как пить пиво да молоть языком, в этом они доки. Так уж получилось, но двумя месяцами раньше я заказал сотню «фольксвагенов». Похоже, они будут весьма кстати.

Доктор Диокаду показал на свой опустевший бокал.

— Как вы думаете, я могу попросить джина с соком? Очень освежающий напиток.

Я кликнул Самюэля, и тот наполнил наши бокалы.

— Это, разумеется, ложь, — Диокаду повернулся к Шартеллю. — Самолетный дым совершенно безвреден.

— Безвреден, док. В выхлопные газы добавляют химикалии или сырую нефть. Именно об этом и будут говорить наши посланцы: они, мол, не верят слухам о том, что дым вызывает импотенцию и бесплодие. Но вы правы. Это ложь. Заведомая, сознательная ложь. Вы думаете, нам не следует прибегать к таким приемам?

Диокаду вздохнул.

— Лидеру это не понравится. Декко будет против.

— Я не собираюсь посвящать их в наши планы. Они не должны знать об этом. Их

дело — выступать перед народом. А в грязной канаве работать будем мы.

— Этого мало, Клинт, — заметил я. — Нельзя рассчитывать только на секретные телеграммы.

Шартелль кивнул, вновь зашагал по комнате.

— Нам нужны два человека, — он взглянул на Дженаро. — Занимающие довольно высокое положение в партии. С безупречной репутацией. И готовые на жертвы.

Он замолчал. Дженаро и Диокаду переглянулись.

— Продолжайте, — сказал Дженаро.

— Я хочу, чтобы они стали предателями. Перебежали к оппозиции. Один — к сэру Алакаду, второй — в лагерь доктора Колого. Естественно, не с пустыми руками. Они принесут с собой информацию, главным образом правдивую, которую можно проверить, а также, и это самое важное, подтверждение того, что мы делаем ставку на небесные письма и гудйировский дирижабль. Они должны быть хорошими актерами. У вас есть такая пара?

— Перестаньте смотреть на меня, — не выдержал Дженаро. — Я ни за что не стану предателем.

— О вас и речи нет. Нам нужны молодые, честолюбивые, умные парни. Вам придется воззвать к их патриотизму, верности партии, жажде приключений.

— Скорее, к их кошелькам, — бросил Диокаду. — Я подумал о двоих, — он назвал ничего не говорящие мне фамилии, посмотрел на Дженаро. Помедлив, тот кивнул.

— Один — адвокат, другой — чиновник. Оба связаны с партией и выдвигаются на все более заметные роли. Говорить они умеют... могут создать впечатление, что вхожи во все кабинеты, — Дженаро вновь кивнул. — Они нам подойдут.

— Кто с ними свяжется? — спросил Шартелль.

— Диокаду. Он теоретик партии. Они подумают, что я хочу их надуть.

Шартелль взглянул на Диокаду.

— Хорошо, — в его голосе не слышалось радости. — Я поговорю с ними сегодня вечером. Они оба в Убондо.

— Обычные поводы для предательства... — начал Шартелль, но Диокаду оставил его.

— В прошлом у нас хватало предателей, мистер Шартелль. Поводы мне известны.

Джимми Дженаро встал, взмахнул воображаемой клюшкой для гольфа.

— А что они должны говорить о дирижабле? Если-таки будет дирижабль?

— Это просто. Они не могут поверить, что в дирижабле спрятана американская атомная бомба.

— Бум-бомба, как говорят в глубинке, — вставил Дженаро.

— А барабаны будут нагнетать страхи перед импотенцией и смертью, — добавил Диокаду. Два самых сильных страха, мистер Шартелль. Но, допустим, оппозиция будет все отрицать?

— Спросите эксперта по общественным отношениям, — Шартелль махнул сигарой в мою сторону.

— Они не смогут отрицать слух, иначе они подтвердят, что он соответствует действительности. И не смогут перестать славить в небе старину Алхейджи. Ибо, если самолеты перестанут летать, наши мальчики будут утверждать, что спасли мужчин Альбертии от импотенции. Они проигрывают в любом случае, если только клюнут на приманку. То же с дирижаблем. Прекращение его полетов будет трактоваться как результат протестов общественности. Допустим, они будут отрицать наличие бомбы.

Но почему они должны отрицать то, чего нет? Представьте себе такое заявление для прессы: «Джонни Х. Джонс назвал сегодня лживыми широко распространившиеся слухи о том, что он — мошенник».

Диокаду покачал головой.

— Но мы не можем рассчитывать, что выиграем на этом предвыборную кампанию. Это лишь хитрость, обман, ложь, в конце концов.

Шартелль кивнул.

— Если люди проголосуют за вождя Акомоло, значит, они поддержат его программу. Если они захотят проголосовать против двух других партий, у них не останется иного выхода, как примкнуть к лагерю Акомоло. Вы знаете, док, что у него нет голосов, и я не уверен, что они появятся, даже если он будет выступать по двадцать четыре часа в сутки до самых выборов. Но я хочу направить оппозицию по ложному пути, запрограммировать их ошибки. Пусть они тратят время попусту. Занимаются ненужным делом. Я хочу посеять разногласия в их штаб-квартирах и панику в их сердцах. А когда создается стрессовая ситуация, паника вспыхивает мгновенно.

— Я готов вам помогать, Клинт, — Дженаро повернулся к Диокаду и произнес короткую фразу на диалекте. — Диокаду согласно кивнул. — Я сказал, что руки наших врагов в крови. В прошлом они не раз обдeldывали свои делишки за наш счет. Идея Клинта не кажется мне предосудительной. Хитрость и коварство нам не помеха. Если его замысел удастся, у нас будут голоса, много голосов.

— Я согласен, но Лидер не должен знать подробности, Диокаду печально улыбнулся. — Мистер Шартелль, я узнаю много нового об оборотной стороне политики. Похоже, именно там приобретаются и теряются голоса.

Шартелль улыбнулся в ответ.

— Голоса приобретаются и теряются на обеих сторонах, док. Я лишь хочу предусмотреть все, что возможно. Кстати, Джимми, как там наши профсоюзы?

— Я поговорил с этим типом. Он готов на сделку, но не согласен на всеобщую забастовку. Все, кроме этого.

— И что он нам обещает?

— Один профсоюз, очень дисциплинированный. Они не приступят к работе без его прямого указания.

— Какой же?

— Тот, что вызывает наибольшую вонь, — Дженаро хохотнул. — «Объединенная федерация альбертийских золотарей».

Глава 18

Диокаду ушел с теми же бумагами, зажатыми под левой рукой.

— Вы заняты сегодня вечером? — спросил Дженаро, не поднимаясь со стула.

Шартелль взглянул на меня.

— Я свободен.

— Нам не хватает двух партнеров для покера. Не хотите составить компанию? Играть будем у меня.

— Не знаю, как Пит, но я с удовольствием перекинулся бы бы в картишки.

— И я не против, Клинт.

— Вот и отлично. Когда начало?

— В девять.

— Пит?

— Я готов.

— Вы берете чеки?

— Конечно.

— Кто еще будет играть?

— Я. Два постоянных секретаря, англичане. И Йан Дункан, личный секретарь губернатора. Вы с ним знакомы. Между прочим, он женился на деньгах, поэтому играет азартно.

Двухэтажный особняк Дженаро, с просторным гаражом, где свободно разместились его «ягуар», новый фургон «форд» и «ровер», находился в миле от нашего дома. Он встретил нас у дверей и представил жене, симпатичной негритянке со светло-шоколадной кожей и безупречным английским выговором. Она была в слаксах и свитере. Дженаро называл ее «Мама». Затем познакомил нас с пятью или шестью детьми.

Следующим прибыл Йан Дункан, затем тощий рыжеволосый Уильям Хардкастл, постоянный секретарь министерства экономического развития, и последним Брайан Карпентер, постоянный секретарь министерства внутренних дел. Миссис Дженаро проследила, чтобы каждому из нас принесли бокал с каким-либо напитком, извинилась и пошла укладывать детей спать.

— Кто хочет сыграть в покер? — задал Дженаро риторический вопрос.

Он пригласил нас в комнату, предназначенную только для этой цели. В центре стоял семигранный стол, затянутый зеленым сукном с небольшими выемками, куда игроки могли складывать фишки. С потолка свисала 300-ваттная лампа под зеленым абажуром. Удобные стулья с подлокотниками ждали игроков. На буфете стояли бокалы, бутылки с виски, джином, содовой, тоником, пивом и ведро со льдом. Кондиционер обеспечивал приемлемые двадцать один градус по Цельсию. Создавалось впечатление, что в этой комнате выигрывались и, соответственно, спускались крупные суммы.

Дженаро принес фишки и шесть запечатанных карточных колод. Мы сели. Я оказался между Хардкастлом и Карпентером. Шартелль — между Дженаро и Дунканом.

— Я повторяю некоторые правила для наших американских гостей. Каждый может поднять ставку не более четырех раз. Играем без джокера. С напитками — полное самообслуживание.

Он снял обертку с одной из колод, перетасовал карты и бросил их на зеленое сукно.

— Разыграем, кто сдает, — пока мы тянули карты, он раздал нам синие, красные и белые фишки. — Каждый начинает с пятидесяти фунтов. Белая фишка — шиллинг, красная — десять шиллингов, синяя — фунт, — он взял карту и перевернул. Девятка червей.

Сдавать выпало Дункану. Он вытащил даму бубен.

Неспешная игра продолжалась два часа. Я пять раз снял банк и остался при своих. Шартелль был в большом плюсе. Играл он превосходно. Выросла кучка фишек и перед Дженаро. Дункан полагался на наитие, и почти все его фишки перекочевали к более удачливому партнеру. Хардкастлу и Карпентеру частенько везло. Я решил, что когда-нибудь они крепко пролетят.

В одиннадцать часов Дженаро объявил перерыв, и стюард принес нам блюдо с

сэндвичами. Я запил мой пивом.

— Каким представляется вам исход выборов, мистер Шартелль? — спросил Карпентер, прожевав кусок ростбифа.

— Наши шансы растут. Но вы знаете об этом лучше меня, работая в министерстве внутренних дел.

— В нашем ведении полиция, пожарная охрана, почтовая служба, да еще разная мелочевка. А политику мы оставляем таким, как вы.

— Вы уедете до или после провозглашения независимости? — спросил Шартелль Карпентера.

— Я пробуду здесь еще шесть месяцев. Министр потребовал, чтобы я задержался как минимум на такой срок. Он говорит, что только я понимаю, как функционирует почтовая служба. Он, разумеется, ошибается. Молодой Обаджи прогрессирует с каждым днем. Ему надо больше доверять. Интеллигентный молодой человек.

— Они руководят министерствами гораздо лучше, чем играют в покер, Клинт, — заметил Дженаро.

— Сколько лет мы играем вместе? — спросил Карпентер.

— Уже пять, — ответил Дженаро. — И мне они обошлись в кругленькую сумму, хотя я не имею ничего против.

— Апшоу, — обратился ко мне Хардкастл, — не находите ли вы, что у вас довольно странное занятие? Приехать в незнакомую страну, оценить политическую ситуацию, а затем попытаться, образно говоря, за одну ночь изменить настроение избирателей?

— Я бы назвал его не странным, но отличным от многих, — ответил я. — Причем в это дело вовлекается все больше людей. В Англии или США кандидат не позволит себе высморкаться на публике, не проконсультировавшись со своим советником по общественным отношениям.

— И вы действительно верите, что обеспечение контакта с публикой стало одной из разновидностей коммерческой деятельности?

— Конечно. Я знаю, что это так.

— Но это и профессия?

— Как доктор или адвокат, или бухгалтер?

— Совершенно верно.

— Нет. Это призвание. Все равно, что услышать глас божий. Вам не нужно ни специальной подготовки, ни обучения. Вы просто слышите зов, объявляете, что вы — эксперт по общественным отношениям, и с этого момента вы в деле. Но, чтобы добиться больших успехов, нужно быть наполовину шарлатаном, наполовину мессией. Эти же качества необходимы хорошему учителю или хорошему члену парламента, или хорошему американскому сенатору. А вообще с таким набором можно продвинуться очень далеко в любой области. К примеру, возьмите Шартелля.

— Отношения с публикой не по вашей части, не так ли, Шартелль? — спросил Карпентер.

— Нет, сэр. Упаси бог. Я занимаюсь политикой, потому что это приятный способ зарабатывать на жизнь, не таская по вечерам домой тяжелый портфель с бумагами. И мне не нужно спешить по утрам к электричке, чтобы попасть в контору к назначенному часу. Я мог стать профессиональным картежником, разведчиком нефтяных месторождений или организатором предвыборных кампаний. Один человек предложил мне три этих вида деятельности. Я выбрал политику, и знаете, что он мне

сказал?

— Что же? — спросил его верный помощник, Питер Апшоу.

— Он сказал: «Юноша, вы, вероятно, сделали правильный выбор. Но только не пытайтесь убедить себя, что вы лучше или умнее ваших кандидатов, потому что у них хватило ума и нашлись деньги, чтобы нанять вас, а вы недостаточно богаты, чтобы нанимать их. И никогда не пытайтесь баллотироваться куда-либо сами, потому что как кандидата вас рано или поздно поймают на лжи». Я последовал его совету и не могу сказать, что сожалею об этом.

Хардкастл раскурил сигару.

— Более всего меня беспокоит то обстоятельство, что американцы не дают простому человеку занять выборную должность, и не только у себя дома. Вот и на выборы в Альбертии будут затрачены немалые средства. Взять хотя бы веера, которые вы, Джимми, заказали через наше министерство. На какие деньги? Хотя я не думаю, что вы дадите мне честный ответ.

Лицо Дженаро расплылось в улыбке.

— Но я отвечу, господин постоянный секретарь. Это народные деньги.

Хардкастл хмыкнул.

— Неплохая идея, между прочим. Использовать местную рабочую силу для изготовления вееров. Я ее сразу поддержал, хотя пришлось убеждать министра, что его деревня не сможет выполнить такой большой заказ. Если придумаете что-то похожее, милости просим к нам.

Минут через десять или пятнадцать мы вновь сели за стол. Хардкастл раздал карты, мы сделали первые ставки, но внезапно распахнулась дверь, стюард подбежал к Дженаро и что-то сказал на диалекте.

Дженаро вскочил, бросил «извините меня» и исчез за дверью. Карты он унес с собой. Мы сидели и ждали. Он вернулся три минуты спустя и позвал Карпендера, постоянного секретаря министерства внутренних дел.

— Это по вашей части.

Карпендер, не задавая вопросов, вышел из комнаты.

— Что случилось? — спросил Дункан. — Ваш стюард говорил так быстро, что я не разобрал ни слова.

Дженаро положил карты на стол.

— Игра закончена. Убит капитан полиции, — он посмотрел на Шартелля, затем на меня. — Около вашего дома.

Появился Карпендер.

— К сожалению, это Читвуд. Я только что говорил с двумя полицейскими, которые опознали его, — он повернулся к Шартеллю. — Его нашел ваш ночной сторож. Множество ножевых ран.

Трое англичан смотрели на Дженаро.

— Приказывайте, министр, — в голосе Дункана слышалась поддержка, но и почтение. Они — чиновники, он — министр. Они воспитали его, выучили искусству управлять и теперь от него ждали действий. Он был их лучшим учеником, и они хотели, чтобы он в полной мере проявил свои достоинства. Дженаро не заставил просить себя дважды.

— Кто заместитель Читвуда? — спросил он Карпендера.

— Лейтенант Ослако.

— Позвоните министру и скажите, чтобы он назначил Ослако исполняющим

обязанности капитана полиции. Разъясните Бернардо, что капитаном тот должен стать сегодня вечером, а не завтра. То есть Бернардо придется поехать в министерство. Если он будет возражать, попросите его перезвонить мне. А вы пока подготовьте бумаги, Брайан.

— Хорошо. Я только позвоню Ослако, чтобы он возглавил расследование.

— Йан, — Дженаро повернулся к Дункану, — я понимаю, что это не входит в ваши обязанности, но не могли бы вы позвонить моему постоянному секретарю? Скажите, что я прошу его поехать в министерство и подготовить сообщение о смерти Читвуда. За подписью премьера.

— Конечно, позвоню, — кивнул Дункан. — Что-нибудь еще?

— Нет. Я скоро подъеду сам. Он знает, что делать, — Дженаро взглянул на Хардкастла. — Вы хорошо знали Читвуда? — Хардкастл кивнул. — Вы сможете позаботиться о семье... миссис Читвуд, детях? Привезти доктора, если потребуется... сообщить о смерти? Я прошу вас о самом трудном.

— Ничего, Джимми. Я все сделаю.

— Благодарю, — англичане ушли, и Дженаро повернулся к нам. — А мы поедем туда. Я — первым, вы — следом, чтобы я мог предупредить о вас до того как они начнут стрелять.

Милю, разделявшую наши дома, мы преодолели за минуту с небольшим. Нас уже ждали три полицейские машины. Дженаро подозвал сержанта. Тот подошел, вытянулся в струнку, отдал честь.

— Са!

— Давно вы здесь?

— Пять минут, са. Не больше.

— На вас возлагается руководство операцией до прибытия лейтенанта Ослако. Обеспечьте порядок. Не подпускайте любопытных. Ничего не трогайте.

— Са! — рявкнул сержант, вновь отдал честь. У дороги собирались слуги из соседних домов. Сайлекс, наш ночной сторож, отчаянно жестикулируя, уже в который раз рассказывал о том, как обнаружил тело и тут же позвонил в полицию и вождю Дженаро.

Фары полицейской машины освещали тело Читвуда, распростертое на грязи и гравии подъездной дорожки. В левой руке он сжимал половину трости, вторая валялась в нескольких футах. Я подумал, что он ударил ею одного из нападавших. Рубашка на спине потемнела от крови, кровь темным пятном выделялась на гравии. Шартель и я подошли к телу.

— Полагаю, он хотел что-то сказать нам?

Я пожал плечами.

— Взгляните, — продолжил Шартель. — Около его правой руки, — указательный палец правой руки Читвуда вычертил в грязи какую-то букву. То ли "Ц" то ли "Ч".

— Похоже на "Ц", — заметил я.

— Уж не ЦРУ ли его убило?

— Возможно. Но хорошо бы знать наверняка.

К нам присоединился Дженаро.

— У вас есть виски?

— Конечно.

— Пару глотков мне не повредят. Лейтенант приедет через десять минут. Мне нет смысла изображать инспектора Дженаро.

В доме Шартелль разлил виски по бокалам, дал один Дженаро. Тот жадно выпил.

— Мы, знаете ли, унаследовали некоторые британские традиции. В частности, убийство полицейского воспринимается у нас крайне неодобрительно. Читвуд жил здесь давно. Знал многих людей.

— Много врагов? — спросил я.

— Как у всякого полицейского. Он был честен. Даже безупречно честен. Вы с ним знакомы, не так ли?

— Он заходил к нам. Хотел познакомиться с новыми соседями.

— Мы похороним его завтра.

— Мне представляется, что мы не настолько близкие друзья, чтобы присутствовать на похоронах, — заметил я.

В дверь постучал среднего роста альбертиец, в полицейской форме, с лейтенантскими знаками различия.

— Вождь Дженаро, извините, что я так поздно.

Дженаро представил нам лейтенанта Ослако.

— Вам сообщили, что теперь вы исполняете обязанности капитана полиции?

— Да, сэр.

— Убийцу или убийц надо найти, лейтенант.

— Да, сэр. Я считал капитана Читвуда моим другом.

— Приступайте к расследованию.

— Позвольте задать вопрос, сэр.

— Я слушаю.

— Могу я спросить мистера Шартелля и мистера Апшоу о том, что им известно...

— Они были у меня, — прервал Дженаро. — Допросите их ночного сторожа и остальных слуг.

— Есть, сэр, — лейтенант отдал честь, повернулся кругом и вышел в ночь, чтобы найти убийцу его босса.

— Мне не хотелось бы думать, что они убили Читвуда ради того, чтобы затруднить подсчет голосов, — заметил Шартелль.

— Подсчет голосов тут не причем, — возразил Дженаро. — Процедура обговаривалась и утверждена в Барканду и министерством внутренних дел, — он допил содержимое бокала и встал. — Спасибо за виски. Мне пора в мое министерство.

— Кто, по-вашему, его убил, Джимми?

Дженаро сухо улыбнулся.

— Он был белым. Неплохой повод для убийства. Может, у него в карманах лежало несколько фунтов. А может, просто пришла пора кого-то убить.

— Зуд независимости? — спросил Шартелль.

— Что-нибудь этакое. А может, «Африка теперь!». Сомневаюсь, что мы найдем убийцу. Но кто-то хотел, чтобы он умер. Его искололи ножами.

Дженаро уехал, полиция обследовала каждый дюйм нашей лужайки в поисках орудия убийства, но ничего не нашла. Тело Читвуда увезли, в том месте, где оно лежало, гравий посыпали песком.

Перед тем как лечь спать, мы с Шартеллем вышли на крыльцо.

— Кто же его убил? — спросил я Шартелля.

— Не вы, не я, не Дженаро, не три никудышно играющих в покер англичанина, хотя все они очень милые люди. Полагаю, остается порядка двадцати миллионов подозреваемых.

— Он слишком опытный полицейский, чтобы стать жертвой случайного грабителя. Шартелль кивнул.

— Я все думаю, какой же надо обладать силой духа, чтобы, умирая, собрать последние остатки энергии и попытаться написать в грязи какое-то слово. Должно быть, очень важное слово.

— Для него, да. А вот для кого-то еще? Не знаю...

Глава 19

Ее звали мадам Клод Дюкесн и она стояла рядом с майором Чуку, когда Анна, Шартелль и я приехали в пятницу на его вечеринку. Ранее мы заезжали за Анной. Шартелль безо всякого интереса оглядел ее соседок по квартире, даже хохотушка из Беркли не произвела на него никакого впечатления. Мы выпили по коктейлю в «Южной Сахаре» и оттуда отправились в дом майора.

Жил майор, как мне показалось, не по средствам, в большом двухэтажном доме с колоннами. Китайские фонарики освещали ухоженные лужайки, цветочные клумбы, аккуратно подстриженные декоративные кусты и деревья. Майор, в белоснежной парадной форме, встречал гостей у стола, уставленного бутылками ледяного шампанского. Мадам Дюкесн стояла по его левую руку.

Шартелль увидел ее, когда мы обошли угол дома, следуя тропинке, ведущей в сад. Он словно остолбенел и не менее тридцати секунд не мог сдвинуться с места.

— Пити, — благоговейно прошептал он, — это самая красивая креолка, какую мне довелось повстречать, в том числе в Новом Орлеане и Батон Руж.

— Откуда вы знаете, что она креолка?

— Юноша, мы, креолы, за милую чуем друг друга.

— А какое у нее платье. Мое по сравнению с ним — домашний халат.

— Зато вы красивее, — одобрил я Анну, но без должной убедительности.

Коротко стриженные черные волосы мадам Дюкесн обрамляли идеальный овал ее лица. Кожа цвета слоновой кости. Очаровательный ротик, чуть вздернутый нос, ноздри, дрожащие от страсти. А взгляд ее черных глаз обещал тысячу ночей, каждая из которых не походила бы на другую. Таким я увидел лицо мадам Дюкесн после того как сумел оторвать взгляд от ее ног, длинных, стройных, с идеальными коленями и округлыми бедрами. Платье облегалo ее стан, как вторая кожа, и едва прикрывало грудь.

— Негодяй, — фыркнула Анна.

— Не обижайтесь на него, мисс Анна, — заступился за меня Шартелль. — Такая женщина заставляет забыть обо всем, — быстрым шагом он направился к майору Чуку.

— Майор, я Клинт Шартелль.

Тот улыбнулся и протянул руку.

— Мистер Шартелль, я так рад, что вы смогли приехать. Позвольте представить мадам Дюкесн. Она оказала мне честь стать хозяйкой моего маленького приема, — майор перешел на французский, обращаясь к мадам Дюкесн. — Позволь мне представить сеньора Клинта Шартелля. Он американский политический эксперт, о котором я тебе говорил.

Мадам Дюкесн улыбнулась Шартеллю и протянула руку.

— Я с нетерпением ждала встречи с вами, монсеньор, — по-английский она

говорила с легким акцентом.

Шартелль галантно склонился над ее рукой и ответил на безукоризненном французском.

— Мадам, это мне выпало счастье познакомиться с вами. Теперь я знаю, зачем приехал в Африку. Надеюсь, чуть позже вы сможете выпить со мной бокал шампанского.

Она кивнула, вновь улыбнулась.

— С удовольствием.

Лицо майора закаменело, когда Шартелль затараторил по-французски, но он быстро взял себя в руки и тепло поприветствовал Анну. Мадам Дюкесн он представил ее на французском. — У вас потрясающее платье, — ответила Анна на том же языке. — Париж, не так ли?

Глаза мадам пробежались по наряду Анны.

— Да, благодарю вас, дорогая. Майор Чуку говорил мне, что вы прибыли с американским Корпусом мира. Я восхищаюсь вашей смелостью и, должна отметить, вы сегодня очаровательны.

Высшее образование дает определенные преимущества, даже если оно получено в университете Миннесоты. Вот тут-то сказались шесть месяцев, на которые меня посылали в университет Квебека на языковую практику. Майор и меня представил на языке Вольтера. Мадам Дюкесн легонько пожала мне руку. Я ответил тем же. Не сомневаюсь, так же поступил и Шартелль.

— Майор рассказывал мне о вас. Я ждала встречи с вами.

— К сожалению, мадам, майор скрыл от нас, кто будет хозяйкой бала. Не могу его винить, но я рад, что его тайна раскрыта, — говорил я с сильным северо-дакотским акцентом, но по-французски.

Я отошел к Шартеллю и Анне, которые ждали у стола, где одетые в белое официанты наливали желающим шампанское, виски, коньяк.

— Что ты там делал? — спросила Анна. — Считал ей пульс?

— Удивительная женщина, не так ли, Пити? Я очень рад, юноша, что вы уже сделали выбор, открыв путь старине Шартеллю.

— Где вы научились говорить по-французски, Шартелль?

— В Новом Орлеане, юноша. До семи лет я говорил только на этом языке. Я заметил, что вы и мисс Анна также его знаете. Откуда?

— Я начала в восьмом классе и продолжала учить его в колледже, — ответила Анна. — А Пит получал языковую практику в марсельском борделе.

— В университете Квебека, — поправил я ее. — По специальной программе.

— Мисс Анна, не ревнуйте старину Пита. Я сам займусь этой маленькой креолкой. Изумительные у нее глаза, не так ли?

— Он не смотрел на ее глаза, — бросила Анна.

Я допил шампанское, и официант вновь наполнил мой бокал.

— Если вы хотите устроиться под бочком мадам Дюкесн, сначала вам придется выгнать оттуда майора. Едва ли он уйдет добровольно.

Шартелль взял у Анны пустой бокал и вместе со своим протянул официанту.

— Юноша, настоящая любовь сметет все преграды. Так было и будет.

— Так вы влюбились?

— По уши, должен признаться. Какая женщина!

Анна взглянула на Шартелля и улыбнулась.

— Очень хорошая, Клинт. Она мне нравится, хотя вижу ее впервые.

— Мне представляется, что в ближайшем будущем мы будем видеться чаще, — он допил шампанское, поставил бокал на стол, поправил галстук. — Пойду пообщаюсь с гостями.

— Решили узнать, кто она такая?

— Шартель ухмыльнулся.

— Не исключено, что в разговоре я упомяну ее имя.

Мы наблюдали, как он лавирует между гостями, высокий, гибкий, с короткой стрижкой и походкой пантеры. К тем, кто его интересовал, он подходил и представлялся: «Я Клинт Шартель из Соединенных Штатов. Мне кажется, мы не знакомы».

— Половина гостей примет его за хозяина, — заметила Анна.

Внезапно рядом с нами возник Дженаро, и я познакомил его с Анной.

— Зовите меня просто Джимми, — попросил он. — Я окончил университет Огайо. Выпуск пятьдесят пятого года. Как вам нравится вышивка, Пит?

— Красивая, но сможете ли вы играть в гольф в таком наряде?

Дженаро, в белой ordana, прошитой золотой нитью, с маленькой синей шапочкой на голове, в неизменных черных очках, рассмеялся.

Я обвел рукой сад.

— Похоже, альбертийская армия неплохо платит майорам, Джимми.

Дженаро покачал головой.

— У него столько денег, что он не может их сосчитать. Его бабка была некоронованной королевой торговцев-негров. Нажила состояние на импорте цемента. Целых десять лет лицензия на ввоз цемента была только у нее. Мать послала его в Сорбонну. А армия дает ему возможность быть при деле и устраивать банкеты.

— Вы хорошо его знаете?

— Знаю. Мы вместе росли.

— А мадам Дюкесн?

Дженаро улыбнулся.

— Не так хорошо, как хотелось бы.

— Шартель, похоже, увлекся ею.

— Не будь я христианином, то мог бы подумать о том, чтобы взять вторую жену. Как вождь, я имею право на трех, знаете ли.

— Я этого не знал.

— Ну, я могу представить ее и Маму под одной крышей. Пожалуй, большего мне и не нужно. Но боюсь, что Мама этого не потерпит.

— А где Мама? — спросила Анна.

— Дома с детьми. Где же ей быть? Пойдемте, я познакомлю вас с гостями.

Большинство из них уже прибыли. Половина — англичане или европейцы, остальные — альбертийцы. Только Дженаро явился без жены. Я вновь встретился с несколькими политическими деятелями, с которыми познакомился на ленче у вождя Акомоло. Их жены стояли рядом, завернутые в отрезы ярких тканей, спадающими к ногам каскадами складок.

Весь цвет Убондо пожаловал к майору Чуку. Член Верховного суда, три адвоката, два доктора, белый и негр, владелец автомобильного магазина, подполковник альбертийской армии, пилот «Альбертия Эйрлайнс», четыре постоянных секретаря различных министерств, включая Уильяма Хардкастла, итальянский подрядчик,

четверо или пятеро ливанских бизнесменов, в том числе и гангстер, хозяин «Южной Сахары». Джек Вудринг из Информационной службы США и его супруга, два представителя Британского совета, английского аналога Информационной службы, один из которых настаивал, что он — наполовину американец, владелец еще одного автомобильного магазина, четыре университетских профессора, армейский лейтенант, еще один юный лейтенант, но полиции, двое юношей из Корпуса мира, представитель «Форд фаунденейшнл» и много других гостей, имена которых я не запомнил, но у них загорались глаза, когда они узнавали, что я — помощник мистера Шартелля.

Ведомые Дженаро, мы замкнули круг и вернулись к столу, за которым разливали спиртное. Тут же стоял Шартелль, не отрывая глаз от мадам Дюкесн, что-то втолковывающей альбертийцу, как я догадался, старшему стюарду майора.

— Она присоединится к нам, как только даст ему последние указания, — пояснил Шартелль. — Привет, Джимми.

— Добрый вечер, Клинт.

— Как телеграммы?

— Отправлены.

— А наши предатели?

— Диокаду переговорил с ними. Каждому нужно заявление для прессы с обоснованием их поступка.

Шартелль кивнул.

— Пит?

— Это разумно. Они не могут без шума выйти из партии. Их значимость для оппозиции будет потеряна.

— Вы можете снабдить их такими заявлениями?

— Я напишу их сегодня вечером.

— Джимми, подъезжайте поутру и заберите их.

— Хорошо. Между прочим, и Декко, и Лидер в восторге от речей, которые вы им написали. Декко говорит, что Пит, должно быть, читает мысли. Лидер заявил, что его речь не что иное, как могучее слово истины.

— Они получили действительно хорошие речи, — кивнул Шартелль. — Диокаду приступил к переводу?

— Конечно.

— А как насчет коротких речей? По основным пунктам программы?

— Их тоже переводят.

— Хорошо. Когда эти двое выходят из партии?

— В воскресенье вечером. Или днем. В понедельник сообщение об этом в газетах.

Мы сошлись на тысяче фунтов для каждого.

— Предательство — последнее прибежище патриотов, — изрек Шартелль.

— Вы это сами придумали? — спросил я.

— Полагаю, что да, юноша. Такое со мной случается.

Дженаро допил шампанское.

— Пойду по второму кругу. Если узнаю что-то интересное, сообщу. Между прочим, по убийству Читвуда пока ничего нового.

Шартелль кивнул. Его взгляд вернулся к мадам Дюкесн.

— Как я понял, она вдова. Муж являлся единственным импортером дорогих французских вин и коньяков в Дагомею. Умер от сердечного приступа два года назад. Она унаследовала лицензию и переехала в Альбертию, чтобы вести дела отсюда. Вот о

чем мечтает каждый мужчина.

— О чем же?

— О богатой вдове с винным магазином, юноша. К тому же француженке.

Вдова подошла к нам и сказала, что майор Чуку просит нас сесть за его стол. Мы приняли приглашение, и Шартелль тут же перешел в наступление. В тот вечер он был неотразим. Защитные бастионы вдовы сразу же затрещали по всем швам. Шартелль острил по-английски и говорил комплименты по-французски. Сыпал пикантными анекдотами и историями о различных предвыборных кампаниях, в которых ему довелось участвовать. Заодно он разговорил мадам Дюкесн, и она рассказала нам о себе. Он слушал, не сводя с нее глаз, а потом, под его нажимом, она согласилась выпить с нами после окончания приема.

Еду каждый накладывал сам. Чего тут только не было. Тушеная свинина, индейка, жареное мясо, устрицы, овощные салаты, цветная капуста под сырным соусом, все превосходно приготовленное. И французские батоны, только что из печи, еще теплые. Я наложил полную тарелку.

— Тебя морили голодом? — спросила Анна.

— Десять лет меня лишали любви и пищи, — ответил я. — Не знаю, чего я жаждал больше.

— Теперь у тебя есть любовь и ты решил еще и наесться. И все в один вечер.

Шартелль следовал за мадам Дюкесн. Он, как и я, ни в чем себе не отказывал.

— Пит, вы только посмотрите, что наша французская красавица сотворила для майора. Меню составляла она. У меня прямо слюнки текут.

— Я смотрю, что и у тебя сегодня не разгрузочный день, — шепнул я Анне.

— Естественно, — улыбнулась та. — Сколько можно есть бутерброды с ореховым маслом.

Майор ждал нас за одним из круглых, накрытых белой скатертью, столиков. На каждом стояло ведерко с несколькими бутылками вина, обложенными льдом. У ведерка застыл стюард.

Майор хотел, чтобы мадам Дюкесн села справа от него, а Анна — слева. Шартелль нарушил его планы и уселся справа от майора, между ним и мадам Дюкесн. Я позволил Анне сесть слева от Чуку, чтобы вконец не испортить тому вечер. Стюард налил майору вина, тот пригубил и кивком одобрил его качество.

Я съел все. Свинину, индейку, жареное мясо. Устрицы и салаты. Половину французского батона. Расправился с цветной капустой, а потом спросил Анну, не хочет ли она добавки.

— Я бы съела немного салата, — ответила она, и я поблагодарил ее взглядом. Положил себе рыбу, которую проглядел в первый раз, жареного мяса, индейку, тушеную свинину, а салат — Анне. На этот раз я запивал еду вином, которое мне очень понравилось, о чем я не преминул сказать майору.

— Это все мадам Дюкесн, — ответил тот. — Холостяку не под силу организовать такой прием. Она меня спасла.

На десерт подали печенье и кофе с коньяком, вероятно, той марки, что поставляла в Дагомею вдова Клод. Коньяк был отменный.

Шартелль отказался от сигары, предложенной майором, и раскурил свою. Пальцы мадам то и дело как бы невзначай касались его руки.

— Как представляется вам здешняя политическая ситуация, мистер Шартелль? — спросил майор.

Шартелль затаился и выпустил струю дыма.

— Такой же, как и везде, майор. Кто-то хочет сесть в кресло, другой старается его выпихнуть, потому что присмотрел его для себя.

— Жаль, что убили Читвуда.

— Конечно. К тому же около нашего дома.

— Меня очень занимает один аспект вашей деятельности. Ничего, что я задаю столько вопросов?

— Ну что вы, сэр. Я с удовольствием отвечу на них.

— Так вот, проводя подобную кампанию, вы преследуете личные цели? Вовлечены в нее, так сказать, эмоционально? Другими словами, поражение огорчит вас так же, как кандидата?

— Прекрасный вопрос, майор. Пожалуй, я отвечу, что нет. Кампанией руководит мой рассудок, но не сердце. Эмоции затуманивают перспективу, а кандидат, нанимая меня, рассчитывает и на то, чтобы я ясно видел, что у нас впереди. Но, должен признать, разочарование будет велико, если мой кандидат потерпит поражение... Пока я проиграл только одну кампанию, но я знаю, что когда-либо мне предстоит проиграть и вторую. Об этом я никогда не забываю.

— И вы занимаетесь этим ради денег? То есть это ваша профессия?

— Я зарабатываю этим на жизнь и мне нравится моя работа. Нравится подготовка кампании и реализация задуманного. Нравится борьба идей. Во всяком случае, это гораздо интереснее, чем руководить страховой кампанией.

— Ваша профессия, ее необходимость и полезность, основывается на существовании народной демократии?

— Не обязательно народной, — Шартелль пристально смотрел на майора. — Но демократии, при которой люди имеют право проголосовать за того, кому они хотят платить налоги.

— Вы, должно быть, убежденный сторонник демократической формы правления государством.

Шартелль улыбнулся.

— Нет, сэр, совсем нет. Я часто думаю, что Соединенным Штатам пошел бы на пользу великодушный диктатор. Беда в том, что достаточно великодушного человека, кроме меня, нет, а у меня нет голосов. Вам в голову не приходили такие мысли, майор?

— Возможно, и приходили, мистер Шартелль, но только под самое утро. Я все-таки думаю, что армия не должна вмешиваться в политику.

— Вот это правильно.

На этом политическая дискуссия закончилась. Майор повернулся к Анне, Шартелль — к мадам Дюкесн. А я отдал должное коньяку.

Мадам Дюкесн наклонилась к майору, коснулась его руки.

— У меня ужасно разболелась голова. Монсеньор Шартелль любезно согласился проводить меня домой. Наверное, тебе придется самому попрощаться с гостями.

Лгала она хорошо, подумал я. Майор словно ни о чем и не догадался. Казалось, его заботило лишь самочувствие мадам.

— Вы очень добры, мистер Шартелль. Не знаю, как и отблагодарить тебя, Клод, за те чудеса, что ты сотворила для меня. Прием прошел великолепно. В Убондо о нем будут говорить не одну неделю, — я решил, что он-таки сошел со страниц «Космополита».

Мадам Дюкесн приложила руку к голове.

— Голова просто разламывается. Я рада, что тебе понравилось. Стюардам я все объяснила. Они знают, что нужно делать.

Майор встал. Помог подняться мадам Дюкесн. У меня создалось впечатление, что она не нуждалась в помощи.

— Мистер Шартелль, я ваш должник за столь любезное предложение проводить мадам Дюкесн.

— Я сделаю это с большим удовольствием.

Майор сухо улыбнулся.

— Я в этом не сомневаюсь.

Анна подала мне знак, и мы тоже встали. Поблагодарили майора за прекрасный вечер, похвалили еду и пошли к машине. Шартелль и мадам Дюкесн следовали за нами. Она приехала на своей машине, старой TP-3 с открытым верхом. Шартелль, естественно, предложил сесть за руль. Мадам Дюкесн надела на голову легкую сеточку, чтобы ветер не растрепал волосы. Шартелль завел мотор, улыбнулся нам, и они унеслись в ночь.

Я помог Анне сесть в «хамбер», и мы не спеша покатали домой. «TP-3» стояла у крыльца, радиостанция Информационной службы США в Конровии передавала блюз, а Шартелль и мадам Дюкесн танцевали на веранде, прижавшись друг к другу. Ее головная боль, похоже, прошла.

— Пити, — посмотрел на меня Шартелль, — не смогли бы вы, после того как закончите те два заявления для прессы, оставить записку Самюэлю? Я подумал, его надо предупредить, что завтракать мы будем вчетвером.

Глава 20

Следующим утром Анна одолжила мадам Дюкесн юбку из джинсовой ткани и одну из моих рубашек. Юбка, вместе с бермудскими шортами, тапочками и блузкой попали в комод двумя днями раньше.

— Если мне приходится возвращаться домой в восемь утра, я не хочу выглядеть так, словно вечеринка затянулась на всю ночь, — объяснила мне Анна, укладывая одежду в нижний ящик.

Шартелль ходил гоголем, а вдова Клод лучилась от удовольствия, только что не мурлыкала. Когда я появился в гостиной, они пили кофе, а Анна — вторую чашку чая. Шартелль также читал заявления, которые я отстучал перед тем, как лечь спать.

— Интересно вы пишете, Пит. Адвокат, оказывается, покидает вождя Акомоло, потому что тот представляет собой угрозу для... демократии. А второй парень выходит из партии, потому что вождь — «символ неофашизма, который стремится поглотить Африку».

— Разве это неправда, Клинт? — спросила вдова Клод.

— Что именно?

— Фашисты сейчас снова на подъеме.

— Возможно, дорогая, но едва ли они прячутся за Акомоло. Вам не кажется, юноша, что вы даете оппозиции слишком мощное оружие? Читая эти заявления, я сам рассердился на вождя.

— По ходу кампании его обвиняют в куда более тяжких грехах.

— Вы уже навесили на него все ярлыки, разве что не назвав белым.

— Даже я не мог зайти так далеко, Шартелль.

За завтраком, когда нас по очереди обслуживали Самюэль, Чарльз и Маленький Мальчик, последний немного нервничал. Зазвонил телефон. Приятель Шартелля, мистер Оджара, сообщил, что нам звонят из Лондона, и он, мистер Оджара, лично соединит нас с лондонским абонентом, как только тот возьмет трубку.

— Премного вам благодарен, мистер Оджара, — ответил Шартелль. — Как ваша семья? Младшенький уже поправился? Отлично. Да, у меня тоже все в порядке. Хорошо, жду вашего звонка.

Лондон дали через десять минут. Даффи кипел от гнева. Шартеллю пришлось отставить трубку на добрый фут, чтобы не оглохнуть от доносившихся из нее воплей.

— А теперь успокойся, Поросенок, и повтори все сначала, только медленнее. Совершенно верно... Мы просили у тебя самолеты, вычерчивающие слова в небе... Ты пытался... Подожди, Поросенок... Он пытался достать нам эти самолеты, Пит.

— Значит, он-таки расшифровал код.

— Ну, и когда они будут у нас, Поросенок? Не будут? Это ужасно... Да, сэр. Я хотел бы знать, кто их перехватил... Подожди, Поросенок, я скажу Питу. Он говорит, что в Англии нет ни одного свободного самолета для Альбертии. Их все зафрахтовали, и он собирается сообщить нам, кто это сделал.

— Передайте ему, что это позор для ДДТ.

— Пит считает, что это позор, Поросенок. Кто же их зафрахтовал? Не может быть! Подожди, я скажу Питу. Он утверждает, что их зафрахтовал «Ренесслейр».

— Это позор для нас, так и скажи ему.

— Пит говорит, что для нас это позор, — трубка возмущенно закудахтала. Шартелль вздохнул и отнес ее еще на шесть дюймов. — Ну, я не знаю, где задержались телеграммы. Ими занимался Джимми Дженаро. Жаль, конечно. Придется возложить все надежды на полную сигару. О, это кошмар. Подожди, я скажу Питу. Он говорит, что «Гудйир» водит его за нос, ссылается на нехватку гелия и заявляет, что все дирижабли заняты под местные карнавалы.

— Вы знаете, что ему сказать, — я притворно нахмурился.

— Пит повторяет, что это позор для нас. Что ж, придется обойтись и без дирижабля. А как дела со значками и пластиковыми бумажниками? — на этот раз кудахтанье Даффи вызвало улыбку на лице Шартелля. — Я знаю, что непросто, но это твой участок работы, — знаком он показал вдове Клод, что хочет кофе, и та мгновенно выполнила его просьбу. Он легонько шлепнул ее по попке. — Мы тоже пашем, не поднимая головы, Поросенок. Старина Пит барабанит на машинке, а я занимаюсь политикой. Беда в том, что нам очень одиноко.

Анна хихикнула.

— Я согласен, Поросенок. Лозунги в небе и дирижабль — хорошие идеи. Жаль, что мы не успели ими воспользоваться. Но придумал их Пит. Его просто распирает от идей.

— Лжец, — бросил я.

— Да, придумаем что-нибудь еще, Поросенок. Пока все идет неплохо. Обязательно... До свидания, — Шартелль положил трубку и широко улыбнулся.

— Они клюнули на телеграммы, Пит. И, должно быть, перепугались до смерти. «Ренесслейр» зафрахтовал все специальные самолеты в Англии и на континенте. Поросенок пытался найти их в Штатах, но тамошние пилоты не хотят повторять

подвиг Линдберга¹³. Что же касается «Гудйира», я думаю, на корпорацию надавили по государственным каналам. Интересно, как они собираются доставить сюда дирижабль?

— ЦРУ постарается, — ответил я.

— А эти два молодца, что порвут с партией, лишь подкрепляет их убежденность в том, что они на правильном пути. Да, день сегодня начался весьма удачно.

— Клинт, — вдова Клод погладила его по руке, — Анна и я посовещались между собой, пока ты беседовал по телефону, и решили приехать к вам вечером, чтобы приготовить обед.

— Я уже переговорила с Самюэлем, — добавила Анна. — Он согласен. Он хочет научиться готовить американскую еду, чтобы ублажить добрых господ.

— Ну и ну, — покачал головой Шартелль. — Все складывается как нельзя лучше, Пит. Мы сидим на границе Сахары, по уши в политике и интригах, потеем, как свиньи, наливаемся джином с тоником, и тут прямо из душа приходят они, две самые красивые женщины в мире и предлагают приготовить обед и все такое, да еще у одной из них винный магазин.

— Это не Африка, — попытался возразить я. — Совсем не Африка. Мы не видим Африку.

— Наоборот, юноша. Вы считаете, что этот сладкоголосый майор, у которого мы славно поужинали вчера вечером, не Африка? А эти люди на ленче у Акомоло, старый колдун и Иль в соломенной шляпе? Тоже не Африка? А его превосходительство и двухмильная прогулка от дверей до его стола с выкрикиванием наших имен... О, это было прекрасно! Вы говорите мне, что доктор Диокаду и Джимми Дженаро — не Африка? Ну, это лучше, чем Манго Парк и полное собрание сочинений Роберта Руарка. Конечно, животных тут нет, но я чувствую Африку, чувствую ее, когда, придя на рынок, разговариваю с бакалейщиками. Я чувствую ее, и то, что я чувствую, мне по душе, так что можно считать, что нам просто повезло.

— Хорошо, Шартелль. Это ваша Африка. Такая, какой вы ее себе представляете.

Шартелль кивком головы принял мою капитуляцию.

— Так что мы с радостью принимаем предложение наших очаровательных дам приготовить нам обед, но я думаю, Пит, что мы должны дать им денег, чтобы они купили продукты. У вас есть деньги?

— Есть, — я достал бумажник и дал Анне четыре пятифунтовые купюры.

— Это же сорок два доллара.

Шартелль великодушно махнул рукой. Это были мои деньги.

— Не беспокойтесь, мисс Анна. Просто покупайте все, что вам нужно. А если вы научите старину Самюэля готовить новые блюда, я, возможно, поделюсь с вами рецептом орлеанского плова.

— Каким рецептом? — переспросила Анна.

— Вы хотите сказать, что никогда не слышали об орлеанском плове?

— Нет, Клинт, не слышала.

— Значит, в воскресенье устраиваем пир. Пит говорил, что он специалист по жареным курам. Так почему бы вам не купить три или четыре откормленных цыпленка. Пит нам их зажарит, а я приготовлю котел плова, только дайте мне три

¹³ Линдберг, Чарльз (1902-1974) — американский летчик, в 1927 г. совершил первый беспосадочный перелет через Атлантический океан.

фунта куриных потрошков, а вы, юные дамы, будете отдыхать в тени, попивая чай со льдом.

Анна посмотрела на меня.

— Ты был прав. Его нужно видеть. Клод, вы подвезете меня? Мне пора на урок.

— Конечно. Но за покупками мы поедем вместе?

— Я вам позвоню.

Мы с Шартеллем получили на прощание по нежному поцелую, вдова Клод надела сеточку на голову. Волосы Анны развевались по ветру. Шартелль смотрел, как они уезжают.

— Красавицы, не так ли, Пит?

— Я вынужден согласиться.

Красноватого цвета фургон едва не снес бампер «ТР-3», когда наши женщины поворачивали на шоссе. Мадам Дюкесн обругала водителя по-французски, и они умчались. Фургон дал задний ход, в окне показалась чья-то физиономия. Шартелль и я все еще стояли на крыльце.

— Где живет Пит Апшоу? — в голосе слышался американский акцент.

— Здесь, — крикнул я в ответ.

Фургон еще подал назад и свернул на нашу подъездную дорожку. Тут я понял, кого к нам принесло.

— О боже, это Дидди, Дампс и Тот.

— Кто?

— АП, ЮПИ и Рейтер.

— О!

— Считайте, полдня как не бывало.

— Может, они что-то знают.

— Они знают, что хотят пить. И отнюдь не воду.

С представителем АП я познакомился еще в Европе, когда был там единственным корреспондентом моей газеты. Теперь ему было за шестьдесят лет, сорок из которых он посвятил добыванию новостей. Репортер ЮПИ, высокий худющий австралиец, какое-то время работал в лондонском отделении агентства, и мне приходилось иметь с ним дело уже после того как я перешел к Даффи. Рейтер представлял здоровяк-альбертиец. Он освещал все события, происходящие на западном побережье Африки до границы Анголы. Дальше его не пускали.

— Как вы их называли? — переспросил Шартелль.

— Дидди, Дампс и Тот. Три персонажа из книжки, которую я когда-то прочел. Они никогда не разлучались.

— Я читал эту книжку. Мне тогда было восемь лет.

— А мне — шесть.

Корреспондента АП звали Фостер Мамашед. Никто, естественно, не обращался к нему иначе, как Мамуля. Родился он в Омахе, но давным-давно не бывал в тех краях. Чарльз Кроуэлл, корреспондент ЮПИ, родился в Аделаиде, но говорил всем, что он из Сиднея. Я не помню, как я узнал об Аделаиде. Наверное, мне сказала его лондонская подруга. Альбертиец из Рейтера, уроженец Баркунду, окончил экономическую школу в Лондоне и стажировался в «Обсервере». Там мы и познакомились. Звали его Джером Окпори. Он трижды женился и столько же раз разводился.

Предвыборную кампанию они вещали вместе. Прежде всего из экономических соображений. Мамашед старел и уже не мог бегать, как молодой, а Рейтер и ЮПИ все

еще платили своим корреспондентам, если те не были американцами, нищенское жалованье. К тому же лондонские отделения этих агентств весьма скрупулезно просматривали их расходы. Ассошейтед Пресс, наоборот, выплачивало Мамашеду от 17 до 19 тысяч долларов в год, а его расчетный счет проверялся разве что раз в пять лет. Поэтому оплачивал машину Мамашед, но эту сумму каждый из них вносил в графу расходов, получая в салоне проката автомобилей соответствующую квитанцию.

— Кто это сидит на переднем сиденье? Неужели Мамуля? — спросил Шартелль, когда фургон остановился у нашего крыльца.

— Он самый.

— Я думал, он умер. Не видел его лет пятнадцать.

Мамашед вылез из машины первым. Рубашка цвета хаки обтягивала его толстый живот. Соломенная шляпа с красно-бело-синей лентой едва держалась на затылке.

— Пит, мне сказали, что ты готовишь лучший martini к югу от Сахары.

— Вам сообщили наидостовернейшую информацию, Мамуля. Как поживаете?

Он поднялся по ступенькам и пожал руки мне и Шартеллю.

— Шартелль, мне говорили, что вы здесь, но я решил, что это ложь. Чертовски рад. Когда мы виделись в последний раз?

— Лет пятнадцать назад, Мамуля.

— В Чикаго, да? Помнится, шлюшка с Кларк-стрит нагрела меня на шестьдесят семь долларов.

— Но она того стоила, Мамуля. Я ее помню.

— Конечно, стоила. У вас есть кондиционер?

— К сожалению, нет, — ответил я.

— Ладно, тогда пусть принесут что-нибудь выпить. И похолоднее.

— Питер Апшоу, дар «ДДТ» Черному континенту, — с заднего сиденья вылез двухметровый Кроуэлл из ЮПИ.

— Привет, Чарли.

— Еще девять часов, а я вспотел, как паршивый негр. Только не обижайся, Джерри.

— И пахнет от тебя, как от негра, — ответил Окпори и улыбнулся всеми тридцатью двумя зубами.

После рукопожатий я представил им Шартелля. Затем мы прошли в гостиную и они повалились на стулья и кушетку.

Я кликнул Самюэля и тот возник из глубины кухни, явно недовольный тем, что гости заявили в столь ранний час.

— Принеси нам кофе, джин, тоник, чай, виски, сок и пиво, — попросил я.

— Мне джин с тоником, — добавил Кроуэлл.

— Мне тоже, — кивнул Мамашед.

— А мне — сок со льдом, — Окпори не поддержал компанию.

Самюэль ждал нашего слова. Я взглянул на Шартелля. Тот пожал плечами.

— Нам джин с тоником, Самюэль.

— Са, — сухо ответил он, не одоблив наш выбор.

После того как Самюэль раздал полные бокалы, я велел ему оставить поднос с бутылками на кофейном столике, чтобы каждый, кто хотел добавки, мог обслуживать себя сам.

Мамашед потянулся.

— Мы только что с севера, Клинт. На Фулаву работает целая толпа. Из «Ренесслейра».

— Они задумали что-то очень интересное, — добавил Кроуэлл. — Что именно, не говорят, но ходят с таинственными ухмылками.

— А чем еще они занимаются?

— Все машины облеплены наклейками с именем кандидата.

— Это хорошая идея, — заметил я.

— И вот что забавно, — вмешался Мамашед. — Два дня назад мы побывали на востоке. У доктора Колого. Такие же ухмылки были у тех парней, что ведут его кампанию.

Шартелль зевнул и вытянул ноги, положив одну на другую.

— Я знаю, что «Ренесслейр» направил группу поддержки на север, но впервые слышу, что своя команда есть и у доктора Колого.

— У него пять или шесть человек. Их прислала «Коммуникейшн Инк». Из Филадельфии.

— Что-то я не слышал о таком агентстве, — заметил Шартелль. — А вы, Пит?

Я покачал головой.

— Похоже, американцы прибрали к рукам всю добычу, — хмыкнул Окпори. — Пожалуй, эту мысль я использую. Сколько они платят вам, мистер Шартелль?

Тот усмехнулся.

— Меньше, чем мне хотелось бы, мистер Окпори. Но пусть это останется маленькой тайной, моей и финансового управления.

— Десять тысяч долларов? — предположил Кроуэлл.

— Чарли, за десять тысяч Шартелль не стал бы устраивать и праздничный банкет.

— Вы стоите дорого, мистер Шартелль?

— Кандидаты, которые побеждают, так не думают, — ответил Шартелль. — К счастью, с проигравшим мне приходилось говорить лишь однажды.

— Когда это было? — спросил Окпори.

— В тысяча девятьсот пятьдесят втором.

— Плохой год для партии, — вставил Мамашед.

— Чрезвычайно плохой, — согласился Шартелль.

— А что у тебя тут творится, Клинт? — продолжил Мамашед. — Мы были на севере и востоке, и эти молодые обезьяны молотят на пишущих машинках, рассылают сообщения для прессы, обсуждают многоцветные плакаты, пользы от которых, я им это сказал, нуль. А вы с Питом потягиваете джин в девять утра. Не звонят телефоны. Никакой суеты. Вы уже купили выборы?

— Мы с Шартеллем всего лишь консультанты, Мамуля, — ответил я. — Мы много думаем.

— Мамуля, мы приехали сюда, чтобы помочь вождю Акомоло отковать новую демократию в горниле политической борьбы. Как тебе, Пит?

— Эта фраза войдет в историю, — корреспонденты ничего не записали.

— Как, по-твоему, закончатся выборы, Клинт? — спросил Мамашед. — Только серьезно.

— Думаю, мы прорвемся, Фостер. Сейчас я бы поставил шесть к пяти на нас.

— Готов внести пятьсот.

— Фунтов?

— Долларов.

— Заметано.

— Шесть к пяти немного лучше, чем пять за пять, Клинт.

— Наши шансы могут и возрасти. Приезжай к нам за неделю до выборов. Возможно, они поднимутся до девяти к пяти.

— Ты так уверен в себе?

— Перестань, Мамуля. Я же не тренер-новичок, проливающий слезы из-за того, что его лучший защитник подхватил триппер перед началом сезона. Мне платят за уверенность. Это мое естественное состояние.

— А как ты, Пит?

— Думаю, я переполнен уверенностью. Я предсказываю, что Акомоло победит с подавляющим преимуществом. Можете процитировать меня. Даффи с удовольствием прочтет об этом в Лондоне.

— А есть ли возможность взять интервью у Акомоло? — спросил Кроуэлл. — С американизацией нам все ясно. Мэдисон Авеню¹⁴ осваивает новую прибыльную территорию, беря под контроль политическую борьбу в Западной Африке.

— Я не с Мэдисон Авеню, — возразил Шартелль.

Высокий австралиец сухо улыбнулся.

— Вы там будете завтра.

— Я думаю, такая возможность есть, — вмешался я. — Я позвоню и выясню, что можно сделать.

Я быстро дозвонился до Дженаро, воспользовавшись тактикой Шартелля и узнав о самочувствии телефониста и членов его семьи. Он назначил встречу на половину одиннадцатого.

— Вы с Шартеллем тоже придете? — спросил Дженаро.

— Нет. Я думаю, вы обойдетесь без нас.

— Хорошо. Скажите им, пусть подъезжают к дому Лидера в половине одиннадцатого.

— Отлично, — я повернулся к корреспондентам. — Десять тридцать вас устраивает?

Мамашед ухмыльнулся.

— Слишком уж у тебя все гладко, Пит. Неужели ты можешь так запросто пробиться к Акомоло? «Ренесслейр» и эти парни из Филадельфии не имеют такой возможности.

— Прежде всего, Мамуля, я стараюсь завоевать доверие клиента. А потом мы оба бьемся за победу на выборах, помогая друг другу.

Мамашед осушил бокал и встал.

— Я хочу повидаться с руководителем Информационной службы, а потом уж ехать к Акомоло. Благодарю за выпивку и организацию встречи с вождем. От вас, парни, новостей не дожدهшься.

— Как и сказал Пит, Мамуля, мы всего лишь консультанты.

Мы пожали друг другу руки. Они пообещали приехать еще раз. Мы ответили, что всегда рады их видеть. На крыльце Мамашед чуть задержался.

— Я бы мог дать большую статью, Клинт. На полном серьезе.

— Если у меня будет материал, ты его получишь.

Мамашед кивнул и спустился по ступенькам. Они забрались в кабину, фургон развернулся, выехал на шоссе и исчез за поворотом.

— Первая волна, — заметил я.

¹⁴ Мэдисон Авеню — улица Нью-Йорка, где находятся многие известные рекламные агентства.

Шартелль кивнул.

— Позвоните Дженаро. Пусть он свяжется с Диокаду и попросит его приехать сюда. Пора планировать кампанию. Нам кое-что понадобится.

— Что именно?

— Маленькие красные, желтые и зеленые указательные флажки. В отделах сбыта такие обычно втыкают в карту, чтобы знать, где находятся коммивояжеры или должны находиться.

— Что-нибудь еще?

— Карта. Самая большая карта Альбертии.

Глава 21

В среду мы поехали в Обахму на встречу с Илем, следуя за «ХК-Е» Джимми Дженаро. На прямых участках покрытого асфальтом шоссе Джимми разогнался до восьмидесяти миль в час, повороты проходил на шестидесяти. Уильям лишь старался не терять его из виду. Шартелль, как обычно, полулежал, надвинув шляпу на лоб. Из рта торчала потухшая сигара.

— Вы заметили, что Джимми взял с собой складной велосипед?

— Да.

— Он собирается оставить «ягуар» в государственном поместье, переодеться и поехать по округу.

— Он не боится?

— Нет. Говорит, что это самый спокойный округ.

— На карте слишком много красных и желтых флажков.

— Я думаю, мы начнем менять их на зеленые через неделю или две. Кампания только началась, юноша.

Дженаро привез карту и флажки-указатели в субботу. Художник из министерства информации синей краской обозначил границы избирательных округов и, следуя иногда противоположным указаниям Дженаро и Диокаду, воткнул зеленые флажки в округа, поддерживающие Акомоло, красные — в оппозицию, а желтыми отметил округа, где предстояла борьба за голоса.

Зелени на карте оказалось немного. Шартелль размышлял над ней чуть ли не всю субботу, расспрашивая Диокаду и Дженаро, чем заняты местные политические деятели. Потом я сочинил для них письмо за подписью вождя Акомоло, который призвал своих верных сторонников оторвать задницы от стульев и начать ходить из дома в дом, агитируя за своего кандидата. Диокаду позаботился о том, чтобы письмо перевели на соответствующие диалекты и разослали адресатам.

В воскресенье нам пришлось отказаться от жареных цыплят и орлеанского плова. Весь день мы провели на телефоне. Анна и вдова Клод готовили сэндвичи, которые мы ели, пока доктор Диокаду и Дженаро убеждали партийных боссов на местах не волноваться, втолковывали им, что предатели — мелкая сошка, что они не знали никаких секретов и без них будет даже лучше. Шартелль послал Уильяма на телефонную станцию с конвертом для телефониста Оджара, вложив в него пятифунтовую купюру.

Положив трубку после последнего звонка, Дженаро повернулся к Шартеллю.

— Они уже нервничают, а ведь кампания официально начинается только завтра.

— Хорошо бы подкинуть им что-нибудь вещественное, к примеру значки, —

добавил Диокаду.

Шартелль кивнул.

— Их уже везут к нам.

— И у них не чувствуется энтузиазма, — мрачно заметил Дженаро. — Апатичные бездельники.

— Декко и вождь Акомоло их расшевелят.

После очередного поворота я повернулся к Шартеллю.

— У меня идея.

— Хорошо.

— О двух предателях, как мы продолжаем их называть, написали все газеты, даже те, что поддерживают Акомоло. Так?

— Так.

— Свою роль они сыграли, подтвердили, что мы хотели заполучить специальные самолеты для вычерчивания слов в небе и дирижабль. Так?

— Продолжайте.

— Они публично покаются.

Шартелль резко сел, сдвинув шляпу на затылок, широко улыбнулся.

— Осознают свои ошибки. Вернутся на путь истинный. Возвращение блудных сыновей. Что ж, Пити, это неплохо. Когда они это сделают?

Я на мгновение задумался.

— Через две недели. Пусть остаются на стороне оппозиции достаточно долго, чтобы отработать полученные деньги и почерпнуть кое-какую информацию. Она нам не помешает. Я напишу им покаянные речи. А потом мы пошлем их с выступлениями по стране.

— Потрясающе! Кающиеся грешники! Да мы устроим целую серию встреч. Возвращение, пусть не в объятия Христа, но в лоно партии Акомоло. Вы делаете успехи, юноша.

— Я же учусь у мастера. Он меня вдохновляет.

— Грешники, услышавшие слово господне, — Шартелль надвинул шляпу на лоб. — Лучше не придумай!

В воскресенье вертолеты припозднились, и вождю Акомоло и Декко пришлось ждать в зале для гостей в аэропорту Убондо, где было жарче, чем под прямыми лучами солнца. Наконец они приземлились, но у одного барахлил двигатель. Представившись, пилоты заверили нас, что быстро починят его, и провозились три часа. Вождь Акомоло кипел от негодования. Декко сохранял спокойствие.

— Не слишком благоприятное начало, мистер Шартелль, — недовольно бросил вождь Акомоло.

— Несомненно, вождь. Но я не думаю, что мы должны просто стоять и сетовать на судьбу. Раз у нас есть время, давайте используем его с толком.

— Как обычно, вы правы, мистер Шартелль, — пророкотал Декко.

И пока пилоты возились с двигателем, мы обсуждали намеченные планы. Декко легко схватывал основные принципы ведения кампании. Ему предстояло выступать по десять раз в день и он повторял снова и снова, как нравится ему написанная для него речь. Вождь Акомоло называл переданный ему текст не речью, но «документом истины». Тут он, конечно, перегибал палку, но ненамного. Речь ему досталась преотличная.

А потом к нам подошел американский пилот, сорокачетырехлетний ветеран в

фуражке времен Второй мировой войны. Звали его Билл Виатт.

— Кто летит с Виаттом? — спросил он.

Вождь Акомоло, его переводчик, личный помощник и один из сотрудников Дженаро последовали за пилотом, предварительно пожав нам руки. Мы расставались с вождем на три недели, но договорились, что он будет звонить каждый вечер.

Появился южноафриканец, высокий, тощий, с аккуратно подстриженными усиками, черноволосый, по фамилии Вейл. Декко со своей командой направился ко второму вертолету. У лесенки он повернулся и помахал нам рукой. Мы помахали в ответ. Вождь Акомоло, перед тем как подняться в вертолет, также обернулся и помахал нам. Золотая оправа его очков блеснула на солнце. Мы подняли руки, прощаясь с ним, а Дженаро озабоченно взглянул на часы.

— Они едва успели.

Доктор Диокаду заметно нервничал.

— Должен признаться, я не уверен, что они смогут справиться сами.

— Ну что вы, док, они же кандидаты, — ответил Шартелль. — Эти ребята должны рассчитывать только на себя. Мы можем планировать их выступления, писать им речи, обеспечивать транспорт и слушателей, но не подниматься на трибуну и произносить за них речи. Это они должны делать сами.

— Они справятся, — уверенно заявил Дженаро.

Специальная посылка с тысячей значков с надписью «Я ЗА АКО» прибыла в среду утром из Нью-Йорка авиапочтой первого класса. Пятьсот штук мы пересыпали в пустую жестянку из-под бисквита, поехали в магазин вдовы Клод, завернули жестянку в бумагу и перевязали красивой лентой. Мы также упросили вдову продать нам ящик коньяка для Иля по оптовой цене.

— С такой торговлей я не смогу содержать тебя, дорогой, — улыбнулась вдова.

— Но, дорогая, ты же знаешь, что теперь я буду заботиться о тебе.

— Авантюрист, — последовало в ответ.

Шартелль нежно поцеловал ее, прижал к груди. Вдова просияла.

Коньяк мы купили по совету Дженаро: "В здешних местах, приезжая в гости, принято привозить подарок, как бы бедны вы ни были. Обычно это орех кола, но вы должны привезти что-то особенное. К примеру значки, а коньяк укажет на вашу высокую оценку его вкуса. Бог знает, что он даст вам взамен, может, пару девочек лет тринадцати. Или мальчиков. По традиции, ответный подарок будет в три-четыре раза дороже. Скорее всего, он завалит «хамбер» пивом.

Обахма мне не приглянулась. Дома и хижины, покрытые ржавым железом. Шоссе петляло между ними, поворачивая направо и налево без всякой на то причины, если не считать, что кто-то нарочно строил дома на проезжей части, чтобы добавить лишний поворот. В обе стороны уходили пыльные, немощеные переулки. На крышах магазинов надрывались динамики «Радио Альбертии». Люди, одетые более небрежно, чем в Барканду или Убондо, занимались своими делами. Некоторые сидели на солнце и глазели по сторонам. Другие спали в тени, свернувшись калачиком. Дженаро сбавил скорость. Несколько молодых парней приветствовали его криком, он что-то прокричал в ответ и бросил им пачку сигарет.

Дворец Иля Обахмы находился на окраине города и тоже не представлял собой ничего особенного, если не считать, что его окружала высокая красная стена, протянувшаяся вдоль дороги на добрых два квартала. Ее построили еще до прибытия португальцев. «Ягуар» въехал в открытые ворота, охраняемые альбертийцами,

одетыми в подобие военной формы. Они встретили Дженаро улыбками и приветственными взмахами рук. По большому двору бродили люди, козы, куры. Дворец, одноэтажное здание с множеством пристроек, находился в глубине. Вокруг дворца тянулась веранда. Крыша над ней покоилась на резных столбах. Правда, кое-где вместо резных столбов стояли гладкие, а в некоторых местах отсутствовали и таковые. Уильям поставил машину рядом с «ягуаром» Дженаро. Тот кликнул какого-то парнишку, что-то ему сказал. Паренек поднял с земли палку и прыгнул в «ягуар», свирепо оглядываясь в поисках врага. Дженаро дал ему шиллинг и подошел к нам.

— Если повезет, к моему возвращению колеса будут на месте. Вы обратили внимание на снятые столбы?

— Да.

— Сыновья Иля. Продают их туристам. Народное творчество. Выручают до трехсот фунтов за каждый. А теперь крыша грозит рухнуть. Иль предупредил, что отрубит руку тому, кто посмеет украсть еще один столб.

Уильям вытащил из багажника ящик коньяка и коробку со значками. Уговорил одного из праздношатающихся помочь ему с коробкой. Коньяк он нес сам. Собравшаяся толпа ожидала, что же будет дальше. Все это напоминало мне маленький город, в котором наиболее знаменательным событием являлось прохождение грузового поезда в четыре часа шестнадцать минут пополудни. Каждый день он проскакивал город, не останавливаясь, но всегда был шанс, что такое случится.

Дженаро проталкивался сквозь толпу, не обращая внимания на просьбы мальчишек поделиться с ними одной-двумя монетками. Шартелль, однако, раздал всю мелочь. Дженаро вел нас сквозь лабиринт открытых дверей, окон, скупающих рук, лиц, тел. Толпа следовала на почтительном расстоянии, все еще предвкушая что-то удивительное. Затем заговорили барабаны. Дженаро остановился, огляделся, подозвал к себе одного из бездельников. Что-то спросил, внимательно выслушал ответ. Барабаны не смолкали. Дженаро дал бездельнику шиллинг и повернулся к нам.

— Я спросил его о барабанах. Я же не получил такого музыкального образования, как Диокаду. Барабаны говорят: «Они прибыли из Убондо, вождь Слова и два его Белых друга. Они прибыли, чтобы засвидетельствовать почтение Илю Обахмы, могущественнейшему из правителей», и так далее. Реклама Илю и приказ оставить в покое наши машины.

Дженаро двинулся дальше под взглядом Шартелля «Ого-го!» и «Однако, Пит», и вскоре мы оказались у двери, рядом с которой за маленьким столом сидел высокий юноша. Дженаро приветствовал его по-английски.

— Привет, принц.

— Привет, Джимми.

— Старик нас ждет?

— Проходите. У него два просителя, но он с ними скоро закончит.

— Принц Арондо... Мистер Шартелль и мистер Апшоу.

Мы пожали руку принцу, одетому в белую рубашку, брюки из легкой ткани и сандалии на босу ногу. Создавалось впечатление, что ему совсем и не жарко. Он оглядел нас и сказал, что рад познакомиться. Мы прошли в комнату за дверью. Уильям и носильщик коробки — следом за нами. Носильщик поставил коробку на пол и улизнул. Уильям распростерся на полу, выставив перед собой ящик коньяка. Дженаро вздохнул, расстелил носовой платок, опустился на него коленями, одновременно

коснувшись лбом пола. Шартелль снял шляпу. Я улыбнулся.

Иль сидел на стуле с высокой спинкой за письменным столом на небольшом возвышении, таком же, как и в банкетном зале Акомоло. Важно кивнув нам, он вновь обратил внимание на двух мужчин, лежащих на полу у стола. Он был в той же соломенной шляпе, что и в Убондо, но, похоже, сменил перо. Дженаро встал, сложил платок, вытер лицо.

— Они спорят из-за скота. Кто-то украл пару коров.

Иль вынес решение. Говорил он тихо, мне показалось, скучал. Двое быстро поднялись, попятились от стола, едва не столкнувшись с нами. Дженаро ногой толкнул Уильяма. Наш шофер вскочил и вслед за двумя просителями вылетел за дверь. Старик, что шел в Убондо с золотым посохом, клевал носом на стуле справа от стола. Позади Иля, на скамье, сидели мальчишки в белых одеяниях. Они молчали, но ерзали и переглядывались, совсем как посыльные в американском сенате в скучный августовский день.

Комната была больше, чем показалось мне с первого взгляда. Но до Иля мы дошли быстрее, чем до сэра Чарльза Блэкуэлдера. Вдоль стен сидели старики-альбертийцы и смотрели на нас в надежде, что кто-нибудь споткнется и упадет, и им будет о чем посудачить.

Иль указал нам на три стула перед столом. Рукопожатий протокол встречи не предусматривал.

— Добро пожаловать, вождь Дженаро. Надеюсь, вы в полном здравии. Желаю того же мистеру Шартеллю и мистеру Апшоу.

— Я уверен, что Иль Обахмы не может пожаловаться на здоровье, так же, как и мои друзья, — ответил Дженаро.

— Так что вы мне принесли? — Иль говорил с сильным акцентом, медленно, словно переводил с диалекта на английский.

— Сущие пустяки, Иль Обахмы. Нам стыдно предлагать их, но они в двух коробках на полу.

Иль поднял руку и указал на коробки. Мальчишки сорвались со скамьи, бросились к коробкам, перенесли их на стол.

— Откройте их. — приказал Иль.

Первым делом они занялись ящиком коньяка. Разорвали бумагу. Ящик оказался деревянным, поэтому им пришлось искать молоток, чтобы вскрыть его. Наконец, они достали одну бутылку и передали Илю. Тот надел очки и внимательно изучил этикетку.

— Вы очень добры, — кивнул он.

Вскрыли жестянку. Иль взял значок, осмотрел его. Снова улыбнулся. В тот день он был в синей ordana. Он закрепил значок на груди. «Оооох, аааах», — вздохнули мальчишки. Иль дал по значку каждому, и они умчались, чтобы похвастаться перед остальными. Иль что-то сказал старику с золотым посохом. Тот на мгновение проснулся, стукнул посохом об пол, прокричал какие-то слова сидящим у стен. Те потянулись к Илю, один за другим падали перед ним ниц, получали значок из его рук. Кто-то перевел надпись «Я ЗА АКО». Улыбаясь, они вновь расселись вдоль стен, ожидая продолжения спектакля.

Иль поднял руку и рядом возник мальчишка. Получил короткое указание и выбежал из зала.

— Мистер Шартелль, вы намерены поселиться в Альбертии навсегда? — спросил

Иль.

— Я думал об этом, Иль, — солгал старый лис. — Альбертия — притягательная страна.

— Притягательная, как Америка?

— Некоторые районы Альбертии, в которых я побывал, куда лучше многих мест в Америке.

— Но другие?

— Я полагаю, нет двух одинаковых городов или деревень.

Иль кивнул, довольный ответом. Мальчишка принес три бутылки пива. Иль дал ему открывалку, приваренную к железному пруту длиной в три фута. — Странно, не правда ли? — он указал на открывалку.

— Я часто угощаю пивом. Но мои гости постоянно уносили с собой открывалки. На них уходило столько денег, что один из моих сыновей предложил приварить ее к железному пруту. А в прошлом году мы лишились только двух.

Пиво мы пили из бутылок. Иль наблюдал за нами.

— Мистер Апшоу, мне сказали, что вы живете в Англии. Но вы же американец.

— Иногда приходится работать там, где больше платят, — ответил я.

— Англичане платят больше американцев? Мне кажется, это не так.

— Я работаю у американца.

— А у кого работает он?

— Он возглавляет всю фирму.

— В Англии?

— Да.

— Он мог бы заработать на жизнь в Америке?

— Он получает больше денег, применяя в Англии опыт, накопленный в Америке.

Иль вздохнул.

— Мне это непонятно. В этом доме я родился, прожил больше шестидесяти пяти лет и никогда не уезжал дальше Барканду. Это было четыре года назад. Во время визита королевы, — он помолчал. Мы также не раскрывали рта.

— Эти американцы работают хорошо, вождь Дженаро?

— Великолепно, Иль Обахмы.

— Несколько ночей звучат барабаны. Они повторяют фразу с этого медальона. Люди начинают говорить об этом. Барабаны предложили американцы?

— Да.

— Одна и та же фраза надоедает.

— Они будут часто меняться.

— А Акомоло, он в добром здравии?

— Очень добром.

— А Декко, он здоров? — уже с большим интересом спросил старик.

— Он тоже прекрасно себя чувствует.

— Это хорошо, — Иль на мгновение задумался. — Ты у нас самый хитрый, Джим-Джим. Кто победит на выборах?

— Наши шансы растут с каждым днем, Иль Обахмы.

— То есть у нас есть шанс?

— Есть.

— Хороший шанс или так себе?

— Хороший.

— Вы согласны, мистер Шартелль?

— Абсолютно согласен, сэр.

Иль вновь задумался. Веки прикрыли глаза. Голос звучал глухо.

— Ты не слышал о возможных неприятностях, Джим-Джим?

— Нет.

— Никакой скрытой опасности?

— Мне ничего неизвестно.

— Никакой угрозы?

— Нет, Иль Обахмы. Новости достигают ваших ушей гораздо быстрее, чем приходят к мудрейшему из нас. Вы что-то слышали и хотите, чтобы мы знали об этом?

Глаза Иля закрылись. Он откинулся на спинку стула.

— Смерть полицейского пришлась некстати. Я не знаю, связана ли она с выборами. Но я хочу сказать не о том, что слышал, вождь Дженаро, а о том, что чувствую. Ближайшие недели не обойдутся без жертв. Так было всегда, когда людям разрешали голосовать. Но я чувствую что-то еще. И пока не могу определить, что именно. Очень похожее на замирание воздуха перед грозой, — Иль открыл глаза, по очереди посмотрел на каждого из нас. — Если возникает опасность, приезжайте сюда. Никто не решится ворваться в этот дворец. Я с радостью приму вас.

Он встал. Аудиенция подошла к концу. Поднялись и мы.

— В вашей машине, господа, вы найдете маленький знак внимания. Но он не равен вашему дару. Мистер Шартелль, я слышал, что вы восхищались автомобилем, на котором я приезжал к вождю Акомоло на прошлой неделе. Он ваш. Его доставят к вашему дому сегодня вечером.

Мне уже доводилось видеть, как Шартелль с легкостью выходил из щекотливых ситуаций, но щедрость Иля потрясла и его.

— Я не могу...

— Не спорьте, — прошипел Дженаро.

— Это великий дар. Я недостойн, — Шартелль пришел в себя.

— Он старый. У меня есть несколько других. Однако он мне нравился. Скажите, смогу я купить другой «ласалль» в Соединенных Штатах?

— Боюсь, их там уже не изготавливают.

— Жаль, — Иль коротко кивнул, повернулся и вышел из комнаты.

Шартелль надел шляпу, сунул в рот сигарету, изумленно покачал головой. Мы направились к двери, попрощались с принцем, сидевшим за тем же столом, и пошли к машинам.

— Ну, друзья, я еду в буш, — напомнил нам Дженаро.

— Джимми, этот милый старичок действительно хочет подарить мне такой красивый автомобиль?

— Он ваш. Едва ли на нем проехали больше девяти тысяч миль.

— Он бы оскорбился, откажись я от подарка?

— До глубины души.

Шартелль кивнул.

— У вас есть еще минута? По пути сюда Пити пришла в голову идея, — он рассказал о моем предложении. Глаза Дженаро сверкнули.

— Они будут ездить из города в город и публично каяться?

— Совершенно верно.

— Этакие странствующие проповедники?

— Именно.

— Предоставьте это мне. Я позвоню в министерство и обо всем договорюсь. Нам нужен переносной навес, грузовики с громкоговорителями и все такое. У меня это есть.

— В министерстве информации? А как же с оплатой?

Дженаро пожал плечами.

— Если мы победим, беспокоиться будет не о чем. Если нет, мы окажемся очень-очень далеко. Мне не нравятся наши тюрьмы. Я их инспектировал.

— Ясно.

— Возьмите, — Дженаро передал Шартеллю листок бумаги. — Это мой телефон на ближайшие несколько дней. В правительственном охотничьем домике. Я буду связываться с ними дважды в день.

Он дал сторожу еще один шиллинг, убедился, что складной велосипед на месте, и покатил в свой округ, среднего роста негр в европейском костюме и солнцезащитных очках из Майами.

— Тарзан и Тимбукту, — пробурчал Шартелль. На заднем сиденье нашей машины лежали два ящика джина «Гордон». Уильям тут же убрал их в багажник. Мы залезли в кабину. Уильям завел мотор.

— Знаете, о чем я подумал, Клинт?

— О чем же?

— Вы можете не беспокоиться о том, что в вашем новом «ласалле» замерзнет вода и разорвет радиатор.

Глава 22

Мы медленно ехали по асфальтовому шоссе, петляющему по городу Обахма, в 70 милях от Убондо, в 169 милях севернее Барканду. Шартелль, как обычно, полулежал, надвинув шляпу на глаза. На конце его сигары образовался столбик серого пепла.

— Уильям, с такой скоростью мы никогда не доберемся до дома.

Уильям обернулся, его рот растянулся в улыбке, но мне показалось, что он нервничает.

— Мадам попросила меня попросить вас, маста.

— Какая мадам?

— Мадам Анна, са.

— О чем же она попросила тебя попросить нас?

— Не могли бы мы сейчас заехать в мою деревню. Это недалеко.

— Как недалеко? — спросил я.

— Сорок, может, пятьдесят миль.

— Когда ты в последний раз был дома, Уильям?

— Два года назад, са. Я получил письмо от дяди. Он пишет, что мой брат готов идти в школу. В хорошую школу, са. Мадам сказала, что она возьмет его в школу, где она работает учительницей.

Я повернулся к Шартеллю.

— Как я понимаю, мадам высказала свое желание.

— Вы правы. Уильям, мы едем в твою деревню.

— Благодарю вас, са! — он вывернул руль, и мы, едва не столкнувшись с грузовиком, по борту которого тянулась надпись «Бедность — не преступление»,

помчались в противоположном направлении.

— Как называется твоя деревня, Уильям?

— Она очень маленькая. Корийду. Очень хорошее название.

— Очень хорошее, — согласился я.

По мере движения на север тропический лес редел, появлялись большие поляны, кое-где деревья росли отдельными рощами. На повороте стадо бабуинов внезапно перебежало нам дорогу. Последний остановился на обочине и отчитал нас, махая передними лапами и строя зверские рожи.

Шартелль толкнул меня в бок.

— Смотрите, Пит. Разве это не Африка? Как он стоит и кроет нас почему зря. Ну не душка ли он?

— Бабуины, са. Очень хорошее мясо.

Шартелль обернулся, посмотрел на обезьян через заднее стекло.

— Вы же не едите их, Уильям?

— Очень вкусные, са.

— Черт побери, Пит, это же первые дикие животные, которых я увидел в Африке. Бабуины.

— Где-то здесь должны водиться слоны. И носороги. Так, во всяком случае, написано на карте.

— С удовольствием посмотрел бы на них.

— Может, нам повезет.

Нам не повезло. Мы не увидели никакой живности, кроме коз и кур. Машин становилось все меньше. Отъехав миль на пятьдесят от Обахмы, мы свернули на проселочную дорогу. Машину болтало из стороны в сторону, за нами тянулся шлейф красной пыли. Затем от дороги остались две колеи, между которыми росла трава.

— Ты знаешь, куда мы едем? — спросил Шартелль.

— Конечно знаю, са. Уже недалеко.

— Если не считать тех шестидесяти миль, что мы уже проехали, — пробурчал я.

Домов или хижин я, однако не заметил. Начали появляться люди. Они махали нам руками. Уильям в ответ нажимал на клаксон. Первым зданием, которое мы увидели, был магазин, построенный у самой колеи. Уильям заглушил мотор.

— Я куплю подарок для деревни.

— Это обычай?

— Да, са.

— Мы тоже купим подарки. У вас есть деньги, Пит?

Я дал Уильяму два фунта. Он вернулся с пачками печенья, сигарет и нюхательного табака, банками консервов, конфетами и маленькой бутылкой виски.

— Зачем виски? — спросил Шартелль.

— Для старосты деревни, са.

— Он любит джин?

— Очень любит.

— Отнеси виски назад и поменяй на сладости. Мы пожертвуем пару бутылок джина из тех, что подарил нам Иль.

От магазина до деревни Корийду мы добрались быстро. Там уже знали, что Уильям едет за рулем красивой машины и везет двух белых. Они вышли нам навстречу, все семьдесят, считая детей и собак. За квадратными, крытыми дранкой, с обмазанными глиной стенами, домами виднелись постройки, похожие на амбары. Вероятно, там

хранили зерно, если только его сеяли и убирали. Улицу покрывал толстый слой пыли. Уильям остановил «хамбер» и вылез из кабины. Его обнял старик, затем один за другим несколько мужчин помоложе. Он отвечал на вопросы, задавал их, улыбался, смеялся, махал руками. То же делали его родственники и друзья. Шартелль и я стояли у машины и наблюдали. Когда стало слишком жарко, мы перешли в тень пальм. Уильям подбежал к нам и попросил пройти с ним. Он ввел нас в самый большой дом. Внутри было прохладнее. Остальные жители деревни последовали за нами.

Три стула стояли на возвышении, и старик, который первым обнял Уильяма, предложил мне и Шартеллю занять два из них. Сам он сел посередине. Уильям сбегал к машине и принес подарки, не забыв прихватить две бутылки джина. Произнес короткую речь на диалекте и вручил старику обе бутылки. Восторги, вызванные дорогим подарком, не утихали с четверть часа. Затем старик протянул нам две бутылки без этикеток. Шартелль встал и в ответном пятиминутном слове поблагодарил хозяев от имени Соединенных Штатов, Линдона Джонсона, вождя Акомоло, партии, Падрейка Даффи, Анны Кидд, вдовы Клод, себя и меня. Коснулся он также важных обязанностей, выполнение которых возложено в Убондо на Уильяма. Он сел под громовые овалы.

Старик настоял, чтобы мы отведали прозрачной жидкости из подаренных нам бутылок. Я спросил Уильяма, что в них.

— Джин, са. Местный джин.

— О боже.

— Очень хороший, са.

Шартелль отвернул пробку и глотнул. Я подождал, не упадет ли Шартелль без чувств. Он не упал, так что и я отхлебнул из своей бутылки. Джин оказался ничего. Мне приходилось пить и похуже. Но редко. Уильям раздал сигареты молодым мужчинам, нюхательный табак тем, кто постарше, сладости и печенье — детям. Из толпы вынырнула женщина и начала в чем-то убеждать Уильяма. Тот отмахнулся. Женщина настаивала, и Уильям сдался. Мы с Шартеллем решились еще на один глоток местного джина.

— Маста, женщина хочет, чтобы вы осмотрели ее ребенка.

— Зачем?

— Она говорит, что он болеет.

— Что с ним?

— Он болеет уже три-четыре дня. Все время кричит.

— Она хочет, чтобы я пошел с ней?

— Ребенок на улице. Она принесет его сюда.

Шартелль вздохнул.

— Хорошо, я его посмотрю.

Уильям что-то резко сказал женщине. Возможно, он собирался стать старостой и готовился к будущей работе. Женщина пробралась к двери. Жители деревни стояли, сидели, курили, ели печенье и сосали конфеты, взрослые передавали друг другу привезенные нами бутылки. Женщина вернулась с голым ребенком, завернутым в кусок синей материи. Мальчиком. Он орал, закрыв глаза, животик надулся и закаменел. Она положила ребенка у ног Шартелля, отступила в толпу. Шартелль присел на корточки. Ребенок кричал от боли. Шартелль погладил его по головке, нажал на живот, посмотрел в рот, пощупал за локти и колени.

— Уильям, мне нужен кипятилок.

— Зачем? Ребенок уже родился, — напомнил я.

— С ним все в порядке, не считая рахита, раз ему не дают витаминов, и колик в желудке. Я знаю, чем его вылечить.

— Чем же?

— Диким мясом. Растереть в кашу и скормить ребенку. Желудок очистится и все пройдет.

— Так зачем нужен кипяток?

— Ребенка нужно успокоить. Он не будет есть в таком состоянии.

— И где вы возьмете успокоительное?

Шартелль улыбнулся.

— Юноша, смотрите и учитесь. Сейчас вы увидите самое древнее в истории человечества успокоительное средство.

Уильям принес маленький примус с котелком кипящей воды.

— Мне нужен сахар, Уильям. Примерно с фунт. Песка или кускового.

Уильям перевел просьбу Шартелля толпе. Три женщины выбежали из хижины, остальные сгрудились теснее, чтобы лучше видеть представление, которое давал доктор Шартелль. Женщины принесли сахар-песок в кульках из газеты. Шартелль глянул в котелок и попросил Уильяма вылить половину воды на пол. Уильям вылил, и толпа отпрянула назад. Затем поставил котелок на примус.

— Дай мне чистую маленькую палочку, Уильям, — не унимался Шартелль.

Получив требуемое, он высыпал в котелок содержимое одного кулька, одновременно помешивая варево. Ребенок орал, не переставая.

— Уильям, пусть мне принесут самого большого петуха.

— Да, са! — Уильям перевел просьбу.

— Ах-х-х! — ответила толпа.

Наконец-то белый идиот перестал валять дурака. Он решил принести петуха в жертву богам. Появился петух. Кто-то предложил свой нож.

— Просто держите его, — пояснил Шартелль.

Он уже высыпал в котелок весь песок, но продолжал помешивать густой сироп. Затем плеснул в котелок немного привезенного нами джина. Встал.

— Поверните петуха ко мне хвостом и держите покрепче, — сказал он Уильяму, а тот — владельцу петуха.

Шартелль внимательно обследовал хвост, выбрал самое длинное, самое пышное перо и выдернул его. Петух возмущенно заквахтал, ребенок заорал с новой силой. А Шартелль опустил перо в сироп и покрутил его в тягучей сладкой жидкости. Затем помахал в воздухе, чтобы остудить. И дал ребенку, который потащил перо, точнее, кончик пера, в рот. Он перестал вопить и принялся сосать перо. Теперь он только изредка всхлипывал. Чем дольше он сосал перо, тем более липким оно становилось. Ему это нравилось. Он загукал от удовольствия и провел по лицу сладким липким пером. Затем по животу. Вновь сунул перо в рот.

— Вернее средства нет, — заверил меня Шартелль. — Теперь он уже не заплачет. А все дело в том, что я добавил в сироп спиртного. Дети это любят. На всех континентах.

Он повернулся к Уильяму и объяснил ему, как использовать кашу дикого мяса, чтобы вылечить колику. Уильям перевел его слова матери ребенка и зачарованным зрителям... Та подняла ребенка, не вынимавшего перо изо рта, застенчиво улыбнулась Шартеллю и метнулась к толпе, расступившейся перед ней.

Шартелль и я глотнули местного джина и вышли на улицу.

— Забирай брата, Уильям, — сказал я. — Нам пора ехать.

— Он здесь, са, — Уильям указал на маленького мальчика в шортах цвета хаки и белой майке, выглядывавшего из-за юбки толстой женщины, очевидно, его матери. После короткой фразы Уильяма мальчик взял его за руку.

— Это Кобо, са. Мой брат.

— Привет, юный друг, — улыбнулся Шартелль. Мальчик ткнул носом в бок Уильяма.

— Это твой настоящий брат? — поинтересовался я.

— Очень близкий, са, — ответил Уильям, и у меня не хватило духа спросить, что он имел в виду.

Старик, преподнесший нам джин, принес еще один подарок — живую курицу. Он протянул ее Шартеллю, который, с обычным для него шармом, взял курицу и произнес благодарственную речь, уложившись в две минуты. Селяне окружили машину, Уильям важно сел за руль, Кобо с курицей устроился рядом. Шартелль раздал пару горстей значков «Я ЗА АКО». Мы пожали руку старосте и всем желающим и залезли на заднее сиденье. Уильям развернулся, и мы уехали. Мне показалось, что женщина, за юбку которой держался Кобо, всплакнула. Какое-то время она бежала за машиной, вместе с мальчишками. Кобо смотрел прямо перед собой, поглаживая курицу. Он связал ей лапки.

Не менее получаса в машине стояла тишина. Затем курица закудаhtала, но скоро успокоилась. Кобо обернулся, смущенно улыбаясь. Поднял руку. На ладони лежало яйцо. Кобо протянул его Шартеллю.

Тот улыбнулся и взял яйцо.

— Спасибо, сынок. Большое тебе спасибо.

Глава 23

Сейчас уже трудно вспомнить, когда началась эта история с хулиганами, то ли через три, то ли через четыре недели после убийства капитана Читвуда на подъездной дорожке к нашему дому. В Западной Африке притупляется чувство времени. Дни начинаются с чашки чая, и каждое утро такое же, как и предыдущее. Распускаются и увядают цветы, чтобы распуститься вновь, вне зависимости от сезона. В Западной Африке всегда июль. Жаркий июль.

С какого-то момента банды, нанятые политическими партиями, решили расширить сферу своей деятельности. Их нанимали за несколько шиллингов в день для того, чтобы срывать митинги оппозиции и мешать выступлениям ораторов, затем банды переместились на дороги, устраивали засады, грабили пассажиров личных автомобилей и автобусов.

Первым сдался вождь Акомоло. И приказал исполняющему обязанности капитана полиции Ослако покончить с разбоем на дорогах. Ослако прибавилось хлопот. Нехватка людей и быстрые машины грабителей ограничивали его возможности. Они могли перегородить шоссе в шесть утра в Западной провинции, а семью часами позже орудовали уже на востоке или на севере, куда не распространялась власть капитана. Но Ослако удалось арестовать нескольких хулиганов, а кое-кого и убить. А после того, как наведением порядка на дорогах занялись и в других провинциях, грабежи прекратились.

В конце четвертой или начале пятой недели предвыборной кампании, как раз после завершения дорожной эпопеи, Ослако заглянул ко мне. Я сидел на крыльце ипил чай со льдом. Шартелль и Дженаро отправились в инспекционную поездку, а я просматривал материалы следующего номера нашего еженедельника, выходящего, по причуде владельца типографии, то по четвергам, то по пятницам. Кроме того, каждое утро и вечер я готовил сообщение для прессы, следил, чтобы значки, веера и пластиковые бумажники попадали по назначению. Кампания шла довольно гладко. Гладко для Альбертии. Правда, одну партию значков задержали в Аккре. Правящие там военные решили, что значки будут способствовать возвращению к власти режима Нкрумы. Наверное, они до сих пор ржавеют в Аккре.

Значками обзавелись все партии. Белые, с синей надписью «ХЕЙ», украшали грудь сторонников Алхейджи сэра Алакада Меджара Фулавы, на востоке выбрали надпись «КОК», по инициалам доктора Кенсингтона О. Колого. Наши были самыми большими, диаметром в два с половиной дюйма, с красным круговым лозунгом «Я ЗА АКО» и символом партии, перекрещенными лопатой и мотыгой посередине. Шартелль полагал, что это «чертовски агрессивные значки». Мне они казались просто большими.

— Вы словно на отдыхе, мистер Апшоу, — заметил капитан Ослако после того, как сел передо мной и принял принесенную Самюэлем бутылку холодного пива.

— Это ненадолго.

— Наверное, нет. Эти хулиганы доставили нам немало хлопот. Но теперь, я думаю, с ними покончено.

— После того, как нескольких убили, остальные поняли, что вы не шутите.

— Как любил говорить капитан Читвуд: «Мои люди любят свою работу».

— Он был профессионалом.

— Вы хорошо его знали?

— Нет. Я видел его лишь однажды. Он заходил к нам по-соседски, познакомиться.

— Неординарный человек. У него были фантастические источники информации.

— Он говорил, что прожил здесь много лет.

Капитан Ослако положил ногу на ногу. Я решил, что ему жарко в брюках и белых носках из тонкой шерсти.

— Вы не знаете, почему он пришел к вам в тот вечер... когда его убили?

— Нет. А вы уверены, что он шел к нам?

— Его убили на вашей подъездной дорожке.

— Возможно, его перетащили туда с шоссе.

— Но тело могли спрятать и в более укромном месте.

— Возможно.

— Его вдова говорит, что он вышел прогуляться, — произнесенное им слово «вдова» заставило меня вспомнить комментарий моего первого редактора по поводу написанного мною некролога: «Мистер Апшоу, мистер Джонс умер лишь несколько часов назад. Миссис Джонс все оставшиеся годы, возможно, будет вдовой. Проявим великодушие и назовем ее женой, а не вдовой».

— Значит, так оно и было. Он вышел погулять.

— Кое-кто полагает, что его убийство поощрило хулиганов к дорожным грабегам. Смерть капитана полиции дала им право творить беззаконие.

— А что вы об этом думаете?

— Откровенно говоря, не знаю. Я не верю в обычное ограбление. Капитан Читвуд был слишком хорошим полицейским, чтобы подпустить к себе вора.

— И я того же мнения.

— Возможно, с ним решили поквитаться за личную обиду. А может, он узнал то, чего знать ему не следовало.

— И его убили, чтобы он замолчал навсегда.

— Именно.

— Версий у вас в избытке, капитан.

Ослако вздохнул.

— Много версий, но мало фактов. Я даже подумал, что его убили из-за некоей информации, которая могла бы повлиять на исход выборов, если бы дошла до ваших ушей. Но вы это не подтверждаете.

— Насколько мне известно, никакой информации у него не было.

— Вы обсуждали предвыборную кампанию?

— Да. Мы говорили о подсчете голосов, о контроле за избирательными участками и тому подобном. Только о технических деталях.

Ослако встал.

— Спасибо за пиво, мистер Апшоу. Как я понимаю, мистера Шартелля в городе нет?

— Да, он уехал с вождем Дженаро.

Мы попрощались, и капитан Ослако ушел. Его бывший босс подготовил достойную замену. Я подумал, а не стоило ли сказать ему о букве, которую успел написать в грязи Читвуд. И решил обсудить это с Шартеллем.

Одной из целей поездки Шартелля и Дженаро являлась инспекция публичных покаяний, которые шли полным ходом, а в главных ролях выступали оба предателя, благополучно вернувшиеся под крылышко вождя Акомоло. Я написал каждому цветистую речь, изобилующую грязными подробностями сманивания их в лагерь оппозиции, с обещанием денег и плотских удовольствий. Как следовало из этих речей, тот, кто отправился на север, получил больше денег и принимали его как особу королевской крови. Пиршества длились три дня и три ночи, и я не скупился на детали, от которых рты слушателей переполнялись слюной. Возмутилась даже моя совесть, и я спросил Шартелля, не стоит ли мне поменьше фантазировать? Мой вопрос вызвал у него ухмылку, и он ответил: «Нас же не просят нести в народ слово правды, Пити».

Предатель, отправившийся на восток, адвокат, оказался плохим актером. Мы решили, что он будет выступать последним. Ровным, спокойным голосом, строго придерживаясь полученного от меня текста, он рассказал об удовольствиях, выпавших на его долю.

Их возвращение в стан Акомоло вызвало интерес избирателей. Нам начали докладывать, что их покаянные митинги собирают больше народу, чем выступления Декко или Акомоло. Шартелль и Дженаро захотели побывать на одном из них.

В тот день, когда ко мне зашел капитан Ослако, Анна была занята в школе, и я обедал один. Затем вновь вернулся на веранду, попросил принести мне кофе и бренди. Вскоре заговорили барабаны. Я узнал выводимую ими фразу: «Я ЗА АКО». Днем позже барабаны должны были помянуть несущие беду дымы в небе. Мы слышали, что одного из пилотов, летающих на самолетах «Ренесслейра», забросали камнями в аэропорту, где он приземлился, чтобы заправиться.

От него требовалось написать лишь одно сообщение для прессы, восхваляющее усилия вождя Акомоло в переговорах с Ассоциацией золотарей Альбертии, забастовка которых продолжалась уже неделю.

Дженаро удалось договориться с генеральным секретарем альбертийских тред-юнионов. Во что это ему обошлось, я не спрашивал. В качестве премии генеральный секретарь обещал нам поддержку Национального профсоюза безработных, число членов которого быстро увеличивалось. Она могла прийтись весьма кстати, если требовалось увеличить аудиторию, выставить пикеты или просто пошуметь на улицах.

Недельная забастовка золотарей оказалась весьма чувствительной для населения Убондо, Барканду и других больших городов на севере и востоке страны. В некоторых районах Убондо так воняло, что осталось только искренне пожалеть тамошних жителей.

Сборщики нечистот требовали повышения жалованья на шиллинг в день, шоферы машин, на которых вывозились нечистоты, просили шиллинг и шесть пенсов, в силу их более высокого профессионального статуса. Когда вонь стала совершенно непереносимой, вождь Акомоло предложил свои услуги в разрешении конфликта. После двенадцатичасовых переговоров (они начались в шесть вечера и закончились в шесть утра, я, естественно, выпятил эту тонкость), вождь вышел из традиционно закрытых дверей, чтобы объявить о достигнутом компромиссе. Сборщики получили прибавку в девять пенсов, водители — в шиллинг. Плата за вывоз нечистот возростала на 8,3 процента. Я предложил неровную цифру, чтобы у обывателей создалось впечатление, что она родилась в результате жарких споров и тщательных расчетов.

— Вождь вышел из борьбы с нечистотами благоухающий, как утренняя роза, — прокомментировал Шартелль исход переговоров. Он вернулся на другой день после визита Ослако. Ночевал он теперь у вдовы Клод, а днем мы совещались с вождями Акомоло и Декко по телефону. Вертолеты перекрасили в серебристый цвет. Один украшала синяя надпись «АКО», второй — красная «ДЕККО».

* * *

Оба пилота не знали страха и усталости. Если они видели группу в пять человек, то бросали машины вниз, чтобы кандидаты могли выйти и пожать руки избирателям. Декко произносил по двадцать пять речей в день. Он начинал в пять утра и заканчивал в полночь. Когда из-за темноты Вейл отказывался подниматься в воздух, он пересаживался на автомобиль и даже на велосипед.

Вождь Акомоло, старше по возрасту и не такой выносливый, ограничивался двенадцатью выступлениями, не считая бесчисленных обедов, банкетов и ленчей. Основное внимание он уделял северному и восточному регионам, оставив запад Декко. К Дженаро и Диокаду приходили радостные, даже оптимистичные рапорты. Содержавшиеся в них сведения о числе сторонников Акомоло Дженаро делил пополам, но зеленых флажков на карте заметно прибавилось.

За день до массового митинга на ипподроме Убондо, где намечались выступления всех трех кандидатов, нам позвонил Джек Вудринг из Информационной службы США.

— Это короткостриженный молодой человек из Информационной службы.

— У нас нет вакансий.

— К вам едут гости.

— Кто?

— Многоуважаемый Феликс Крамер, генеральный консул США, и на йоту менее уважаемый Кларнс Койт, его советник по политическим вопросам. Вы с ним

встречались.

— Я помню.

— Они приедут днем, но не останутся на обед. Кормить их буду я. Вы с Клинтом сможете прийти? У нас есть гашиш.

— Ну...

— Будем считать, что вы заняты. Пообедаем в другой раз.

— Благодарю, Джек.

Мы попрощались, я положил трубку и повернулся к Шартеллю.

— Феликс Крамер заедет к нам сегодня с Койтом.

— Приехали на митинг?

— Похоже, что да.

Шартелль и я то утро провели вдвоем, пытаюсь понять, достигла ли пика предвыборная кампания. И решили, что нет, она еще набирает ход, но и оппозиция не собирается сдаваться без боя. Мы пришли к выводу, что наши шансы на победу не хуже, чем у других кандидатов, и продолжают расти. Ленч мы также съели вдвоем: Анна учила детей, Клод управляла винным магазином. Нам подали гамбургеры с репчатым луком, салатом и майонезом с жареным картофелем. Пили мы немецкое вино.

— Очень хороший ленч, — похвалил Шартелль Самюэля.

— Мадам научили меня. — Они — очень хороший учитель, — и наш повар скрылся на кухне, которую Анна и вдова Клод отмыли добела. Самюэль ворчал, но качество пищи улучшилось. Он быстро научился готовить основные блюда американской кухни. И смешивать вполне сносный мартини.

— Мы испортили бедняге карьеру, — заметил я.

— Почему?

— Ни один англичанин не наймет его, узнав, что он работал у американцев. Мы их балуем.

— Скоро здесь будет куда больше американцев, чем англичан. Старина Самюэль не останется без работы. Вы заплатили им за этот месяц?

— Да.

— Знаете, Пит, я дал по паре лишних фунтов. Тем более, что за все платит Поросенок.

— Тем более, а? Прекрасно. Я и так поднял им жалованье на два фунта.

— То есть мы оба поняли, что слугам Альбертии недоплачивают.

Мы пили кофе, когда к крыльцу подкатил «кадиллак» Крамера с развевающимся американским флажком на крыле. Крамер вылез из кабины первым. Лет сорока восьми, а может и пятидесяти, с наметившимся брюшком. Темно-карие глаза, загорелая лысина, короткие волосы по сторонам, щедро усыпанные сединой. Следом показался Койт.

Шартелль и я сидели на веранде.

— Если вы еще не успели поесть, друзья, я могу предложить вам по паре гамбургеров и бутылке пива. Я Клинт Шартелль, мистер Крамер, а это Пит Апшоу. Привет, мистер Койт.

Крамер в легком синем костюме и черных полуботинках поднялся по ступенькам и пожал нам руки.

— Я презираю себя за это, мистер Шартелль, но мы еще не ели, и я не могу устоять перед гамбургером, — мы обменялись рукопожатиями и с Койтом, и он сказал, что

тоже не откажется от гамбургера. Я кликнул Самюэля. Пока жарились гамбургеры, он принес нам с Шартеллем кофе, а Койту и Крамеру — по бутылке холодного пива.

— Сожалею, что не смог повидаться с вами в Барканду, господа, — Крамер отпил пива, — но рад, что вы переговорили с Кларенсом.

— Мы мило побеседовали, — кивнул Шартелль. — Вы приехали на митинг, мистер Крамер?

— В общем-то, да. Позвольте спросить, кто победит?

— Акомоло с подавляющим преимуществом.

— Это ваше частное или профессиональное мнение? — спросил Койт.

— Я не отделяю одно от другого.

— Я слышал, что шансы Колого растут, — добавил Койт.

— Наверное, вы говорили с теми молодыми людьми из Штатов, которые ведут его кампанию. Они из нового агентства в Филадельфии. Вы помните, как оно называется, Пит?

— «Коммуникейшн. Инк.». Никогда не слышал о нем раньше.

— А вы слышали о нем, мистер Койт?

— Да, — ответил резидент ЦРУ. — Похоже, его репутация очень высока, несмотря на то что образовалось оно недавно.

— Странно, что я понятия не имел о его существовании, — не унимался Шартелль.

— Какой эффект, по-вашему, мистер Шартелль, дают самолеты, пишущие лозунги в небе? — спросил Крамер.

— Ну, я думаю, они приносят оппозиции много пользы. Нам, конечно, от них только хлопоты. Я сожалею, что не додумался до этого первым.

— Я слышал, что их использование привело к неожиданным и малоприятным последствиям.

— Неужели?

— В народе прошли разговоры, что дым, которым пишут слова, вызывает бездетность и импотенцию.

— Не может быть, — изумился Шартелль.

— А у доктора Колого дирижабль? — спросил я.

Крамер кивнул.

— Гудйировский дирижабль?

Вновь кивок.

— Они просто неистошмы на идеи, не правда ли, Клинт?

— Похоже, что так.

Самюэль принес гамбургеры и поставил тарелки перед Крамером и Койтом. Они жадно набросились на еду, а я попросил Самюэля принести им еще по бутылке пива.

— Интересно, как перевезли сюда этот дирижабль?

— Как я понимаю, — ответил мне Крамер, — его разобрали на секции, доставили в Альбертию самолетом и вновь собрали.

Тут я задумался, а знает ли генеральный консул, кого представляет мистер Койт.

— Должно быть, транспортировка обошлась Колого в кругленькую сумму.

Койт отпил пива.

— «Гудйир» намерен использовать дирижабль для миссии доброй воли по странам Африки и Европы.

— Мне казалось, что правительство США ввело эмбарго на экспорт гелия.

— Его сняли.

— Вообще или только для этого случая?

Койт и бровью не повел.

— Для этого случая.

— Прекрасная идея, — вмешался Шартелль. — Парящий в небе дирижабль с именем «Колого», сверкающим по бокам, и развевающееся позади полотнище длиной в сотню метров с тем же именем. Хотел бы я взглянуть на это зрелище. Такой дирижабль принес бы множество голосов.

— Не знаю, мистер Шартелль, — Крамер подавил отрывку. — Должен сказать, что ваши более традиционные методы дают лучшие результаты. Из-за дирижабля консульство получает много протестов. Кто-то пустил слух, что в нем атомная бомба. Я не знаю, откуда это идет, но даже французы обратились к нам с неофициальным запросом.

Койт сменил тему разговора.

— Так вы убеждены, что Акомоло победит? Он много ездит по стране. Он и Декко.

— Давайте скажем, что мы уверены в его победе. Между прочим, мистер Крамер, полагаю, вы слышали об убийстве капитана Читвуда?

— Да, к сожалению. Я с ним встречался, и он произвел на меня самое благоприятное впечатление.

— Его искололи ножами прямо на нашей подъездной дорожке, — Шартелль взглянул на Койта.

— Убийцу нашли? — спросил Койт.

— Пока еще нет.

— Ограбление?

— Это одна из версий, — ответил я.

— Вы хотите сказать, что есть и другие?

— Предполагают, что он узнал какие-то сведения, и кто-то не хотел, чтобы они стали достоянием гласности. Когда не осталось сомнений, что Читвуд заговорит, его убили. Некоторые думают, что это дело рук дорожных банд.

— А ваша версия? — поинтересовался Койт.

— У нас ее нет, — ответил Шартелль. — Мы виделись с ним лишь однажды, а в тот вечер играли в покер.

— Вас никто не беспокоил? — спросил Крамер.

— Нет.

— Странно, что его убили у вашего дома, — изрек Койт.

— Еще бы, — согласился с ним Шартелль.

Разговор вновь вернулся к избирательной кампании, и мы показали им карту с зелеными, желтыми и красными флажками. Крамер с интересом оглядел ее, а Койт буквально впился взглядом, словно хотел сфотографировать.

— Передайте мои наилучшие пожелания вождю Акомоло, — Крамер улыбнулся Шартеллю. — Я внимательно слежу за вашей деятельностью, мистер Шартелль. Каким бы ни был исход голосования, вы, как мне кажется, сделали для своего кандидата все, что в ваших силах.

— Благодарю вас, сэр.

Мы пожали друг другу руки, они загрузились в «кадиллак» и отбыли.

— Им, несомненно, понравились гамбургеры, — заметил Шартелль.

— Койт не клюнул на Читвуда?

— Тут вы правы. Или он хороший актер, или действительно не имеет никакого

отношения к его смерти.

Глава 24

Анна, вдова Клод, Шартелль и я отправились на предвыборный митинг в большом белом «ласалле». Мы купили Уильяму новую рубашку и брюки. Он вел машину, а мы расположились сзади, Шартелль и Клод на заднем, Анна и я — на откидных сиденьях.

Альбертийцы узнавали автомобиль, и кое-кто из них падал ниц, думая, что в нем едет Иль. Их более глазастые друзья поднимали лежащих смехом и пинками. Всех, кто кланялся, Шартелль благословлял дымящейся сигарой. На ипподроме собралось не меньше двухсот пятидесяти тысяч. Специальный пропуск, полученный от вождя Акомоло, позволил нам въехать на поле. Уильям заглушил двигатель, и мы решили остаться в машине. Да и куда мы могли пойти, если вокруг колыхалось бесконечное людское море. В толпе сновали лотошники, разнося еду, прохладительные напитки, сладости. Грудь некоторых из присутствующих украшали значки всех кандидатов. Тут были правительственные чиновники в аккуратных белых костюмах и крестьяне в шортах и майках. Северяне в развевающихся бурнусах и бизнесмены из Барканду. Мы сидели в тени зонтиков, предусмотрительно захваченных мадам Клод, ожидая начала представления.

Наконец, в небе появились два низко летящих вертолета. Зависнув над ипподромом, они опустились в сотне ярдов от нас. Первым вышел вождь Акомоло, к нему присоединился вождь Декко, и вдвоем они направились к трибуне.

Алхейджи сэра Алакада Меджара Фулава прибыл на «мерседесе 600» в сопровождении эскорта из четырех мотоциклистов. «Мерседес» доставил сэра Алакада прямо к подножию трибуны.

Доктор Кенсингтон Колого приехал в «кадиллаке». Когда он выходил из машины, его очки сверкали на солнце. Фулаву и Колого сопровождала свита из нескольких помощников. Вождя Акомоло — только Декко.

— Важные шишки, Сэм, это видно по их большим автомобилям, — Джимми Дженаро, в спортивного покроя пиджаке, желтой рубашке с отложным воротничком, светло-бежевых брюках, неизменных солнцезащитных очках и коричневой соломенной шляпе пожал нам руки и сел рядом с Уильямом.

— Что нового? — спросил он.

— Вроде бы ничего, Джимми. Ждем выступлений кандидатов.

— Они поменяли планы. Решили притащить сюда и самолеты, и дирижабль.

— Когда вы узнали об этом?

— Вчера ночью. Поздно. Но успел связаться со своими людьми. Все они здесь, в толпе.

— Так это прекрасно.

— У меня возникла еще одна идея.

— Какая же?

— Увидите сами. Если ничего не получится, будем считать, что я ничего вам не говорил.

— Когда они должны начать? — спросила мадам Клод.

Джимми взглянул на часы.

— Скоро. Каждому дан ровно час.

— Тогда пора и перекусить, — решила Клод. — Джимми, вы составите нам

компанию?

— Конечно.

Ленч состоял из маленьких сэндвичей, очень холодного шампанского и фаршированных яиц.

— Не представляю, когда она все это успела, — удивлялась Анна. — Я встала рано, поехала к ней, чтобы помочь, но она уже все приготовила, а сама выглядела так, словно только что проснулась и приняла душ. И еще извинилась, что кофе будет готов через две минуты и мне придется подождать.

— Не говори глупостей, Анна, — возражала Клод, — ты мне очень помогла.

Мы сидели в «ласалле», ели сэндвичи и запивали их шампанским. Уильям от шампанского отказался, но съел полдюжины яиц.

Тем временем Иба¹⁵ Убондо предоставил слово вождю Акомоло. Ему хлопали восемь минут и сорок пять секунд. Я не удивился столь теплому приему: он выступал в родных стенах. Вождь произнес Речь. Она чуть изменилась, но в целом осталась такой же, как я ее написал. Говорил он хорошо, и некоторые фразы слушались лучше, чем читались. Речь заняла пятьдесят одну минуту. Овация длилась еще одиннадцать с половиной минут.

* * *

После музыкальной паузы выступил Фулава. Мне понравился и его бас, и оксфордский акцент. Шестьдесят три минуты описывал он счастливые будни, которые ждали нацию после получения независимости. Хлопали ему семь минут и пятнадцать секунд.

Доктор Колого понял, что слушатели устали, и уложился в двадцать девять минут.

Пока ему аплодировали, в небе появился самолет и прочертил первую полосу буквы "X" слова ХЕЙ. Толпа взволнованно загудела. Стоящий у нашей машины хорошо одетый альбертиец, в белом костюме, рубашке и галстукe, повернулся к Джимми Дженаро.

— Сэр, это правда, что дымы с самолета уничтожают мужскую силу? — он непроизвольно коснулся ширинки.

— Напрасно ты тратишь на нас время, Джек, — резко ответил Дженаро.

— Простите? Я из Барканду и специально приехал на митинг, чтобы послушать кандидатов. Но эти слухи беспокоят меня.

— Так вы не из Убондо? — сразу смягчился Джимми.

— Нет. Из Барканду. У вас говорят о самолетных дымах?

— Да, — кивнул Дженаро. — Я слышал об этом и меня это очень тревожит.

— Этого нельзя было допускать.

— Вы совершенно правы, мой друг. Ответственность, естественно, ложится на кандидата.

— Может, он не знает?

— Тогда избиратели должны сказать ему на голосовании.

Мужчина задумался.

— Благодарю вас. Вы говорите дело.

— Не твой человек? — спросил Шартелль.

— Доброволец, — радостно ответил Дженаро. — И он действительно обеспокоен.

Буквы в небе выписывал «АТ-6» производства «Норт Америкэн». Он закончил букву "X", когда оба вертолета оторвались от земли. Вождь Акомоло и Декко по-прежнему стояли на трибуне. Споры об опасности дыма становились все жарче. В двадцати футах от нас дело дошло до драки. А вертолеты поднимались все выше.

— Он пишет на девяти тысячах футов, — заметил Дженаро.

Шартелль ухмыльнулся.

— Они разгонят злой дым, не так ли, Джимми.

— Совершенно верно.

Американец добрался до буквы первым и прошел винтами по белой полосе. Толпа одобрительно заревела. Пилот «АТ-6» увидел, что происходит, и начал выписывать "X" в другом месте. Но южноафриканец свел его потуги на нет. Собравшиеся на ипподроме ревели от восторга. Уильям выскочил из машины и прыгал, хлопая в ладоши.

Пилот самолета вышел из себя и спикировал на нашего американца, пытаясь отогнать его в сторону. Но не на того напал. Американец словно и не заметил его, а винты вертолета продолжали разгонять белый дым.

Слева показался дирижабль. Южноафриканец решил, что его американский коллега справится с буквами сам и бросил свой вертолет навстречу дирижаблю. Вновь облегченно вздохнула толпа. К нашей машине протиснулся молодой высокий негр. В американском костюме, кипящий от ярости.

— Вы — Клинт Шартелль? — осведомился он.

— Да, сэр, это я.

— Отзовите их, Шартелль, — негр говорил с массачусеттским акцентом.

— Кого, сэр?

— Ваши проклятые вертолеты.

— Как зовут вас, юноша?

— Не называйте меня юношей, белый мерзавец! Я — Колхун из «Ренесслейра».

Отзовите их.

Шартелль хохотнул.

— Рад с вами познакомиться. Позвольте представить вам мадам Дюкесн. Анна Кидд. Мой помощник, мистер Апшоу. И вождь Дженаро, министр информации Западной провинции, которому, собственно, вам и следует изложить вашу просьбу. — Шартелль откинулся на кожаное сиденье и плотоядно улыбнулся.

Дженаро поймал Колхуна за руку и развернул к себе лицом. На этот раз под солнцезащитными очками не было и тени улыбки.

— Ну, юноша, что я могу для вас сделать? — с чистым кливлендским произношением спросил он.

Колхун вырвал руку.

— Отзовите эти вертолеты. Мы имеем право использовать небо.

— Не могу. Они не радиофицированы.

Тело Колхуна сотрясало от злобы. Он сжимал и разжимал кулаки. А затем повернулся и исчез в толпе.

К тому времени южноафриканцу уже удалось развернуть дирижабль и погнать его прочь. Когда пилот дирижабля пытался сманеврировать, чтобы приблизиться к ипподрому, южноафриканец под одобрительные крики сближался с ним вплотную. Лопасты винтов разве что не касались оболочки дирижабля.

— А если он порвет оболочку, Пит? — спросила Анна.

— Я думаю, ничего не случится. Дирижабли разделены на секции. Похоже, нашему южноафриканцу очень хочется посмотреть, что находится внутри одной из них.

Пилот «АТ-6» сдался, покачал крыльями, признавая свое поражение, и улетел. И дирижабль прекратил попытки прорваться к ипподрому и вскоре скрылся из виду.

Оба вертолета прошли над полем под крики: «Ако! Ако!» Перед посадкой пилоты показали несколько фигур пилотажа, синхронно поднимаясь, опускаясь, перемещаясь вправо-влево.

Улыбка уже не сходила с лица Дженаро.

— Слово о том, как машины Ако очистили небо от злых духов, достигнет самых далеких уголков, Пит.

— Как я понимаю, эти ребята получают премию, — заметил Шартелль.

— Какую премию! Они потребовали по двести пятьдесят долларов вперед. Ну, пойду собирать своих людей. Нельзя терять времени, — он попрощался с нами и растворился в толпе.

Шартелль восхищенно покачал головой.

— Ну до чего умный ниггер, — в его устах эти слова прозвучали, как высочайшая похвала.

Глава 25

Количество зеленых флажков на карте Альбертии в нашем доме все увеличивалось. В четверг, за три дня до выборов, назначенных на понедельник, нам стало ясно, что после подсчета голосов вождю Акомоло поручат формирование правительства.

Шартеллю нравилось стоять перед картой, попыхивая сигарой, с довольной улыбкой на лице. Изредка один из телефонистов, проданный нам Дженаро, подходил к карте и менял очередной желтый флажок на зеленый. Бывали случаи, когда красный флажок уступал место желтому, указывая на то, что округ, ранее поддерживающий Фулаву или Колого, засомневался в своем выборе.

— Должен признать, что нанести большего вреда мы бы им не смогли, — в четверг днем мы с Шартеллем сидели в гостиной, пили чай со льдом и ели маленькие сэндвичи, приготовленные Самюэлем. Под руководством Клод и Анны он продолжал овладевать секретами американской и европейской кухни.

— Что ж, будем сидеть на веранде и пить джин с тоником. Или у вас есть какая-то идея?

— Я тут переговорил с вдовой Клод. Она знает одно местечко в соседней стране, там правят французы и все такое. Ее знакомый — владелец курорта на берегу лагуны... В Африке есть лагуны?

— Понятия не имею.

— Вдова говорит, что там хороший пляж и маленькие коттеджи, а еда, по ее словам, просто восхитительная, то есть по меньшей мере съедобная. Если мисс Анна сможет уговорить Корпус мира обойтись без ее услуг пару дней, почему бы нам не поехать туда и не расслабиться? Я даже напьюсь, если буду в таком же хорошем расположении духа, как сейчас. Что вы на это скажете?

— Я в восторге.

Шартелль отпил чаю.

— Иногда срабатывает шестое чувство, Пит. Победа близка, и я ее чувствую. И мне

это нравится. У вас нет такого чувства?

— Не знаю. У меня не столь обостренный нюх. Но будь я проклят, если мы можем сделать что-то еще.

Шартелль поставил бокал на стол и потянулся.

— Вы хорошо поработали, Пит. Лучше, чем кто бы то ни было, с кем мне приходилось иметь дело. Возможно, мы проведем вместе еще не одну кампанию.

— Возможно, — кивнул я.

Анна и я приехали на курорт в соседнюю страну следующим днем. Он называется «Ле Холидей Инн». Нас встретил хозяин и администратор курорта, низенький толстячок-француз Жан Арсеню. Как предупредила нас вдова Клод, он любил поесть и особенно выпить, причем начинал с самого утра.

«Ле Холидей Инн» состоял из шести кабинок на берегу маленькой бухты с песчаным пляжем. Кабинки стояли в тени кокосовых пальм, а пляж начинался у дверей. Небольшой павильон служил столовой. Месье Арсеню жил в домике, часть которого занимала кухня курорта. Когда мы приехали, все кабинки были свободны.

Шартелль и Клод задержались на несколько часов, потому что Шартелль решил еще раз пройтись по центру Убондо.

— Хочу убедиться, что все в порядке, Пит. Я и вдова Клод приедем на «ласалле».

Едва мы занесли вещи в кабинку, месье Арсеню предложил нам распить бутылочку вина. Мы не отказались. Как выяснилось, наш хозяин любил не только выпить, но и поговорить. С Де Голля мы перешли на печень месье Арсеню, который уверял нас, что причина его болезни — плохая местная вода. Из-за этого ему приходится ограничиваться только вином. Я обратил его внимание, что вина осталось на доньшке. Официант тут же принес вторую бутылку. Мы распили ее, обсуждая достоинства французских вин, и пришли к общему мнению, что они лучше в мире. Анна, правда, добавила, что и калифорнийские вина становятся все лучше, но месье Арсеню оспорил ее утверждение и разразился пятнадцатиминутным монологом об истории, технологии и будущем французского виноделия. Мы слушали, раскрыв рты, и Анна признала, что калифорнийским виноградарям пора искать другое занятие. По этому поводу мы решили попробовать редкого вина, которое месье Арсеню берег для особых случаев. Выпив его, мы согласились, что вино отменное. Потом мы поели. Такого вкусного бифштекса, как в «Ле Холидей Инн», мне не приходилось есть ни до ни после. К мясу мы заказали еще бутылку редкого вина. После ленча месье Арсеню поставил перед нами бутылку коньяка и два стакана. Сообщил, что намерен, как обычно в этот час, вздремнуть, и направился к своему домику, лишь слегка покачиваясь.

Мы с Анной решили переместиться под пальму и пить коньяк, любуясь бухтой. Я взял бутылку, Анна — стаканы. Казалось, в мире нет никого, кроме нас. Я снял рубашку, Анна — блузку. Плеснул коньяка в стаканы, и мы пили его маленькими глоточками и смотрели на лениво плещущуюся воду. Я положил руку ей на грудь, и Анна растегнула бюстгальтер. Ее рука прошла по моему телу и она захихикала.

— Тебе это не мешает ходить?

— Ну, в таком виде ходить целый день трудно. К счастью, существует способ лечения.

— Один или много?

— Немало.

— А есть такие, что мы еще не пробовали?

— Думаю, не меньше двух десятков.

— А может, попробовать их сегодня днем, прямо сейчас?

— Все двадцать?

— Сколько сможем. Я хочу перепробовать с тобой все.

— Мы можем начать.

— Мы можем начать с французского способа?

— Французы называют его немецким. Или испанским.

— Так мы можем?

— Если ты хочешь.

Она вновь хихикнула.

— Давай попробуем и французский способ, и немецкий, и испанский, и английский, и американский. А русские? У них есть свой способ?

— Я не знаю.

— Они его еще не изобрели?

— Нет. Но мы сами изобретем русский способ. Нам это по плечу.

Анна повернулась ко мне и я поцеловал ее в губы, поднял на руки и отнес в нашу кабинку.

Потом я сидел под пальмой со стаканом коньяка и смотрел, как Анна плавает в бухте. Я пришел к выводу, что проведу остаток дней в «Ле Холидей Инн», буду любить Анну, пить прекрасное вино месье Арсеню, есть его великолепную еду. Попав в рай, я решил остаться в нем навсегда.

Анна выбежала на берег, ее волосы чуть потемнели от воды.

— Так будет всегда, Пит? Мы не перестанем любить друг друга?

— Нет, не перестанем. Мы будем жить на берегу. Я буду пить коньяк и смотреть, как ты плаваешь. Мы будем разрисовывать ракушки и продавать их туристам. Несколько штук мы продадим Шартеллю.

Анна наклонилась ко мне, отпила коньяка из моего стакана. Взглянула на меня.

— А мы не будем ссориться?

— Никогда.

— И всегда будем любить друг друга?

— Обязательно.

Она села, обхватив колени руками.

— Я так счастлива, Питер.

— Мы будем счастливы. Весь мир лежит перед нами. Он — наш.

Двойной автомобильный гудок возвестил о прибытии Шартелля. Мы поднялись. Я — с некоторым трудом. В сотне ярдов от нас остановился «ласалль». Шартелль сидел за рулем, Клод — рядом с ним. Шартелль встал, затем уселся на спинку переднего сиденья. Махнул мне бутылкой. Я поднял стакан, расплескав коньяк. Анна подняла с песка бутылку и возместила пролитое.

— Как вы, Пит, мисс Анна? — прокричал Шартелль и отхлебнул прямо из горлышка. Ждать ответа он не стал. — А мне хорошо, очень хорошо, просто отлично, — Клод вышла из машины и направилась к нам. Шартелль встал, отбросил бутылку и спрыгнул на землю через закрытую дверцу.

— О, для мужчины моих лет я еще очень пряткий!

— Он выпил почти целую бутылку коньяка, — пояснила Клод.

Шартелль был в одном из своих костюмов-тройке, белой рубашке, ярко-красном галстуке. Черной шляпе набекрень. Он постоял, вытащил из кармана сигару, сунул в рот, раскурил. Посмотрел на бухту, небо, потянулся, подпрыгнул и стукнул в воздухе

каблуками. И, пританцовывая, двинулся к нам. Я слышал, как он напевает что-то себе под нос, высокий, стройный мужчина в широкополой шляпе, танцующий кэкуок на африканской тропе. То был веселый, насмешливый танец с короткими остановками, оборотами, шарканьем ног и забавными поклонами. Как-то мне довелось видеть похоронную процессию, возвращающуюся с кладбища в Новом Орлеане, и некоторые танцевали точно так же, как Шартелль. А он кружился и принимал важные позы. Полагаю, это был танец победы.

Я допил коньяк, отдал стакан Анне, подошел к мусорному баку, снял крышку. И принял бить по ней палкой. Крышка гремела, как барабан. Затем я начал восхвалять своего босса.

— Люди этой земли, поклонитесь, — теперь я стучал по крышке в такт словам. — Идет могущественный из всех... Величественна его походка... — Шартелль махнул сигарой, показывая, что слышит мою литанию. — Владыка душ избирателей... Сын света, дружбы с которым жаждут короли... — шаги Шартелля становились все сложнее. Он продолжал напевать, а я — восхвалять его. — Люди Земли знают его, как Шартелля... Имя его известно от страны Ог до Каша... Вот он идет, сын грома... Поклонитесь ему... Закройте глаза, чтобы его сияние не ослепило вас... Быстрее, ибо он уже здесь... Величайший из рыцарей предвыборных кампаний... Убивающий двух зайцев одним выстрелом пришел к нам!

Шартелль вынул изо рта сигару и важно кивнул воображаемой аудитории, сначала той, что слева, затем — справа.

— Это я! — радостно крикнул он, благословив всех своей сигарой. — Это я!

Он высоко подпрыгнул, едва не свалился, но успел схватиться за пальму, посмотрел на нас и широко улыбнулся. Снял шляпу, перевернул ее и пошел обходить воображаемых зрителей. Анна и Клод зааплодировали.

— Шартелль, вы пьяны, — вынес я приговор. Анна протянула мне бутылку и стакан. Я наполнил его до половины и передал Шартеллю. Тот принял стакан с вежливым поклоном.

— Я не пьян, Пит, но собираюсь напиться.

— Он пел всю дорогу, — пояснила Клод. — Очень неприличные песни.

Шартелль огляделся.

— Как вам здесь, мисс Анна? Должен признать, в таком костюме от вас не оторвать глаз.

— Благодарю вас, мистер Клинт, — она сделала реверанс. Выглядело это забавно, потому что весь ее наряд состоял из бикини. — Тут прекрасно. Пит и я решили остаться здесь до конца наших дней.

— А как месье Арсеню? — спросила Клод. — Слегка навеселе?

— Чуть-чуть. Но это никак не сказывается на его кулинарных способностях.

Шартелль вернулся к машине и достал чемоданы.

— Юноша, на заднем сиденье ящик самого лучшего коньяка. Вас не затруднит взять его?

Я перенес коньяк в нашу кабинку, Шартелль и Клод удалились в свою и через несколько минут вышли в купальных костюмах. Шартелль шлепнул Клод пониже спины.

— Потрясающая у нее фигура, не правда ли, Пит?

Я и не собирался оспаривать очевидное. Она чмокнула Шартелля в щеку и побежала к воде. Анна последовала за ней. Они плавали, а мы с Шартеллем сидели под

пальмой и пили коньяк.

- Похоже, я собираюсь жениться на этой старушке, Пити.
- Вы сделали ей предложение?
- В некотором роде. Мужчины в моем возрасте становятся очень осторожными.
- Вы, конечно, немолоды.
- Полагаю, я просто влюбился.
- Такой старик, как вы. Она согласилась?
- Кажется, да.
- Не слишком ли страстная для старика?
- Ну, я не так уж и стар, юноша.

Я отпил коньяка, и какое-то время мы наблюдали за нашими женщинами.

- А как у вас с мисс Анной?
- Я просто влюбился, — повторил я слова Шартелля.
- Собираетесь жениться на ней?
- Возможно.
- Возможно?
- Женюсь.
- Это, конечно, не мое дело, но мисс Анна — достойнейший кандидат в подруги

жизни.

Шартелль глотнул коньяка и прислонился спиной к стволу пальмы.

До чего же хорошо, Пит. Сажу на песке, смотрю, как две красавицы плещутся в воде, пью коньяк, знаю, что помог выиграть еще одну кампанию. Лучше не придумаешь.

- В Убондо все спокойно?
- Когда я уезжал, все шло прекрасно.

Мы пили, ели, плавали, предавались любовным утехам остаток пятницы, всю субботу и часть воскресенья. Потом мы привели в чувство месье Арсеню, чтобы расплатиться с ним, распили на прощание бутылку вина и поехали в Убондо. Я следовал за большим белым «ласаллем». Анна сидела рядом, положив голову мне на плечо.

- Это было чудесно, — сонно прошептала она.
- Изумительно.
- И мы действительно сможем жить в домике на берегу?
- До конца наших дней, — ответил я.

Глава 26

Охранники у ворот огражденного стеной Подворья Акомоло узнали белый «ласалль» и приветствовали нас, когда в понедельник вечером Шартелль, я и Анна приехали поздравить первого премьер-министра независимой Альбертии. Весь день мы перезванивались с Дженаро и доктором Диокаду. Партия Акомоло уверенно лидировала в масштабах всей страны, Декко значительно опережал своих соперников в Западной провинции.

Уильяма и остальных слуг мы отпустили, чтобы они смогли проголосовать сами и привести с собой всех друзей к урнам, украшенным символом партии, скрещенными лопатой и мотыгой, понятным даже неграмотным. Не менее ясные символы имели и другие партии. После официального визита к Акомоло мы собирались пообедать у

Клод, а затем поехать к Джимми Дженаро и ждать окончательных результатов.

У дома сгрудились машины, толпились люди. Тут собрались чуть ли не все базарные торговки, надевшие наряды. Они стояли или сидели, хихикали, сплетничали, громкими криками приветствуя каждого известного альбертийца, входящего в дом, чтобы поздравить Акомоло. Они приветствовали даже нас. Шартелль помахал им сигарой. В большом зале преобладали мужчины. Они пили виски и джин вождя и говорили друг другу, что с самого начала не сомневались в победе Лидера. Будущий премьер стоял в левом углу, окруженный доброжелателями, которые хором поздравляли его с победой. Он слушал вполуха, время от времени вежливо кивая. Выглядел он уставшим, и ритуальные шрамы на щеках выделялись резче, чем обычно.

Вождь улыбнулся, заметив Шартелля. Двинулся к нам, протягивая обе руки.

— Я так рад, что вы смогли заехать. Сведения очень обнадеживающие.

— Все хорошо, вождь, — кивнул Шартелль. — Лучше не бывает. Я вижу, придворные блюдолизы уже тут как тут.

Акомоло понизил голос.

— Шакалы.

— Держу пари, они знали с самого начала, что вы не можете проиграть.

Акомоло кивнул.

— Все до единого. Но торговки во дворе — самый верный признак. Они чуют победителя и собираются в его доме. Это традиция. И я жалею, что они здесь.

По мере поглощения спиртного шум в зале нарастал.

— Давайте поднимемся в мой кабинет, — предложил вождь. — Здесь нам не поговорить.

Он повернулся к одному из своих помощников и сказал, что будет наверху. Мы поднялись на второй этаж и устроились на низких кушетках. Акомоло сел за стол и тут же начал переключать бумаги. Под потолком медленно вращался вентилятор.

— Я хочу воспользоваться представившейся возможностью и поблагодарить вас, мистер Шартелль и мистер Апшоу, за то, что вы сделали. Я не так наивен, чтобы не понимать, что вы использовали некоторые... скажем, тактические приемы, которые я мог бы не одобрить, если бы вы обратились ко мне.

Шартелль широко улыбнулся.

— Вождь, мы с Питом просто не хотели обременять вас мелкими подробностями. Вам и так хватало забот.

Акомоло кивнул.

— Я думал, что разбираюсь в политике, мистер Шартелль, но эта кампания позволила мне узнать много нового. Я собираюсь написать о ней статью, возможно, для одного из ваших журналов. Как вы думаете, такая статья их заинтересует?

— Спросите лучше у Пита, вождь.

— Ее оторвут у вас с руками, — ответил я.

— Конечно, несколько месяцев со статьей придется повременить, но думаю, если хорошо ее написать, она станет классическим примером использования американских методов политической борьбы в обретающей независимость африканской стране. Возможно, доктор Диокаду поможет мне подготовить такую статью.

— Чего только нам не хватало, так это радио и телевидения.

Вождь улыбнулся.

— В следующий раз, дорогой Шартелль, у нас скорее всего будет и то и другое.

Он еще улыбался, когда они вошли в кабинет. Капрал альбертийской армии и

шесть рядовых. Рядовые держали в руках ружья, капрал — «кольт» сорок пятого калибра. Дуло пистолета смотрело на Акомоло.

— Вы арестованы, — голосу капрала не доставало уверенности. Костлявый, с впалыми щеками, плоским лбом, он был староват для столь низкого звания. Его очки стальной оправой запотели в духоте кабинета.

— Что это значит? — Акомоло все еще перекладывал бумаги на столе.

— Вы арестованы. Армия взяла власть в свои руки.

— Дурак.

— Вы арестованы! — выкрикнул капрал.

Акомоло открыл правый верхний ящик стола, осторожно опустил в него пачку бумаг, словно хотел, чтобы с ними ничего не случилось до вторника, когда они вновь понадобятся.

Они выпустили в него шесть пуль, прежде чем тот успел вытащить из ящика пистолет.

Вождя отбросило на спинку кресла. Капрал выстрелил трижды, трое рядовых — по разу. Остальные держали нас на прицеле.

Открытые глаза Акомоло еще удивленно смотрели на нас, но он уже умер. Медленно, очень медленно его тело сползло на пол. Анна ахнула. Мы с Шартеллем не издали ни звука.

Кaprал подал знак одному из рядовых, стрелявших в вождя. Тот выхватил кинжал, обошел стол, поставил ружье к стене, присел. Несколько раз поднялся и упал нож. Рядовой встал, широко улыбаясь. В руке он держал отрезанную голову Акомоло. Снаружи доносились возбужденные крики торговков. Они хотели знать, почему стреляли.

— На улицу, — подал знак капрал. — Все.

Нас вытолкали на балкон, идущий вдоль дома. Торговки внизу орали, толкали друг друга. Капрал взял у рядового голову Акомоло и высоко поднял ее, покачивая из стороны в сторону. Капли крови падали на его форму, одна попала на стекло очков.

— Тиран мертв! — прокричал он. Женщины его не слышали. У них хватало своих дел. Капрал вновь прокричал ту же фразу. Двое рядовых подошли к нему и стали по бокам, с идиотскими улыбками на лицах. Я обнял Анну и почувствовал, что она дрожит.

Гости Акомоло также высыпали во двор. Самые догадливые уже успели завести двигатели, и машины одна за другой выезжали из ворот.

Шум внизу немного поутих.

— Тиран мертв! — проревел капрал, и на этот раз его услышали. Капрал бросил голову вниз. Торговки передавали ее из рук в руки, затем она упала и ее пинали ногами. Минут через пять-шесть это занятие им надоело и они снова устали стоять на балконе, уперевшись руками в парапет. Они ждали продолжения. Капрал что-то сказал двум рядовым, застывшим справа и слева от него. Ухмыляясь, те двинулись к Анне, схватили ее за руки и потащили к капралу. Я бросился на них, но двое других пригвоздили меня к стене, дуло ружья уперлось мне в подбородок. Я попытался вырваться и получил прикладом в ухо. Шартелль уложил одного из солдат ударом кулака, но другие набросились на него, повалили на пол, избивали ногами и прикладами.

Анна боролась изо всех сил. Кусалась, пинала их, ругалась. Торговки молча смотрели, как двое солдат поднимали Анну на парапет.

— Белая сука Акомоло! — прокричал капрал и указал на нее. Анна закричала. Женщины смеялись и тянули к ней руки. Их лица слились в черное море ненависти, ярости и похоти.

В этот момент в ворота въехал джип, следом за ним — «лэндровер». Сурового вида сержант-майор, сидевший за рулем джипа, трижды выстрелил в воздух. Рядом с ним сидел майор Чуку. Рядовые отпустили Анну, и она, пошатываясь, подошла ко мне. Державшие меня солдаты отошли в сторону. Шартелль застонал, поднялся на колени, ухватился за парапет, прилег на него.

Майор Чуку, в полевой форме, держал в руке стэк. Солдаты в полной боевой выкладке спрыгнули с «лэндровера» и выстроились полукругом за спиной майора, с ружьями наизготовку. Майор стэком прокладывал себе путь через толпу женщин. Сержант — ногами и кулаками. Они поднялись на балкон, где сбились в кучу капрал и его шестеро рядовых. Ружья и «кольт», из которых убили Акомоло, валялись на полу. Я обнимал Анну, ее всю трясло. Сам я прислонился к стене. Шартелль все еще полулежал на парапете, рукой потирал спину, по которой прошли приклады.

Майор Чуку мельком глянул на капрала и его солдат.

— С мисс Кидд все в порядке, мистер Апшоу?

— У нас все нормально, нам очень хорошо.

— У мистера Шартелля что-то болит?

— Я думаю, ему отбили почки.

— Где Акомоло?

— В своем кабинете.

Майор нырнул в маленькую комнату и тут же вернулся. Он покачивал головой, постукивая стэком по ладони левой руки. Этот жест, вероятно, означал, что он расстроен.

— Позже я принесу вам официальные извинения, мистер Апшоу. А сейчас прошу ответить на вопрос. Это сделали они? — он махнул стэком в сторону капрала и его шестерых рядовых.

— Они.

Майор повернулся к сержанту.

— Поставьте их у стены, — он показал где. — И расстреляйте. Пусть женщины смотрят.

— Са! — рывкнул сержант-майор и отдал честь. Тощий капрал упал на колени, затем с громкими воплями распростерся на полу. Сержант пинками заставил его встать и погнал вниз. Капрал снова упал, но башмаки сержанта быстро подняли его с земли. Солдаты с «лэндровера» отвели капрала и его людей к стене. Женщины наблюдали.

Капрал и рядовые сбились в кучку. Капрал рыдал. Сержант махнул рукой. Прогремели выстрелы. Затем сержант пустил по пуле в голову каждому из семерых, хотя мне показалось, что они и так умерли.

Торговки радостно загомонили. Они находились на стороне победителя.

— Дерьмо, — пробормотал Шартелль.

Майор повернулся ко мне.

— Произошла небольшая накладка.

Анну по-прежнему трясло. Она судорожно всхлипывала, и я все сильнее прижимал ее к себе, повторяя, как автомат: «Все хорошо, все хорошо».

Шартеллю удалось оторваться от парапета. Его перекошенное от боли лицо

побледнело, как полотно.

— Произошла небольшая накладка, — повторил майор Чуку.

— Какая накладка? — просипел Шартелль.

— Мы хотели обойтись без жертв, без выстрелов.

— Дерьмо, — вновь выругался Шартелль. Он шагнул к майору, покачнулся, чуть не упал. — Без жертв, а? Никакого насилия. А как же капитан Читвуд?

Майор Чуку мигнул.

— Причем здесь Читвуд?

— Вы убили его. Или приказали убить. У нашего дома.

— Вы сошли с ума.

Шартелль достал из кармана черную сигару, сунул в рот, раскурил. Глубоко затянулся и выдохнул дым в лицо майору.

— Нет. Я не сошел с ума. Вы убили Читвуда, потому что он узнал о готовящемся перевороте.

— Я очень сожалею о том, что произошло, мистер Шартелль. Неудачное стечение обстоятельств. Но это наше внутреннее дело.

— Акомоло был моим кандидатом. И вы его убили. А как остальные, старина Алхейджи и доктор Колого? Они тоже убиты?

— Они арестованы ради их же собственной безопасности.

— Но вы не могли арестовать Читвуда, не так ли? И приказали резать его. Вы, майор, потому что Читвуд пытался сказать нам об этом. Он написал первую букву вашей фамилии в грязи на нашей подъездной дорожке, но на большее у него не хватило времени. Ему еще бы две минуты — и он вывел бы вас на чистую воду.

— С той же буквы начинается и его фамилия, — невозмутимо ответил майор. — А может, он написал букву "Ц", имея в виду ваше небызвестное ЦРУ.

— Он имел в виду совсем другое, и вы прекрасно об этом знаете. Значит, вы взяли проигравших под свою защиту, а победителя убили? Мертв только победитель, так? Мой победитель.

— Это несчастный случай. Этим людям приказали охранять въезд в подворье Акомоло, чтобы предотвратить побег вождя. Они превысили свои полномочия.

— Они убили моего кандидата, майор, моего! И вы — их командир, то есть ответственность ложится на вас.

— Я думаю, вы согласитесь, что они понесли заслуженное наказание.

— А как насчет тех, кто убил Читвуда? Их тоже наказали? Не вешайте мне лапшу на уши, майор. Читвуд узнал о готовящемся перевороте, и вы его убили. Кто вас поддерживал? ЦРУ или M16¹⁶?

— Вы недооцениваете нас, мистер Шартелль. Даже африканцы иногда могут решать свои дела без иностранной помощи. Пусть это послужит вам уроком.

— Значит, вы все подготовили сами, только армия? И под каким предлогом вы выгоняете англичан?

— Сейчас идет подготовка официального заявления. Вы сможете услышать его по радио или прочитать в утренней газете.

— Что-нибудь насчет коррупции и необходимости поддержания правопорядка и стабильности в первый, самый трудный период после обретения независимости.

Майор позволил себе улыбнуться.

— Что-то в этом роде.

Тем временем солдаты уже очистили двор от торговок. Шартелль повернулся ко мне.

— С мисс Анной все в порядке?

— Я хотел бы увести ее отсюда.

Он кивнул и взглянул на майора.

— Я хочу вам кое-что сказать, сынок. Вы допустили ошибку. Вы совершили самый непопулярный переворот в истории, а если переворот непопулярен, вас ждут серьезные неприятности. Если бы вы подождали пару месяцев, все было бы нормально. Но люди только что проголосовали и хотят знать, кто победил, и как они будут жить после выборов. Поэтому, юноша, я думаю, что народ вас не одобрит, а если у вас неприятности с народом, то и банкиры повернутся к вам спиной. А они могут уморить вас голодом. Если же народ достаточно наголодается, то скорее всего как-нибудь после полуночи в вашу дверь постучится другой майор или подполковник и вам повезет, если на вашей могиле поставят надгробный камень.

— Вы нарисовали мрачную картину, мистер Шартелль. Я подумать не мог, что вы способны на столь театральную ненависть, — он вновь чуть улыбнулся. — Возможно, она спадет после того, как вы покинете Альбертию. А уехать вы должны, разумеется, это касается и мистера Апшоу, в ближайшие двадцать четыре часа. Свою ненависть вы можете забрать с собой.

— Майор, вы убили моего клиента, моего победителя, — Шартелль стукнул кулаком себя в грудь. — Моего. Вы не знаете, что такое ненависть, потому что я только теперь возненавидел вас.

Майор позволил себе еще раз улыбнуться. Вероятно, последний в этот день.

— Возможно, в Африке вы найдете достойную пару вашей ненависти.

Шартелль медленно покачал головой, не сводя глаз с майора.

— Не найду, майор. Не только в Африке, но во всем мире.

Глава 27

Мы приехали в наш дом к семи вечера. Шартелль вел машину, и повсюду мы видели солдатские патрули. Остановили нас лишь однажды и достаточно вежливо посоветовали не показываться на улицах. Двери были на замке, слуги еще не вернулись.

По пути домой мы молчали. Едва мы вошли в гостиную, Шартелль сразу же позвонил Клод. Анна сидела на кушетке со стаканом коньяка в руке, уставившись в пол. Я прислонился к дверному косяку, всматривался в ночь и пил коньяк. Я пытался разобраться, какие же чувства обуревают меня, но никак не мог определиться. Болело ухо.

Шартелль закончил разговор с Клод и набрал другой номер. Я не слушал. Мне в Альбертии говорить было не с кем. Я прошел в столовую и налил себе новую порцию коньяка. Затем вернулся к Анне.

— Как ты?

Анна посмотрела на меня и улыбнулась.

— Нормально. Прихожу в себя. Бренди помогает.

— Как только Шартелль положит трубку, я закажу нам билеты.

— Куда?

— Куда полетит первый самолет. На север, юг, запад, это не важно.

— Я не понимаю.

— Все просто. Мы уезжаем.

— Я не могу. Я знаю, ты должен, но я не могу. Мне завтра в школу. Я не могу уехать. Мне нужно учить детей.

Я присел рядом с ней.

— Что ты несешь? Все кончено, Анна. Раз и навсегда. Хороших парней перестреляли. К власти пришли плохие люди. Все кончено.

— Нет, — она покачала головой, — это не так. Завтра откроется школа. Как обычно. Завтра она обязательно должна открыться. Ты понимаешь, не так ли? — Анна провела рукой по той стороне моего лица, на которую пришелся удар прикладом. Больно?

Я покачал головой.

— Завтра дети придут в школу. Они будут ждать меня, надеяться, что я их встречу, потому что они многого не понимают и испуганы. Я — какая-то опора в их жизни. Не они проиграли выборы, только кандидаты. Возможно, что-то потеряла и страна, но нельзя же наказывать за это детей.

— Ты можешь подать заявление. Ты не подписывала контракта. Ты можешь уехать, и мы поженимся в Риме или Париже, или Лондоне, в любом городе, где приземлится самолет.

— Я хочу выйти за тебя замуж, Пит. Ты не представляешь, как я этого хочу. Но я не могу уехать. И, похоже, не могу тебе этого объяснить или заставить тебя понять.

— Ну не знаю. Возможно, я действительно не понимаю таких слов, как моральные обязательства или святой долг. Для меня это пустой звук. Едва ли меня потерпят здесь. Не думаю, что новое правительство позволит мне остаться еще на шесть или семь месяцев, чтобы я мог носить твои учебники из школы домой.

Она смотрела на меня, и я видел слезы в ее глазах.

— Я знаю. Я знаю, что ты не можешь остаться, но я-то должна. Я просто должна.

Шартелль положил трубку и подошел к нам. Взял стакан коньяка, который я налил ему, и осушил одним глотком.

— Я говорил с Дженаро. Его разыскивают, и он едет во дворец Иля на одном из «фольксвагенов». Но сначала должен позаботиться о Маме и детях. Декко и док Диокаду уже уехали к Илю. Полагаю, вы и я отправимся туда же около полуночи в «хамбере».

— Вы и кто?

— Вы и я, юноша. Мы едем к Илю.

— Вы серьезно, Шартелль?

Он склонил голову набок и всмотрелся в меня.

— Полагаю, что да, Пит. Дженаро сказал, что у них есть план на случай чрезвычайных обстоятельств. Вплоть до партизанской войны. Им нужна помощь. Мозговой центр, знаете ли.

— Что вы собрались делать, Шартелль? Консультировать убежавших в буш недоучек-политиков? Руководить партизанскими операциями? О боже, вы не Фидель Кастро. Даже не Че Гевара.

— Значит, вы не едете?

— Во дворец Иля?

— Именно.

— Нет. Я не еду. У меня есть двадцать четыре часа, чтобы убраться из страны. Если я задержусь на более длительный срок, то, возможно, сам окажусь на подъездной дорожке, пытаюсь вывести в грязи фамилию того, кто зарезал меня. Нет, я не поеду, а кроме того, я не специалист по ведению партизанской войны. Думаю, я им не нужен. На этот раз вы проиграли, Шартелль, как ни горько это осознавать.

Шартелль подошел к креслу и осторожно опустился в него. Вытянул длинные ноги, закинул голову, долго разглядывал потолок.

— Я не собираюсь обижаться на ваши оскорбления, Пит, потому что вы расстроены. А может, вы и правы. Возможно, я проиграл, рассердился и веду себя как дурак. Но я прикипел к Альбертии и для меня уехать сейчас, как приказал майор, все равно что оставить здесь руку или ногу. Я не могу этого сделать. Что-то они отняли у меня, этот майор и его банда. А жить дальше без этого что-то я не могу. Не знаю, поймете ли вы меня, юноша, но я намерен попытаться вернуть отнятое. Я не могу уехать, не предприняв такой попытки, и, возможно, одна попытка удовлетворит мое честолюбие. А отдать все майору без боя я не могу.

— Что вы здесь потеряли, Шартелль? Вашу репутацию? Вы же не проиграли выборов, их результаты украли у вас силой оружия. На вас напали, вас ограбили, называйте это как хотите. Вы просто сошли с ума.

— Он не позволяет себе понять, Клинт, — вмешалась Анна. — Если он позволит, то останется, а он не хочет быть обязанным кому-либо до такой степени.

— Вы остаетесь?

— Да, — кивнула она. — Я должна остаться. Вы знаете.

— Знаю.

И я знал. Не только о чем они говорят, но и о том, что слишком поздно. В тридцать четыре года не участвуют в чьей-то революции. Я встал и ушел в свою спальню. Достал чемодан и побросал в него одежду. В нижнем ящике я нашел юбку из джинсовой ткани и белую блузу. Положил их в чемодан, затем достал и сунул обратно в ящик. Я не нуждался в сувенирах. Собрав чемодан, я отнес его в гостиную. Анна говорила по телефону.

— Благодарю вас, — услышал я, и она положила трубку. — Звонили из консульства. Им уже сообщили, что вы объявлены *persona non grata*. Тебя отправят первым же рейсом. Если ты хочешь улететь.

— Мне не нравятся альбертийские тюрьмы.

Шартелль все также сидел в кресле, вытянув ноги.

— А может, вы передумаете, Пит. Возможно, мы неплохо позабавимся.

— Мне хватило сегодняшних забав.

Шартелль подтянул ноги, оторвался от спинки, достал ручку и блокнот, начал что-то писать. Затем вырвал листок и протянул его мне.

— Уильям вернулся. Заглянул в гостиную, пока вы собирали вещи. Он отвезет вас в Барканду в «ласалле». Я возьму «хамбер» и позабочусь о том, чтобы Анна добралась до дому в целостности и сохранности.

— Благодарю. Что это за записка?

— Помните маленький бар на пути в Барканду... «Колония»? Там нас обслуживал американец, Майк.

Я кивнул.

— Отдайте записку ему. Посмотрите, что там.

Я прочел: «Майк, если вы продаете то, что, я думаю, вы продаете, мне понадобится

ваш товар. Свяжитесь с мадам Клод Дюкесн в Убондо. Шартелль».

Я сложил листок и убрал в карман.

— Вы подставляете ее под удар.

Шартелль выпустил струю дыма и задумчиво посмотрел на меня.

— Полагаю, это мое дело, юноша, и ее.

Уильям подогнал «ласалль» к крыльцу. Верх он поднял. Вошел в гостиную, взглянул на меня, начал что-то говорить, передумал, подхватил мой чемодан и отнес к машине.

— Пожалуй, мне тоже пора собираться, — Шартелль шагнул к своей спальне. — Если вы передумаете, Пит, дайте мне знать. Вы где-то третий в мире по качеству вашей работы. Мы нашли бы применение вашему таланту.

Я кивнул.

— Прощайте, Шартелль.

Он задержался у двери, глубоко затаился, выдохнул дым, подмигнул мне в последний раз.

— Прощайте, юноша.

Анна сидела на кушетке со стаканом коньяка. Я присел рядом.

— Это не конец, ты знаешь.

В ее глазах стояла боль.

— Для меня это не кончится никогда, дорогой. Мне просто плохо, вот и все. Мне плохо, потому что ты должен уехать, а я — остаться. Мне плохо, потому что я не могу быть с тобой.

— Это ненадолго.

— Я буду писать каждый день.

— Я много езжу по свету.

— Но возвращаешься в Лондон?

— На два-три дня.

— Я люблю тебя, Пит.

— Домик на берегу. Помни о нем.

Я обнял и поцеловал ее. Почувствовал, а не услышал сотрясающие Анну рыдания, вновь поцеловал, встал, прошел на крыльцо по ступенькам и сел на переднее сиденье, рядом с Уильямом. Тот не возражал.

— Поехали.

— Барканду, са?

— Аэропорт.

Я оглянулся. В проеме двери я видел Анну, сидящую на кушетке с недопитым стаканом коньяка в руке. Она не пошевелилась, не подняла головы. Похоже, она плакала.

Мы ехали быстро, старый автомобиль легко вписывался в повороты. Солдаты остановили нас лишь однажды, и мы добрались до «Колонии» за сорок пять минут. Оставив Уильяма за рулем, я зашел в бар. Майк стоял за стойкой, слушая «Радио Альбертии», объясняющее необходимость военного переворота, и наблюдая за вращающимися под потолком лопастями вентилятора. В зале не было ни души.

— Что будете пить?

— Двойное шотландское.

Он кивнул, наполнил бокал, поставил передо мной.

— Как я понял, небольшая заварушка.

— Еще какая, — я протянул ему записку. — От Шартелля.
Он прочитал, порвал записку, кивнул.
— Вы остаетесь?
— Нет. А вы?
— Побуду немного. Может, дела пойдут лучше.
— Оружие?
Он ответил лишь взглядом.
— Выпьем за счет заведения, — он налил нам обоим двойное виски. Я выпил, поблагодарил его и направился к двери. Но остановился у порога и обернулся.
— Вы раньше знали Шартелля?
Он кивнул.
— Мы встречались. Давным-давно. Во Франции. Он думал, что я француз, пока не наступил мне на руку и я не обозвал его сукиным сыном.
— Он сказал, что знаком с вами.
— У него хорошая память.
Я сел в машину, и Уильям довез меня до аэропорта за пятьдесят минут. Народу было полно, но представитель консульства достал мне билет. До посадки оставалось двадцать минут. Я пригласил Уильяма в бар. Взял себе виски, ему — пива.
— Как твой брат?
— Он в школе, са. Очень хорошей школе, где мадам Анна — учительница.
— Он пойдет в школу завтра?
На лице Уильяма отразилось недоумение.
— Да, са. Он ходит каждый день.
Я кивнул.
— Уильям, чего ты хочешь больше всего?
Он застенчиво улыбнулся.
— Я хочу такси, са.
— Одну из этих «моррис майнор»?
— Да, са.
— Сколько тебе нужно денег?
— Очень много, са. Триста фунтов.
Я достал бумажник. У меня осталось 132 альбертийских фунта. Я отдал их Уильяму.
— Вот тебе на первый взнос. От Шартелля и меня.
Прежде чем он успел поблагодарить меня, объявили посадку на мой самолет. Я пожал ему руку, и он проводил меня до пункта проверки паспортов. Я поднялся в самолет, а он поехал в Убондо. Полет проходил как обычно. Мы развернулись над океаном и пролетели над Барканду, взяв курс на Сахару и Рим. Я посмотрел вниз.
— Роскошная бухта.
Мой сосед сделал вид, что не слышит.

Глава 28

Два месяца спустя я сидел в новеньком кабинете новенького редакционного здания в одном из новеньких городов, выросших на восточном побережье Флориды. Новенькая табличка на двери гласила: «Главный редактор». Положив ноги на стол, я читал ежедневное письмо Анны Кидд: "Они умолили меня остаться еще на шесть

месяцев, в должности директора школы. Я буду уже не добровольцем К.м., но обычной школьной мымрой. За шесть месяцев я смогу подготовить себе замену, а потом уеду. Не могу объяснить, почему я согласилась. Я лишь надеюсь, что ты меня поймешь. Правда?

Вчера я виделась с Клод, и она дала мне записку от Шартелля, чтобы я переслала ее тебе. Я переписала ее слово в слово: «Маленькому, но растущему движению сопротивления в Западной Африке требуется компетентный, энергичный специалист по общественным отношениям. Возможно быстрое продвижение по службе. Наши работодатели в курсе».

Я дочитал письмо, сложил и убрал в карман. Я прочел его уже в четвертый раз. Еще один — и я выучил его наизусть.

Джордж Секстон, телеграфный редактор, вошел в кабинет и положил передо мной статью АП и снимок, полученный по фототелеграфу. Первым делом я взглянул на снимок.

— Вы знаете этих парней? — спросил Секстон.

Я их знал. Всех четырех. Декко стоял в центре, суровый и решительный. Дженаро, в неизменных солнцезащитных очках, широко улыбался слева от него. Доктор Диокаду стоял справа, с обычным ворохом бумаг под мышкой. Шартелль попал в объектив случайно, слева и сзади Дженаро. Он выглядел так же, как и на других фотографиях: словно старался вспомнить, выключил ли он плиту, на которой жарилось мясо.

— Я их знаю, — ответил я и потянулся за статьей. Ее написал Фостер Мамашед и отправил из Барканду. В редакторском предисловии указывалось, что это первое после переворота интервью вождя Декко. Статья включала две тысячи слов и мне понравилось. Похоже, Шартелль сдержал слово, данное ветерану АП.

Декко, базируясь в буше, причинял военному режиму немало хлопот и намеревался расширить сферу своих действий. Мамашед мельком упомянул Шартелля и последние пятьсот слов посвятил прогнозированию политического будущего Альбертии. Прогноз получился весьма и весьма мрачный.

— Сократите статью до восьмисот слов и давайте на девятой полосе, — решил я. — Заголовок оставьте.

— А как насчет фотографии? — спросил Секстон.

— Уберите парня слева, белого в черной шляпе.

— Разве это не ваш приятель?

— Он не любит рекламы.

— Жалеете, что вас там нет, не так ли, Пит?

Я посмотрел на него. Ему было лишь двадцать три года.

— Нет. Не жалею.

Он вернулся за стол, а я достал из нижнего ящика пинту виски. Развернулся на вращающемся стуле к стеклянной панели, занимающей всю стену и выходящей на улицу. На другой стороне находился одноэтажный мотель, а за ним — океан. Я отвернул пробку и глотнул виски. Два ребенка, мальчик и девочка, проходившие мимо, прильнули носами к стеклу, решив посмотреть, как работает главный редактор. Я приветствовал их еще одним глотком виски и убрал бутылку в нижний ящик. Мальчишка показал мне язык.

Повернувшись к пишущей машинке, я вставил в каретку лист бумаги, на мгновение задумался и напечатал:

«ЗАПАДНАЯ АФРИКА АЛЬБЕРТИЯ, УБОНДО ИНФОРМАЦИОННАЯ СЛУЖБА США ДЛЯ АННЫ КИДД ПЕРЕДАЙТЕ ПИРОЖКУ В ГЛУБИНКУ ТРЕТИЙ В МИРЕ ПИСАКА СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ ПРИБУДЕТ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ТОЧКА СКАРАМУШ».

Я позвал курьера, дал ему десять долларов и велел как можно быстрее отправить телеграмму. Боялся, что передумаю. Еще несколько минут полюбовался океаном, снял телефонную трубку и набрал номер. Мне ответил женский голос.

— Я хотел бы заказать билет на ближайший рейс до Нью-Йорка. А затем из Нью-Йорка в Барканду. Барканду — в Альбертии. Альбертия — в Африке.

Ей пришлось по другому телефону связаться с Нью-Йорком. Затем она сообщила мне, что я могу вылететь в Барканду завтра из аэропорта имени Кеннеди в четыре часа пятнадцать минут пополудни по местному времени. Она задала еще один вопрос и ей пришлось повторить его дважды, потому что я думал.

— Нет, — наконец ответил я, — обратного билета не надо, только туда.

Я положил трубку, немного посидел, затем встал, сказал Секстону, что иду на ленч, пересек улицу, обогнул мотель и зашагал вдоль берега. Стоял поздний октябрь, и сезон еще не начался.

На пляже никто не загорал. Я сел на песок и всмотрелся в океан. Трое ребят бежали за большой собакой у самой кромки воды. Собака радостно гавкала и виляла хвостом. Потом ребяташки побежали в другую сторону, и собака помчалась за ними. Бегали они долго, но никто так никого и не поймал. Я сидел, наблюдая за ними, стараясь не думать. Но мысли все равно лезли в голову.

В конце концов я поднялся, отряхнул песок с брюк. Дети и собака все еще гонялись друг за другом. Я наклонился, поднял камешек и бросил в них. А может, в Африку.

Естественно, не попал.